

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

4(106)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Октябрь–Декабрь 2010

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Лев ГУДКОВ, Борис ДУБИН, Наталия ЗОРКАЯ. Российская судебная система в мнениях общества 7

Денис ВОЛКОВ. Интернет и политическая ангажированность в России (по данным массовых опросов) 44

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Иван САМСОН, Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? 61

Наталья БОНДАРЕНКО. Особенности кадровой политики «кризисного периода» 2008-2010 гг. 73

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛАРУСИ В ЗЕРКАЛЕ МАССОВЫХ ОПРОСОВ

Сергей НИКОЛЮК. «Веселые» президентские выборы в Беларуси 91
Анна МОРГУНОВА. Занятость в Беларуси: политика и повседневность 98

Авторы номера 115

SUMMARY 116

Список статей, опубликованных в 2010 году 118

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
Е. В. Войналович

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

4(106)

Quarterly

October–December 2010

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of
the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

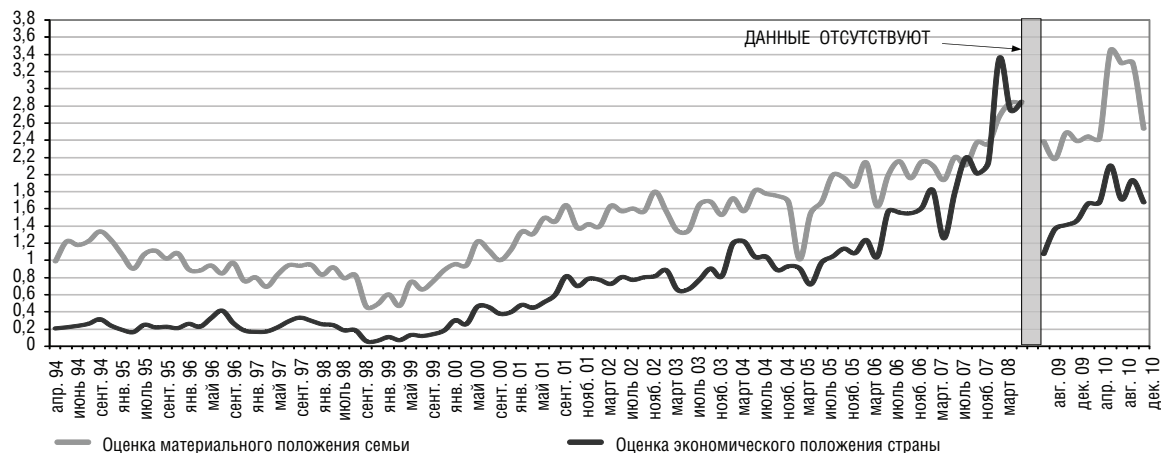
Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
RUSSIAN SOCIETY: LEGAL AND POLITICAL CULTURE	
Russian Judicial Reform in Society Opinions (by Lev Gudkov, Boris Dubin, Natalia Zorkaya)	7
Internet and Political Engagement (according to Surveys Data) (by Denis Volkov)	44
ECONOMIC PROBLEMS AND SOCIAL STRUCTURE OF THE SOCIETY	
Middle Class in Russia: Emerging Reality or an Old Myth? (by Ivan Samson and Marina Krasilnikova)	61
Specific Features of Personnel Policy of the «Crisis Period» in 2008–2010 (by Natalia Bondarenko)	73
SOCIAL PROBLEMS OF BELARUS AS MIRRORED BY SURVEYS	
«Merry» Presidential Elections in Belarus (by Sergei Nikolyuk)	91
Employment in Belarus: Policy and Everyday Life (by Anna Morgunova)	98
Autors of the issue	115
SUMMARY	116
List of publications, 2010	118

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

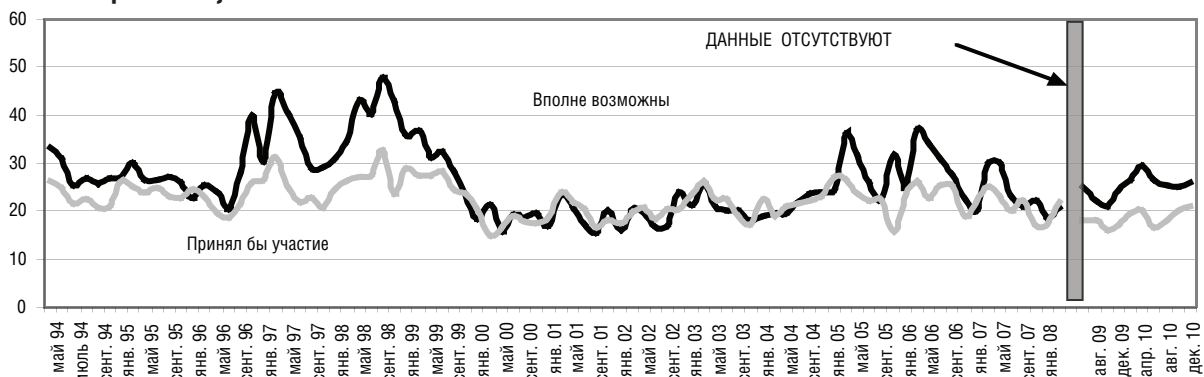
1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ (соотношение давших положительную — «хорошее» и «среднее» — и отрицательную — «плохое» и «очень плохое» оценку; затруднившиеся с ответом не учитываются)

После спада оценок с началом мирового финансового и экономического кризиса в 2008 г. они начали вновь расти в 2009-м. К лету 2010 г. оценки положения в стране поднялись до предвыборного уровня. Летние пожары, политические скандалы и общая неопределенность ситуации 2010 г. привели к резкому обвалу показателей.

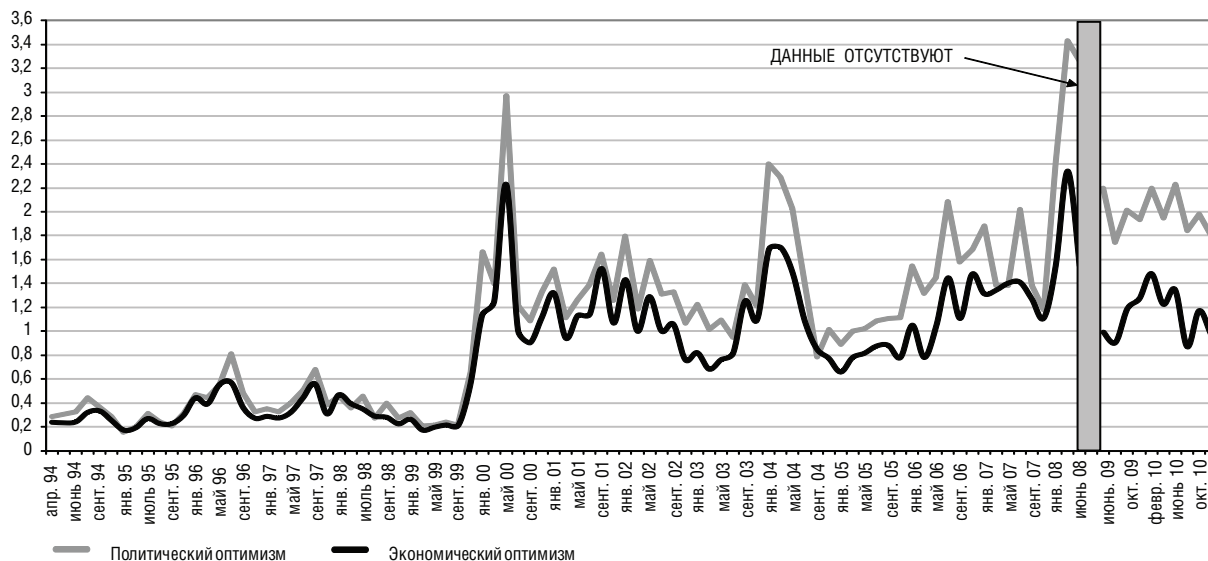
2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примите в них участие?» (в % от числа опрошенных)

Протестные настроения остаются на сравнительно низком уровне. Они заметно выросли летом 2010 г., но этот рост был неустойчивым.

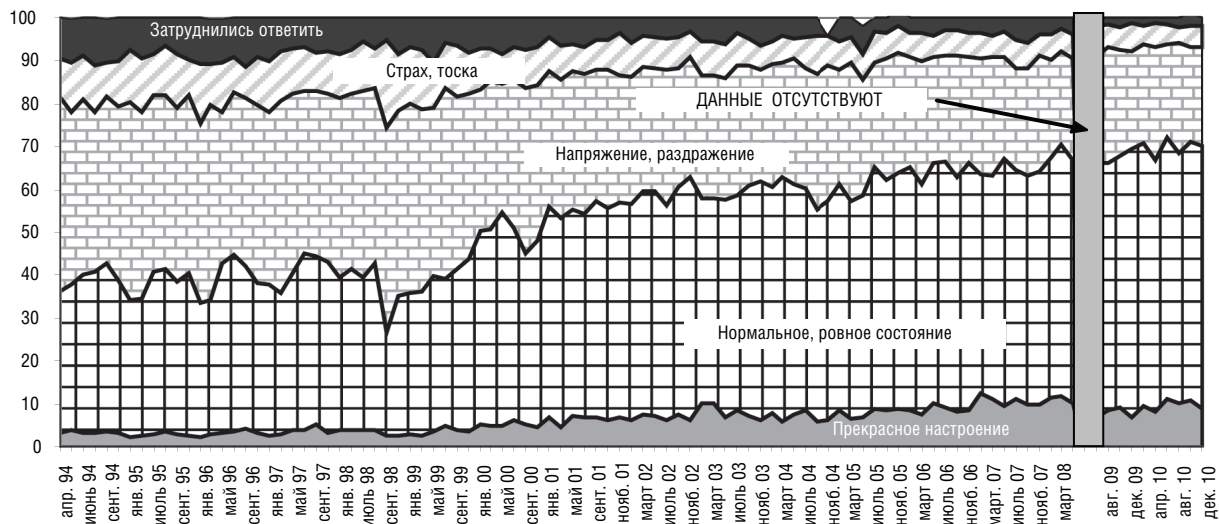
3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

Последний пик политического оптимизма (как и в предшествующие годы) пришелся на год выборов – в данном случае выборов президента 2008 г. В этот период особенно значительным становится типичное для электоральных циклов преобладание политического оптимизма над экономическим. В 2009-м – начале 2010 г. оба индекса держались около среднего уровня всего десятилетия, точно повторяя колебания друг друга. Примечательно, что политический оптимизм, в отличие от всего предшествовавшего периода замеров, стабильно превышает экономический оптимизм. Периоды падения индексов в 2008–2009 гг. могут объясняться реакцией на экономический кризис, а в 2010 г. – аномальной жарой, пожарами и ростом инфляции.

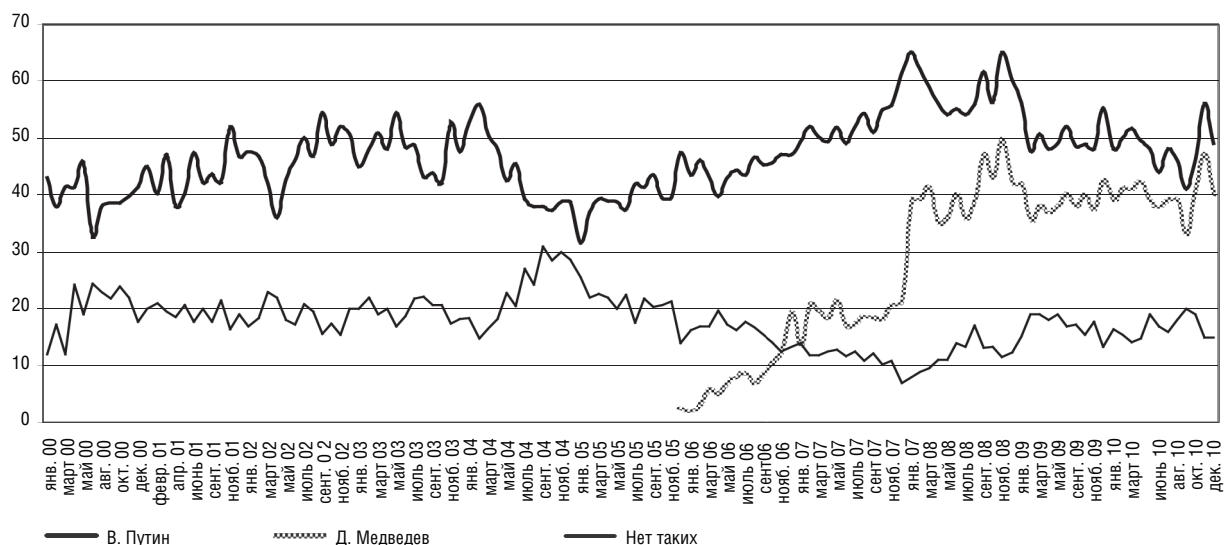
4. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

Колебания оценок и ожиданий россиян летом 2010 г. не слишком сказались на доминирующих настроениях россиян: в целом среди них преобладает нормальное, ровное состояние.

4а. Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

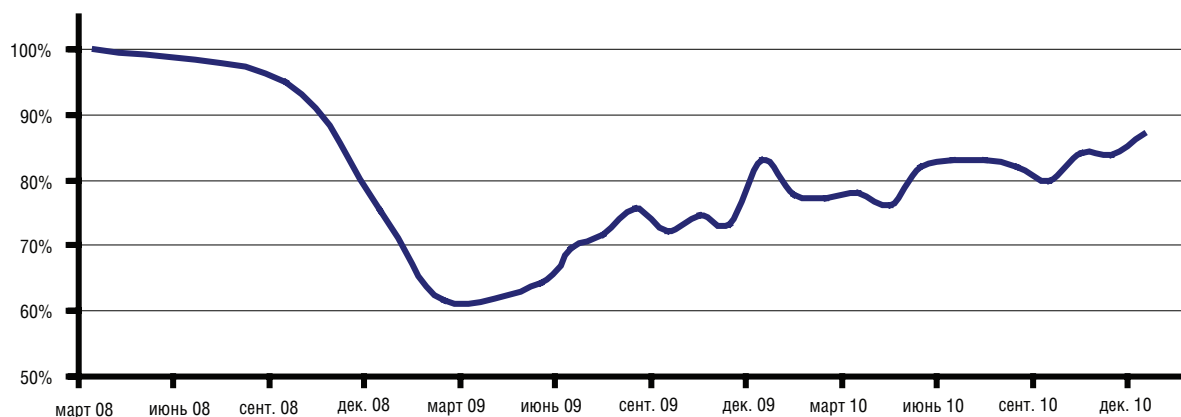

Уровень доверия к двум первым лицам страны, достигнув самого высокого уровня осенью 2008 г. (после войны с Грузией, доверие к В. Путину заметно выше, чем к Д. Медведеву), затем снизился и держался на этом более низком уровне до лета 2010 г., когда еще более упал. Достаточно высокой остается доля россиян, которые не доверяют никому из нынешних политиков и не интересуются политикой.

4б. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравшим хотя бы в одном замере не менее 3%)

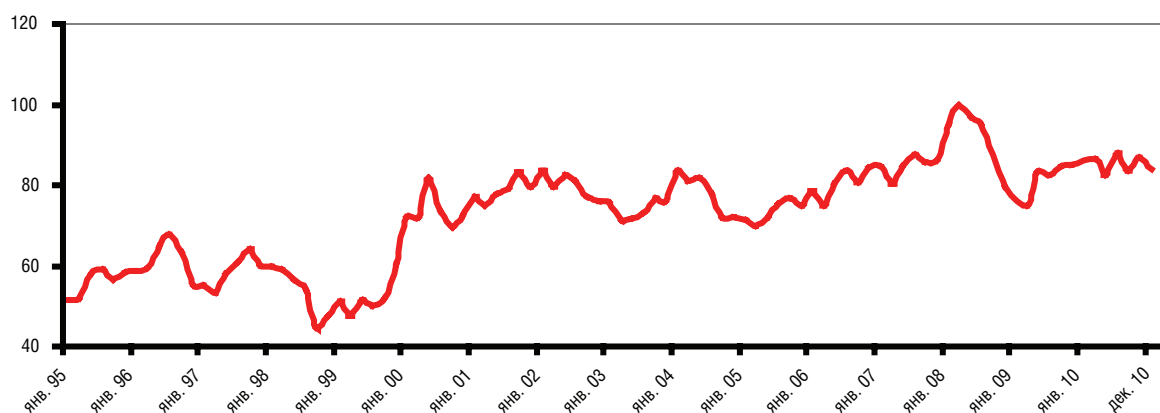
Вариант ответа	2008				2009				2010											
	I	V	VI	XII	I	V	VII	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Грызлов Б.	3	4	3	4	4	3	3	4	4	4	4	3	4	4	4	3	4	3	4	3
Жириновский В.	10	8	7	9	10	10	11	11	9	10	10	13	11	11	10	9	8	9	14	11
Зубков В.	14	8	6	2	2	3	2	2	2	2	2	2	3	3	3	3	2	3	3	3
Зюганов Г.	9	9	9	7	9	8	9	10	8	10	10	9	8	9	9	8	8	8	11	8
Иванов С.	23	11	13	7	7	7	6	4	3	5	5	5	6	3	6	6	4	3	6	4
Кудрин А.	1	2	1	1	1	2	3	3	2	2	2	2	3	3	3	3	2	4	3	3
Лавров С.	2	4	3	4	6	7	6	6	4	4	4	4	5	5	6	5	5	4	9	4
Лужков Ю.	8	7	6	7	6	7	8	5	3	4	4	5	5	4	4	4	2	1	2	1
Лукашенко А.	2	2	4	5	3	4	4	4	2	4	4	3	3	3	2	2	2	2	1	3
Матвиенко В.	3	5	4	7	4	5	6	7	3	5	5	3	3	4	3	3	3	3	6	5
Медведев Д.	39	36	40	42	42	38	41	43	39	41	41	42	39	38	39	39	33	41	47	40
Миронов С.	5	3	3	4	3	3	3	5	4	4	4	4	4	4	3	5	3	4	5	3
Примаков Е.	4	3	3	3	2	4	3	5	4	5	5	3	4	5	3	4	3	3	5	4
Путин В.	65	54	55	60	56	49	53	55	48	50	50	50	48	44	48	46	41	46	56	49
Тулеев А.	4	4	4	5	3	5	4	5	3	5	5	4	5	4	4	4	2	3	5	3
Хакамада И.	2	1	2	2	2	3	2	2	1	2	2	2	2	1	1	1	1	1	2	1
Шойгу С.	17	15	16	14	13	14	16	17	13	15	15	18	18	15	15	16	13	13	21	13
Нет таких	8	11	14	12	15	19	15	13	17	15	15	15	19	17	16	18	20	19	15	15
Не интересуюсь политиками, политикой	10	14	12	9	14	14	13	12	14	13	13	16	15	16	17	17	18	16	12	15
Затрудняюсь ответить	5	7	6	6	6	6	6	5	6	6	6	5	5	8	6	7	7	7	4	6

5. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

В октябре Индекс потребительских настроений заметно вырос по сравнению с сентябрем, отыграв не только сентябрьский провал настроений, но и превысив, пусть немного, уровень, достигнутый к середине лета. Улучшение настроений произошло по всем переменным, составляющим сводный индекс. Октябрьский рост оценок текущего положения дел на потребительском рынке обеспечил продолжение положительной тенденции сегодняшних субъективных настроений – достигнутые значения частного индекса текущего состояния превышают летние уровни. Однако октябрьский прирост перспективных ожиданий на будущее оказался недостаточным для того, чтобы можно было говорить о наличии долгосрочной положительной тенденции. Такая структура динамики изменений потребительских настроений – признание отсутствия неблагоприятных тенденций в текущий момент и сдержанные ожидания на будущее – позволяет предположить, что октябрьский рост потребительских настроений имеет слабые шансы на то, что эта положительная динамика закрепится в ближайшем будущем.

6. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

В начале осени общественные настроения, измеряемые Индексом социальных настроений, остаются на уровне начала лета нынешнего года, и это характеризует нынешнюю ситуацию как выжидательную и настороженную. Продолжается незначительное, но устойчивое улучшение оценок личного положения российских семей. За летние месяцы частный индекс текущего положения семьи вырос на 9% (по сравнению с апрелем), это улучшение показателя пришлось на первую половину лета. И это важная положительная тенденция. С другой стороны, положительная динамика общественных настроений сдерживается практическим отсутствием в этот период улучшения оценок перспектив личного положения семьи, развития ситуации в стране. Отражающий эти оценки частный индекс ожиданий (ИО) в октябре по сравнению с апрелем вырос всего на 1%, и сейчас он даже ниже уровня октября 2009 года. Примерно также обстоят дела с динамикой одобрения действий властей (президента и правительства). В годовом исчислении (по сравнению с октябрем 2009г.) уровень одобрения действий властей практически не изменился.

В целом сложившаяся динамика общественных настроений в стране характеризуется отсутствием явно выраженных тенденций и отражает настороженно выжидательную позицию населения.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Лев ГУДКОВ, Борис ДУБИН, Наталия ЗОРКАЯ

Российская судебная система в мнениях общества

Предварительные замечания. Весной 2010 г. Левада-Центр провел опрос населения по общей программе социологического обеспечения проекта «Поддержка судебной реформы»¹. Исследование было нацелено на выявление общих установок населения в отношении судебной системы в России и отдельных типов судов, описание опыта и частоты обращения в суд, изучение оценок судебной процедуры в сравнении с другими способами решения спорных вопросов и альтернативными методами улаживания конфликтов, выявление характера доверия к судам разного типа.

К настоящему времени по данной тематике проведены десятки социологических исследований, осуществляемых самыми разными научными центрами и коллективами. Большая часть из них осуществлялась научно-исследовательскими подразделениями, находящимися в системе правоохранительных органов и академических институтов, занятых разработкой прикладных вопросов государства и права. В большинстве эти исследования носили нерепрезентативный и ограниченный по масштабам характер, будучи скорее своего рода первичными зондажами мнений населения или отдельных социальных групп. Другая часть имеющих-

ся исследований была проведена различными центрами изучения общественного мнения, что, со своей стороны, ставило ряд ограничений, касающихся глубины и детализации изучаемых проблем. В целом можно сказать, что в стране до недавнего времени отсутствовало систематическое изучение этих вопросов.

К числу первых работ, ставящих задачи комплексного изучения вопросов массового отношения к судебной и правовой системе в России, принадлежат социологические исследования Фонда «ИНДЕМ», результаты которых были представлены в цикле семинаров в Институте современного развития (ИНСОП) и в ряде публикаций². По данным двадцатилетних исследований Левада-Центра, о возникающей в принципе необходимости обращения в судебные органы заявляли более трех четвертей населения. При этом реально в суде когда-либо в своей жизни решали свои проблемы (самого разного рода) от 20 до 26% взрослого населения. И хотя частота обращения в суд в последние годы заметно растет, вместе с этим растет и неудовлетворенность населения работой судебной системы.

Ориентация на судебное решение споров. Результаты настоящего исследования указывают на слабую заинтересованность граждан в юридической помощи. Абсолютное большинство населения России вынуждено или считает возможным обходиться без квалифицированной помощи для решения каких-либо своих част-

¹ Исследование, включавшее также опрос руководителей предприятий, материалы которого здесь не рассматриваются, было проведено при поддержке Бюро экономического анализа и Мирового банка. Основная выборка населения включала 2000 человек, дополнительная, куда входили люди, имевшие опыт участия в суде, – 300 человек (доля таких респондентов была и в основной выборке).

При разработке инструментария и методики опроса мы опирались на опыт проведения аналогичного исследования Фондом «ИНДЕМ», руководству и сотрудникам которого (Г.А. Сатарову и В.Л. Римскому) приносим искреннюю благодарность. В нашей практике это редкий случай профессиональной солидарности и сотрудничества.

² См., например: Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти: Опыт комплексного анализа. М.; СПб.: Норма, 2010; Римский В. Социальные аспекты взаимодействия граждан и предпринимателей с российской судебной властью // Вестник общественного мнения. 2010. № 2 (104). С. 62–79.

ных или деловых проблем в силу разных причин — недоверия к судебной системе, идущего с советских времен и лишь усиленного в последние годы, либо от простого незнания, как это сделать, как обратиться в суд или к юрист-консультантам за помощью, и т. п.

У 70% опрошенных никогда не возникало нужды в подобном обращении. Еще у 14% такого рода потребности появлялись в связи с определенным конкретным делом или по однократному поводу. Оставшиеся 16% заявили, что у них время от времени возникала необходимость в профессиональной юридической консультации или помощи специалиста в области права — впрочем, только у небольшой части из них, а именно 3% опрошенных, такого рода потребность в обращении за юридической помощью носит систематический и постоянный характер.

Чаще всего подобное обращение обусловлено необходимостью решения *семейных проблем* (22 из 30% возможных мотивов обращения в суд), реже — *конфликтами в сфере трудовых отношений, деловыми обстоятельствами, отношениями с партнерами по бизнесу* (7%).

При этом сама проблема, требовавшая консультации специалиста в большинстве случаев (в трех из пяти), предполагала перспективу судебного разбирательства, а соответственно, предварительного участия и разбора дела со специалистом по тем или иным правовым вопросам, указывавшего обратившимся к нему за советом на те или иные варианты рассмотрения дела в суде или оказывавшего помощь в поведении на суде.

Реально же обращался к юристу за консультацией или юридической помощью 21% опрошенных россиян (что составляет почти три четверти тех, кто заявил о своей потребности в подобной помощи). Чаще всего таким консультантом был *нотариус или адвокат* (9%), а также — *представитель юридической фирмы, оказывающей консультативные услуги* (5%) или *лично знакомый юрист, или юрист, найденный по рекомендации знакомых* (4%). Иногда к такому специалисту направляли люди, сталкивающиеся с теми же проблемами и трудностями, с какими сталкивался сам респондент (2%). Реже всего респонденты обращались непосредственно в государственное юридическое бюро или, напротив, к правозащитникам, правозащитным организациям (по 1%).

То, что половина обращений к юристу сопровождалась частными рекомендациями знакомых или коллег, указывает на характер по-

нимания респондентами природы правовых отношений. Сама по себе формальная компетентность дипломированного юриста не представляет особой ценности и значимости в глазах российского общества, поскольку любой взрослый и дееспособный человек отдает себе отчет, что юридические службы работают на «хозяина», прежде всего — на государство, затем — работодателя и других влиятельных клиентов. Частный человек в этом отношении вырос в полном сознании, что его интересы и права никто по чисто правовым основаниям или основаниям справедливости защищать не будет, и сам обыватель к этому явно готов. Для того чтобы, по его мнению, включить ресурсы специального знания у носителя правовой компетентности, нужны дополнительные мотивы и коды социальности, как и в других случаях поведения внутри обществ с традиционалистской патерналистской бюрократией или социумов, обладающих этносословной иерархической социальной структурой, где лояльность к «своим» оказывается более сильным регулятором, нежели формальные нормы закона. Пароль «я от Ивана Ивановича», симулируя апелляцию к гемайншафтным отношениям, включает другие нормы коммуникативной обязательности, без которой обычный человек не решается обращаться к представителям формальных институтов.

Абсолютное большинство тех, кто все же обращался за юридической помощью, не просто получили ее, но и были вполне удовлетворены ею (73% из тех, кто обращался), 18% — «скорее не удовлетворены» и еще 7% — «совершенно недовольны правовыми консультациями и помощью».

Причины, по которым респонденты отказались от обращения к специалисту или в юридическую консультацию, следующие: а) нашли нужную информацию самостоятельно; б) посчитали, что такое обращение не поможет или не будет иметь смысла в силу низкой эффективности или несоответствия затраты сил на него; в) полагают, что услуги такого рода консультанта будут слишком дороги, не под силу респонденту; г) респондент не верил в то, что юристы смогут ему помочь и будут отстаивать интересы обычного человека, либо полагал, что все это слишком сложно и не под силу ему.

Установка на решение спорных вопросов институциональным и правовым путем в большей степени присуща: а) *более молодым опрошенным*: 45% из них готовы обращаться в случае необходимости к соответствующим специалистам

и организациям против 47% «не готовых» или не желающих это делать (33% — у пожилых людей, в этой возрастной группе 53% не собираются пользоваться услугами юристов или обращаться в судебные органы); б) *более образованным* (49:40% с высшим образованием против 35:51% у тех, кто не имеет даже среднего образования); в) *жителям столиц и крупнейших городов* (у первых это соотношение составляет 41:46%, в малых городах 34:52%).¹

Сочетание таких характеристик (молодой возраст, высокий уровень образования и профессиональной квалификации, жительство в мегаполисах и крупных городах с развитой социальной, экономической и информационной инфраструктурой, динамичными рынками труда) хорошо известно российским социологам и выступает для них в качестве признаков более продвинутых групп, являющихся агентами процессов модернизации и трансформации социальной системы, носителями более сложных и современных образцов социального поведения. Иначе говоря, чем сильнее респондент включен в сложные и формально регулируемые отношения, характерные для высокоразвитой городской среды с развитой рыночной инфраструктурой, тем выше потребность в услугах и помощи юридических консультантов и специалистов. Образованные люди чаще нуждаются в самых различных

формах правовой регуляции и юридических консультациях, адвокатском посредничестве, чем категории менее образованных.

Но ориентация на правовые формы решения спорных ситуаций и конфликта интересов оказывается в противоречии с давним отношением к суду как институту, обслуживающего в первую очередь интересы власти, зависимого от нее, с представлением, что обычный человек (такой, как сам респондент) не в состоянии защищать свои интересы в суде (см. табл. 1).

Преодолеть глубоко укорененные предубеждения против суда чрезвычайно трудно и значительная часть опрошенных не в состоянии это сделать: 49% респондентов уверены, что они (или такие люди, как они) не в состоянии в случае нарушения их прав и интересов защитить их в суде (противоположных взглядов придерживаются 40%) и еще 12% затрудняются ответить, т. е. по меньшей мере скептически воспринимает суд в России как минимум 61% граждан. Другими словами, хотя «правильным» было бы в случае возникновения конфликта интересов, сложной или спорной ситуации по идее обратиться за юридической помощью в суд, в действительности обращаться к консультантам, в суд, к адвокату и тому подобным специалистам будет гораздо меньшее число людей, чем в других странах в аналогичных обстоятельствах. Они будут либо терпеть и смиряться,

Таблица 1

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОЖЕТ ЛИ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК, КАК ВЫ, В СЛУЧАЕ НАРУШЕНИЯ ВАШИХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ОТСТОЯТЬ ИХ В РОССИЙСКОМ СУДЕ?¹

Вариант ответа	Определенно да + скорее да	Скорее нет + определенно нет	Да/нет	Затруднились ответить
В среднем	40	49	0,8	12
Возраст				
18–24 года	45	47	1	8
25–39 лет	43	45	1	13
40–54 года	41	48	0,8	11
55 лет и старше	33	53	0,6	13
Образование				
Высшее	49	40	1,2	11
Среднее	40	51	0,8	11
Неполное среднее	35	51	0,7	15
Тип поселения				
Москва	41	46	0,9	13
Большой город	42	47	0,9	11
Средний город	42	47	0,9	11
Малый город	34	52	0,6	14
Село	42	48	0,9	10

¹ Здесь и далее, если не указано иное, данные приводятся в % к числу опрошенных в исследовании.

не веря в институциональные возможности решения своих проблем, либо в соответствии с советскими привычками мышления — жаловаться наверх, идти к начальству, к представителям власти, депутатам, писать письма в средства массовой информации или решать свои вопросы «втихую», путем коррупции или давления на противную сторону (см. табл. 2; сумма ответов, приводимая в крайней правой колонке, показывает «силу» или значимость соответствующих представлений, вне зависимости от избираемой индивидом стратегии действия).

Представления о том, как поведет себя большинство людей в таких ситуациях (а именно такие представления содержат нормы и правила действия, присущие основной массе населения), предписывают в качестве привычной стратегии решения проблем «терпеть» (53%), «жаловаться», искать помощи у вышестоящего начальства или депутатов (31%) и лишь затем обращаться за профессиональной юридической помощью, идти в прокуратуру или суд (29%). Даже с поправкой на то, «как будете вести себя вы сами», иерархия способов поведения в этом плане не меняется.

Часто обсуждаемые в прессе и на телевидении, в Интернете коллективные акции солидарности (вроде акций протеста обманутых вкладчиков) или письма и обращения в газеты расцениваются значительным числом опрошенных как нерезультативные. На это указывает расхождение между тем, как «обычно действуют люди в таких ситуациях», и как повели бы себя сами респонденты — последние в гораздо меньшей степени стали бы искать помощи у СМИ или правозащитных организаций,

организовывать коллективные протесты и пр. или прибегать к «неформальным» и негласным методам улаживания дел.

Примерно четверть россиян склонна использовать правовые и институциональные способы решения (в гипотетической ситуации опроса), т. е. готова довести дело до суда в случае серьезного нарушения своих прав или интересов какой-либо организацией или ее должностным лицом, причем расхождение в том, как поведут себя «другие», и как будут вести себя «сами» опрошенные, здесь минимально (29 и 26%), что указывает на значимость этих стратегий поведения в описываемой социальной среде более образованных и обеспеченных, более информированных и социально активных граждан.

Нигилистическое отношение к судебной системе, характерное для большинства российского населения, обусловлено инерцией советского опыта, неверием в то, что суд будет отстаивать права обычного гражданина во всех случаях, включая и спор с представителем организации или ее должностным лицом. Представление о том, что с государством нельзя судиться, даже при совершенно ясных в правовом плане обстоятельствах, когда обычный человек чувствует, что правда на его стороне, сохраняется в массе населения до сих пор. Но не только поэтому так слаба мотивация обратиться к судебному разбирательству в конфликтной ситуации или при столкновении интересов. Речь идет о том, что действующий в России суд в глазах россиян не выглядит эффективным средством подобного урегулирования. На вопрос: «Если у вас возникнут проблемы, которые многие люди решают

Таблица 2

1. КАК, ПО ВАШЕМУ ОПЫТУ, ПОСТУПАЕТ БОЛЬШИНСТВО ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ В СИТУАЦИИ, КОГДА НАРУШАЮТСЯ ИХ ЗАКОННЫЕ ПРАВА?

2. КАКОЙ СПОСОБ ДЕЙСТВИЙ В ТАКОМ СЛУЧАЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВАМ ЛИЧНО НАИБОЛЕЕ ПРАВИЛЬНЫМ?

Поступают / считаю правильным	1	2	Сумма ответов
Терпеть. Экономить свое время, силы и деньги. Все равно ничего не добьешься	53	18	71
Стараться восстановить свои права, обращаясь в вышестоящие инстанции, к представителям органов власти, к депутатам	31	30	61
Стараться искать помощи и защиты у СМИ, правозащитных организаций, привлечь внимание общественности	11	6	17
Стараться объединиться с другими людьми, потерпевшими по той же причине	16	6	22
Обращаться за профессиональной юридической помощью, в суд, прокуратуру и пр.	29	26	55
Пытаются решить проблему без огласки с помощью денег или надавив на обидчика	12	3	15
Затруднились ответить	8	11	—

путем судебного разбирательства, обратитесь ли вы в суд?» — «да» ответили 69% опрошенных, «нет» — 24% и 7% затруднились с ответом. Чаще демонстрируют установку готовности к судебному разбирательству образованные россияне (среди людей с высшим образованием — 79%, среди людей с неполным средним — 57%); женщины скорее, чем мужчины. Факторы возраста или местожительства в данном случае не работают. Последнее обстоятельство указывает на то, что социальные и идеологические установки этого рода равномерно представлены в разных социально-демографических группах. Не склонны (и, скорее всего, не будут) обращаться в суд более пожилые и малообразованные, в большей мере жители периферии, чем крупных городов, мужчины, а не женщины.

Однако в реальности в суды обращается намного меньше людей, сталкивающихся с проблемами, которые требуют судебного решения.

Таблица 3.1

ОБРАЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ КОГДА-ЛИБО НАПРЯМУЮ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ВАШИХ ПРАВ В СЛЕДУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ К СЛЕДУЮЩИМ ЛИЦАМ?

В милицию	17
В суд	12
В государственные учреждения	9
К знакомым лицам, которые могли уладить дело	7
В прокуратуру	7
В органы исполнительной власти	6
К депутату	4
К влиятельным людям из органов власти	2
В общественные, правозащитные организации	1
В СМИ	1
К криминальным авторитетам или группам	1
В третейские суды	0
Никуда не обращался	61
Сумма обращений	67

Ответы ранжированы

Люди, испытывающие острую потребность в защите своих прав, начинают обращаться в различные органы власти для решения возникшей проблемы и, как правило, не получая помощи или поддержки в одном государственном учреждении, начинают искать другие каналы влияния и средства решения. В среднем каждый такой респондент дважды пытался найти внимание и защиту со стороны различных государственных и общественных организаций. Важно подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело не с мнениями, не с намерениями, кото-

рые еще только предполагается реализовать, а с реальными действиями, уже совершенными. Иначе говоря, потребность людей в правовой защите или правовых формах решения спорных ситуаций (сознаваемая необходимость права) весьма значима в обществе (как минимум — для 40% взрослого населения). Однако при этом в суд обращалась лишь треть из тех, кто нуждался в защите прав. Вдвое больше пытались искать помощи и защиты в структурах исполнительной власти, у депутатов, влиятельных людей из органов власти.

Письма в СМИ, помощь «братков» или обращение к правозащитникам — все это статистически малозначимые или даже маргинальные формы управления конфликтами или улаживания вопросов, требующих правовых решений. Опыт обращения в третейские суды практически отсутствует (о нем сообщило ничтожное число опрошенных — всего 4 человека из 2000 опрошенных, т. е. 2 промилле).

Внесудебные, хотя и допустимые, легальные формы решения проблем встречаются по-прежнему почти так же часто, как и обращение в суды. Как видим из табл. 3.2, обращение в милицию, в суд, в прокуратуру и т. п. для защиты своих прав в Москве происходит намного реже в сравнении с другими городами, еще реже — в селе, но здесь причины понятны: территориальные органы милиции могут быть значительно удалены от места жительства респондента.

Стратегии поведения респондентов принципиально различаются в зависимости от того, идет ли спор с частными лицами или представителями ведомств, должностными лицами и организациями. В последнем случае (даже при условии серьезного нарушения их прав) преобладающая часть респондентов в первую очередь стремится уладить конфликт любыми легальными средствами (34%, самая большая группа ответов), «договориться», не нарушая закон, или любыми доступными средствами, предполагающими и нелегальные (10%), обращаясь к помощи специальных посредников (4%). 15% — смиряются и не намерены ничего предпринимать, полагая дело в таком случае совершенно безнадежным. Еще 12% — затруднились ответить, как они будут поступать в такой ситуации. И лишь 25% полны решимости довести дело до суда (опять же такие ответы чаще дают самые образованные респонденты, руководители разного уровня, предприниматели).

Люди готовы судиться (по их представлению, «идти на самые крайние меры») главным образом из-за нарушения прав, которые пред-

Таблица 3.2

ОБРАЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ КОГДА-ЛИБО НАПРЯМУЮ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ВАШИХ ПРАВ В СЛЕДУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ К СЛЕДУЮЩИМ ЛИЦАМ?

Вариант ответа	Образование			Тип поселения				
	Высшее	Среднее	Неполное среднее	Москва	Большой город	Средний город	Малый город	Село
В милицию	20	18	14	10	17	18	23	13
В суд	16	12	9	8	13	15	16	7
В государственные учреждения	12	8	8	5	9	8	8	11
К знакомым лицам, которые могли уладить дело	10	7	4	6	9	8	8	5
В прокуратуру	9	6	8	2	7	6	8	7
В органы исполнительной власти	7	5	6	4	4	6	6	7
К депутату	4	4	3	1	8	3	2	3
К влиятельным людям из органов власти	4	2	1	1	1	3	2	1
В общественные, правозащитные организации	1	1	3	0	0	3	2	1
В СМИ	2	1	1	0	1	1	2	1
К криминальным авторитетам или группам	1	1	0	0	0	2	2	1
Никуда не обращался	58	61	66	80	62	59	56	63
Сумма обращений	86	65	57	37	69	73	79	57

Таблица 4

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ В ПРИНЦИПЕ СУДИТЬСЯ ИЗ-ЗА СЕРЬЕЗНОГО НАРУШЕНИЯ ВАШИХ ПРАВ?

Из-за серьезного нарушения ...	Да*	Нет*	Затрудняюсь ответить	Соотношение да/нет
жилищных прав	71	22	7	3.2
права на личную неприкосновенность и свободу	61	32	7	1.9
права на неприкосновенность частной жизни	59	34	7	1.7
трудовых прав	55	38	8	1.4
семейных прав	51	43	6	1.2
имущественных прав	48	47	5	1.0
налоговых прав	41	50	9	0.8
хозяйственных, экономических, предпринимательских прав	41	49	10	0.8
политических прав (свободы слова, собраний и пр.)	28	63	9	0.4
авторских прав	27	62	11	0.4

* Сумма ответов «определенно да» + «скорее да» и «определенно нет» + «скорее нет»

ставляются им жизненно важными, от которых зависит то, что они ценят больше всего – ценности семьи и ее материальное благополучие (т. е. заработка или условия их получения, трудовые споры). Эти вопросы составляют 68% всех тех случаев, по которым люди готовы судиться. Более сложные формы регуляции – защита политических, интеллектуальных и хозяйственных прав – представляется для абсолютного большинства населения вещью достаточно отвлекенной и не стоящей того, чтобы идти в суд со всеми его хлопотами и напряжениями.

14% россиян сталкивались в своей жизни с ситуацией, когда они стояли перед необходимостью обращения в суд общей юрисдикции, но затем передумали. Это примерно столько же (или чуть больше), сколько опрошенных обращались в суд по собственной инициативе. Причины отказа от обращения в суд можно свести к нескольким группам ответов:

1. Респондент нашел способ решения конфликта без суда – 22%.
2. Респондент пришел к выводу, что суд бесперспективен, даже в случае успешного ис-

хода или выигрыша дела (*у нас в суде не присуждают справедливой компенсации, сумма компенсаций слишком мала* — 3%), или шансов очень мало, поскольку само существо дела неоднозначно (6%); друзья и знакомые объяснили, что все равно ничего добиться нельзя (18%); юристы объяснили, что все равно ничего добиться нельзя (17%).

3. Слишком велики затраты (суд расположен далеко и трудно туда ездить — 3%); надо платить много всяких пошлин и сборов (8%); не было денег нанять адвоката (6%); слишком много времени надо было тратить на участие в процессе (3%); респондент не смог найти информацию о порядке работы суда (1%); практически невозможно было собрать все необходимые документы, справки и другие бумаги (4%); очень трудно было собрать все требуемые бумаги и справки, не хватило юридических знаний (9%); в суд надо обращаться только в крайнем случае, а для респондента его проблема была не такого рода (10%).

4. Коррупционные или криминальные моменты — противник был богаче (3%) или влиятельнее (7%); угрозы противной стороны (6%); надо было дать взятку, а денег не было, не знал, кому надо дать — 3%.

5. Неверие в справедливость суда (*я простой человек, а таким в судах справедливости не найти*) — 13%; не было такого опыта, было страшно и непонятно (6%); *у нас в суде бесполезно судиться против власти или ее представителей* (7%).

6. Не хотел прослыть сутяжником (1%).

Доверие к судебной власти в России. Отношение граждан России к судебной системе характеризуется весьма противоречивыми установками, имеющими глубокие исторические корни в советском прошлом. На вопрос: «В какой мере Вы доверяете российской судебной системе в целом?» — ответили «в полной мере» лишь 8% и еще 45% заявили о том, что они «скорее доверяют». Несколько меньше половины (43%) — не доверяют (и 5% затруднились ответить на соответствующий вопрос, что также следует считать косвенным выражением недоверия или отчуждения от этой проблематики).

Более позитивные установки в отношении судебной системы демонстрируют полярные по возрасту группы — самые молодые (59%) и самые пожилые (55%). Женщины, в социальном плане обычно отличающиеся некоторым консерватизмом, поскольку среди них удельный вес пожилых и менее образованных выше,

к суду относятся с заметно более высоким доверием, чем мужчины (56 и 48% соответственно). Самый высокий уровень декларативного доверия отмечается у социально пассивных и отчужденных от политической и общественной деятельности групп населения — домохозяйек (71%). Напротив, самым низким уровнем доверия к судебной системе характеризуется образованный слой: если среди людей с университетским дипломом «полностью доверяющих» насчитывается лишь 5%, то среди респондентов с неполными средним образованием — вдвое больше, 12%. Соответственно, «доверяющих в общем и целом» среди людей с высшим образованием — 51%, среди имеющих «неполное среднее» — 56%. Однако отметим, что сами по себе подобные различия не очень существенны и могут приниматься во внимание лишь как определенные векторы настроений или тенденции.

Доверие к суду возрастает по мере роста потребительского статуса и, соответственно, снижается по мере его ухудшения. Так, среди тех, чей потребительский статус может быть охарактеризован как «низкий» («денег не хватает даже на продукты»), суммарная доля доверяющих суду составляет 39%, в то время как среди опрошенных с наиболее высоким, по массовым российским меркам, потребительским статусом («можем без труда приобретать вещи длительного пользования») она возрастает до 62%. Аналогичная зависимость прослеживается и в оценках представителей различных социальных слоев: чем выше социальный слой, представителем которого считает себя респондент, тем выше его доверие к российской судебной системе.

Самым высоким уровнем *недоверия* к судебной системе России характеризуются люди зрелого возраста (40–55 лет), с высшим образованием, достаточно информированные и социально активные категории населения (49 при 43% в среднем; у молодежи показатель недоверия заметно ниже — 37%), а также жители больших городов (53%), чаще других обращающиеся в суды разных инстанций. Иначе говоря, прослеживается слабая отрицательная связь между размерами социальных ресурсов населения или характером социальной активности, с одной стороны, и доверием к судебной власти — с другой.

Главные причины недоверия к судебной системе в нашем обществе заключаются в *несамостоятельности российских судов или, точнее, в их зависимости от власти*, в «управляемо-

сти» сверху и свободе от общественного мнения, в неподконтрольности судов обществу: так можно понимать ссылки респондентов на волокиту и бюрократизм судебного аппарата, коррупцию в судах, невыполнение судебных решений и т. п. (таковы мнения основной массы опрошенных, образующих более половины всех ответов на вопрос, приведенный в табл. 5). Собственный разочаровывающий опыт участия в суде или столь же отрицательный опыт «друзей, знакомых», не добившихся справедливого, по их мнению, решения, оказывается не столь важным, как утвердившееся в общественном мнении негативное представление о характере деятельности и возможностях судебной системы в целом, ее равнодушии к интересам и правам «простых граждан».

Таблица 5
ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ДОВЕРЯЕТЕ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ? (в % от числа тех, кто не доверяет судебной системе, N=954; в среднем каждый респондент отметил два варианта ответа, так что сумма превышает 100%)

Простые граждане не могут защитить в суде свои права, нарушенные государством	35
Российские судьи зависимы в своих решениях от власти и других влиятельных групп	28
Мои друзья, знакомые, коллеги не смогли добиться в суде справедливого решения, защиты своих прав	25
Работа судов плохо организована, много волокиты, бюрократизма	21
Я лично, мои близкие не смогли добиться в суде справедливого решения, защиты своих прав	21
Знаю о случаях коррупции в судах	20
Большинство рядовых судей зависимы в своих решениях от вышестоящего начальства	15
Не доверяю никаким органам государственной власти	14
Судебные решения не выполняются	13
Мало знаю о работе судов, не разбираюсь в этом	9
Судебную систему постоянно критикуют СМИ	6
Другое	1
Затрудняюсь ответить	7

Такое сложное и устойчивое представление о работе судов в России вытекает из понимания существующего разрыва между тем, как *должна* быть устроена судебная система, и как она *действительно функционирует* в нашей стране. 69% опрошенных считают крайне важным для развития нашей страны реальное и последовательно проведенное, гарантированное на практике

другими институтами разделение властей (законодательной, судебной и исполнительной), уравнивающих, проверяющих и контролирующих друг друга. И чем выше уровень социального капитала респондентов — образования, высоких социальных позиций, опыта, — тем настойчивее они заявляют о важности этого принципиального положения. Лишь 17% посчитали этот принцип устройства государственной системы неважным; чаще других такое отношение демонстрировали малообразованные пожилые люди, жители малых городов или села, рабочие вне зависимости от квалификации, безработные.

Таблица 6
ПОКАЗАТЕЛИ ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ К РОССИЙСКИМ СУДАМ
(Вопрос: «ОЦЕНИТЕ ПО 7-БАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ, НАСКОЛЬКО ВЫ ВЕРИТЕ В ТО, ЧТО СУДЫ ГОТОВЫ ЗАЩИЩАТЬ ВАШИ ИНТЕРЕСЫ?»)

	2007 апрель	2010 май
Средний балл	3,41	4,27
Число опрошенных	1600	2000
Соотношение доверяющих / не доверяющих	0,5	0,75

За три года показатель недоверия (отношение суммы ответов «доверяющих» к сумме ответов «не доверяющих», без учета затруднившихся с ответом) несколько сократился (табл. 6). Это связано не с *улучшением работы* судов или с большей удовлетворенностью ими со стороны населения, а с *уменьшением недовольства, критичности* в отношении их работы — что, возможно, является следствием усиления цензуры в средствах массовой информации, а с другой стороны, может вызываться эффектом привыкания, притерпелости. Такой вывод подтверждается и распределением ответов опрошенных на вопрос о том, могут ли они рассчитывать на справедливость и беспристрастность рассмотрения своего дела в российском суде, если вдруг возникнет такая ситуация (см. табл. 7). Коэффициент доверия на протяжении последних пяти лет устойчиво держится вокруг отметки 0,5 (настроенных негативно в отношении российских судов в каждом случае в 1,5–2 раза больше, чем позитивно относящихся). Основная масса ответов может быть описана как умеренно скептическая и недоверчивая позиция в отношении суда в целом.

Таблица 7

ДИНАМИКА ДОВЕРИЯ К СУДУ

(соотношение доверяющих / не доверяющих суду в ответах на вопрос: «КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МОЖЕТ ЛИ ОБЫЧНЫЙ ГРАЖДАНИН РОССИИ РАССЧИТЫВАТЬ НА ТО, ЧТО ЕГО ДЕЛО БУДЕТ РАССМОТРЕНО СУДОМ СПРАВЕДЛИВО И БЕСПРИСТРАСТНО?»)

Год опроса	2006	2007	2008	2009	2010
Коэффициент доверия	0,46	0,55	0,56	0,46	0,64

Данное соотношение мнений довольно устойчиво, и колебания в разных социально-демографических группах незначительны (в пределах 3–4 пп.). Более позитивно относятся к суду самые молодые респонденты и самые пожилые, менее образованные граждане, чаще даже – жители села, т. е. принадлежащие к тем социальным средам, в которых контакты с судебной системой случаются реже, чем в других возрастных и социальных группах. Заметны различия в установках и между мужчинами и женщинами – мужчины более негативно относятся к суду, чем женщины (коэффициенты доверия 0,5 и 0,8 соответственно), но рост доверия у женщин обусловлен более высоким удельным весом пожилых и малообразованных женщин в возрастной структуре населения – они менее компетентны в оценках и более лояльны ко всем видам властей. Но особенно негативно воспринимают работу судов российские предприниматели: здесь пессимизм в отношении к суду достигает максимума: 0,38.

На вопрос: «Как Вы лично в целом оцениваете работу современной российской судебной системы?» – ровно половина ответила «низко» («довольно низко» – 39% и «очень низко» – 11%); «высоко» оценивают ее чуть больше трети россиян («очень высоко» – 2% и «довольно высоко» – 32%).

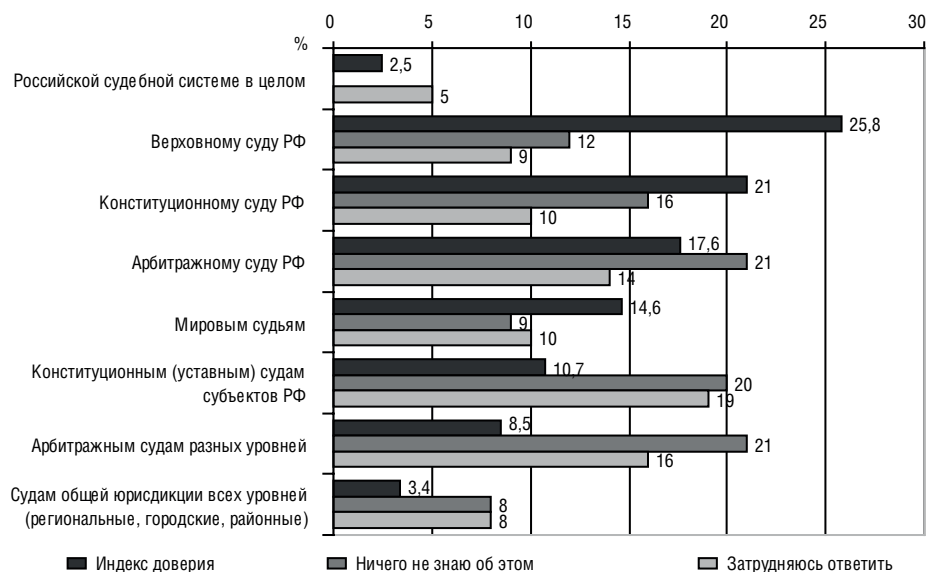
На основании ответов респондентов о степени доверия тому или иному типу суда, полученных в ходе опроса, были рассчитаны индексы доверия¹ (см. рис. 1).

На первый взгляд кажется парадоксальным тот факт, что отдельные институты (суды), составляющие судебную систему в России, пользуются значительно большим доверием россиян, чем судебная система в целом. Наибольшим доверием среди россиян пользуются суды высшей инстанции – Верховный, Конституционный и Арбитражный. Специфика деятельности последнего (как на высшем, так и на всех остальных уровнях) наименее известна и понятна населению – почти каждый пятый опрошен-

Рисунок 1

ДОВЕРИЕ РАЗЛИЧНЫМ ТИПАМ СУДОВ (индексы ранжированы)

(Вопрос: «ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ПОДРОБНЕЕ О СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ, ТО В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...?»)

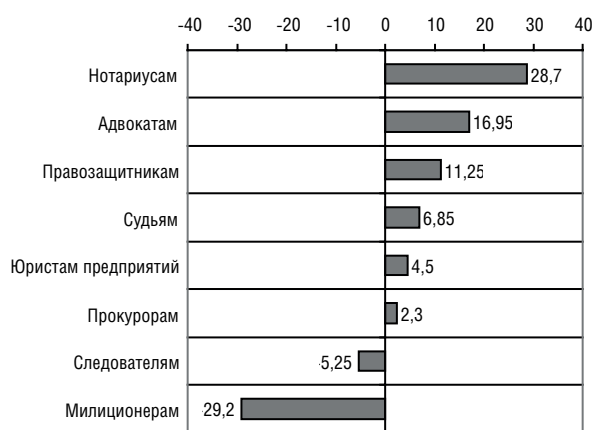
¹ Индексы строились как сумма процентной доли ответивших «полностью доверяю» и половины от ответивших «скорее доверяю» за вычетом половины процентной доли давших ответ «скорее не доверяю» и всей доли ответивших «совершенно не доверяю»

ный заявил о том, что ничего о нем не знает. Тот же уровень информированности респонденты демонстрировали и в отношении Конституционных судов субъектов РФ.

Наибольшей известностью и наименьшим доверием пользуются среди россиян суды общей юрисдикции всех уровней (уровень доверия к ним сопоставим с уровнем доверия судебной системе в целом: 3,4 пункта¹).

Рисунок 2

ДОВЕРИЕ РАЗЛИЧНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СУДЕБНОЙ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ (индексы ранжированы)
(Вопрос: «ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ДОВЕРИИ К ЛИЦАМ, ПРИЗВАННЫМ ОХРАНЯТЬ СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОНА И ПРАВА, ТО В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ В ЦЕЛОМ ДОВЕРЯЕТЕ ...?»)

Помимо милиции, которую общественное мнение относит к общей категории государственной системы права или правоохранительных органов (население в целом слабо ориентируется в том, какие правовые структуры относятся к суду, а какие – к правоохранительным органам, часто объединяя это все каким-то одним понятием), особым негативизмом отличаются также следователи (-5,25 пункта). Кроме того, крайне низкий уровень доверия высказывается в отношении прокуроров (2,3 пункта) и юристов предприятий (4,5). Нельзя назвать высоким и доверие, оказываемое и собственно судьям (около 7 пунктов индекса). Кроме нотариусов большим или меньшим доверием пользуются фигуры, выступающие на стороне защиты: адвокаты (17 пунктов) и правозащитники (11,3 пункта).

Проблема законности и правовая защищенность граждан. Большинство российских граждан

¹ Индексы строились как сумма процентной доли ответивших «полностью доверяю» и половины от ответивших «скорее доверяю» за вычетом половины процентной доли, давших ответ «скорее не доверяю» и всей доли ответивших «совершенно не доверяю». Доля затруднившихся с ответом не учитывалась.

дан слабо представляют себе устройство и деятельность российской судебной системы, но уверены, что такая информация по большей части недоступна простым гражданам, закрыта от них. Вместе с тем россияне в их большинстве, по их собственным признаниям, и не испытывают потребности в подобной информации

Причины такого отношения, на наш взгляд, лежат не только в плохой организации правового просвещения населения, отсутствии должного преподавания таких предметов в средней школе – наиболее массовом и охватывающем все категории населения институте или отсутствии внимания к этим проблемам со стороны СМИ. Более глубокие корни *равнодушия к системе судопроизводства* вытекают из недоверия к суду в целом и, соответственно, *нигилистического отношения к праву* как таковому, широко распространенному в массе населения представлению, что правовые институты используются властями исключительно в собственных интересах (для перераспределения собственности, защиты своих позиций или позиций государственной бюрократии, недопустимости критики и т. п.). Причем население воспринимает это положение как неизменное или не могущее быть измененным в обозримое время; несмотря на нравственную сомнительность или несправедливость такого порядка вещей, люди смиряются с ним и теряют интерес ко всей этой сфере. Можно сказать, что таков горизонт массового правового сознания в России, поскольку, как было показано выше, *доверие к отдельным судам существенно выше, нежели доверие и интерес к судебной системе в целом.*

Кроме того, у населения присутствует смутное понимание того, что причинами совершения многих правонарушений или преступлений является не «злая природа» тех или иных людей, пренебрегающих почему-то нормами закона, а привычный, т. е. идущий со времен тоталитарного режима, произвол власти, а также – сама противоречивость или даже противоестественность многих законов, принимаемых властями в собственных интересах, без учета интересов и моральных представлений большей части населения, вынужденного поэтому их нарушать. Или даже еще точнее – доминирование, превосходство подзаконных или ведомственных актов и инструкций над собственно законами, монополия на интерпретацию или произвол в интерпретации бюрократией законодательных актов и положений в собственных интересах. В результате чего «обычный человек» оказывается полностью беспомощным перед госу-

дарственной машиной и абсолютно незащищенным. 52% всех опрошенных заявляют, что они *не чувствуют себя под защитой закона* (еще 6% — затруднились ответить на этот вопрос, что также указывает на слабость правоприменительной практики в нашей стране) (см. табл. 9). Уверенно в этом плане чувствуют себя 42% (скорее «менее уверенно», поскольку настаивающих на том, что они «определенно защищены законом», насчитывается лишь 6%).

В этой группе «защищенных» преобладают категории населения, уже вышедшие из фазы активной социальной жизни: домохозяйки (59%), неработающие и не ищущие работу (54%), пенсионеры (45%) или же — еще не вступившие во взрослую жизнь: учащиеся или студенты (49%). В провинции (малых городах и селе) подобное сознание выражено сильнее, чем в столицах или крупных городах: 46% в первом случае и 34 и 40% — в Москве и крупных городах. Спокойнее всех чувствуют себя те, кто воплощает в себе «силу закона», кто идентифицирует себя с ним (и апроприирует в собственных интересах его возможности), кто сам принадлежит к «силовым структурам»: военнослужащие и милиция — 62%. Напротив, среди руководителей предприятий и организаций таковых всего 31%, среди предпринимателей, наиболее уязвимой для административного произвола социальной категории населения, еще меньше — 25% и т. п.

Все остальные чувствуют себя в социальном и правовом плане весьма неуверенными и уязвимыми, что косвенно отражается в сознании

ного преследования за реальное или вменяемое ему в вину правонарушение.

Объяснения, почему собственно граждане не чувствуют себя в правовом пространстве, не верят в силу закона, не чувствуют себя находящимися под его защитой, абсолютное большинство людей дают, почти не затрудняясь в поиске необходимого мотива (см. табл. 10)¹. Кроме того, велико общее число ответов, данных респондентами при объяснении своей уязвимости перед возможностью преследования за «нарушения закона»: в среднем каждый респондент указал 1,7–1,6 варианта.

По мнению россиян, само состояние законодательной базы или сама практика правоприменения порождают ответный правовой нигилизм и пренебрежение законами, причем в первую очередь он порождается именно теми, кто воплощает в своем должностном статусе авторитет государства и авторитет закона, «властями». Преступления или правонарушения со стороны властей оказываются поводом (или оправданием) для нарушения законов обывателями и вместе с тем становятся для людей источником постоянной, непреходящей внутренней неуверенности и чувства опасности, угрозы, незащищенности жизни (см. табл. 11–12).

Наиболее часто избираемым ответом является «практически все» (37%; а вместе с «рядовыми гражданами» доля подобных ответов достигает 39%). Представители преступного мира занимают здесь лишь вторую строчку по частоте ответов. Третьими оказываются «представители государства» (19%). В сумме первый и третий

Таблица 8

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОЖНО ЛИ ЖИТЬ СЕЙЧАС В РОССИИ*, НЕ НАРУШАЯ ЗАКОНА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1990	1997	2000	2001	2007	2010
Да	33	26	33	30	36	41
Нет	48	59	60	60	54	51
Затруднились ответить	19	15	7	10	10	8
Число опрошенных	1600	1600	1600	1000	1600	2300

* В 1990 г. — в Советском Союзе

Таблица 9

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ПОД ЗАЩИТОЙ ЗАКОНА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2006	2009	2010
Да	25	25	42
Нет	68	64	52
Затруднились с ответом	7	11	6
Число опрошенных	1600	940	2300

того, что всякий человек в любой момент может стать объектом уголовного или административ-

¹ Затруднившихся с ответом в 2010 г. было всего 1%, что ниже любых значений допустимых колебаний в стандартных распределениях (в 2006 г. — 3%).

Таблица 10

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ ПОД ЗАЩИТОЙ ЗАКОНА? (в % от числа опрошенных; ответы ранжированы по 2010 г.)

Вариант ответа	2006	2010
Потому что законы писаны не для всех; появилось слишком много людей, которые ощущают себя над законом (представители власти и др.)	45	45
Потому что законы вольно трактуются теми, кто находится у власти	37	36
Потому что все коррумпированы, и я не могу надеяться на честное и объективное рассмотрение моего дела в суде	42	30
Потому что у людей нет средств, чтобы отстоять свои законные права	20	28
Потому что законы постоянно меняются	23	20

Таблица 11

ПОЧЕМУ В РОССИИ НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ, НЕ НАРУШАЯ ЗАКОНА? КАКИЕ МНЕНИЯ БЛИЖЕ К ВАШЕМУ СОБСТВЕННОМУ? (ответы ранжированы)

Вариант ответа	% от ответивших «да» на предыдущий вопрос, N=991	% от всех опрошенных
Закон в нашей стране не работает, ему не подчиняются даже власти	42	21
Закон нарушают все, поэтому по закону ничего не добьешься	28	14
У большинства людей сегодня отсутствует мораль, их ничто не сдерживает	19	9
Нет авторитетов, влиятельных людей, которые поддерживали бы законность и правосознание	5	2
Затрудняюсь ответить	4	2

варианты ответов даны более чем половиной респондентов (58%), что означает: в сознании населения практически разрушена граница между «законным» и «незаконным» поведением и тем самым упраздняется смысл этого различия. Правовой нигилизм снимает ответственность с граждан за соблюдение правовых норм, подрывает легитимность государства, настаивающего на том, что оно является источником и гарантом соблюдения права. Убеждение во всеобщности нарушения законов уничтожает смысл законопослушного и криминального поведения или, точнее, сводит в массовом сознании это различие к неартикулируемым правилам обычного права или нравам данного сообщества, живущего «по понятиям». Это наиболее серьезное поражение правового сознания, поскольку оно исходит из убежденности в наличии зависимого и несправедливого суда.

Таблица 12

КТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, В РОССИИ ЧАЩЕ НАРУШАЕТ ЗАКОНЫ? (в % от числа всех опрошенных)

Практически все	37
Криминальные структуры	31
Представители государства	19
Работники частных фирм	6
Рядовые граждане	2
Затрудняюсь ответить	4

В массовом сознании сохраняются травматические следы распада советской системы, не восполняемого новым порядком, который значительной частью общества не воспринимается как принципиально «новый», а скорее как деградация или дефектная модификация старого. Если у молодежи возникает хрупкое ощущение, что постсоветское общество принципиально отличается от прежнего, то у людей пожилых преобладает точка зрения, что постсоветское развитие — это аномический процесс разложения старого государственно-общественного устройства, не компенсируемого новыми и позитивными образованиями и структурами. Поэтому в ответах на вопрос: «Как Вы думаете, нарушений закона в России за последние годы стало больше, меньше или ничего в этом отношении не изменилось?» — большинство опрошенных (51%) заявили, что правонарушений в последние годы стало больше, чем «раньше» (о том, что их стало «меньше», сказали лишь 12%), и 31% респондентов полагали, что ситуация в этом плане за последние годы принципиально не изменилась (см. табл. 13). Однако если среди молодежи (18–24 года) мнение об отсутствии изменений является преобладающим (его разделяют 40% — самая большая доля всех ответов в этой возрастной группе), то среди самых пожилых людей (55 лет и старше) его

разделяют лишь 26%, и, напротив, в этой возрастной когорте самым популярным мнением оказывается: «в последние годы преступлений и нарушений закона стало больше» (58%). Среди молодых в 1,5 раза чаще, чем в любой другой группе, представлена оптимистическая точка зрения, что «преступлений стало меньше» (15 и 10% соответственно).

Понятно, что такой оптимизм молодежи основывается не на опыте, не на знании жизни в советское время или в годы реформ, проводившихся в первой половине 1990-х гг., — их

молодым людям неоткуда взять, а на их общей оптимистической установке на то, что «жизнь становится лучше», что для них открываются все новые и новые перспективы, короче, на вере в то, что «все будет хорошо». Такого рода социальное самочувствие не подтверждается знанием фактических обстоятельств взрослой жизни или опытом, принятием более серьезных моделей развития страны или планами трансформации неэффективных звеньев институциональной системы, а отражает естественный возрастной оптимизм и ощущение больших

Таблица 13

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, НАРУШЕНИЙ ЗАКОНА В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛО БОЛЬШЕ, МЕНЬШЕ ИЛИ НИЧЕГО В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ? А ПО СРАВНЕНИЮ С СОВЕТСКИМИ ВРЕМЕНАМИ ИХ СТАЛО БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ ИЛИ В ЭТОМ ПЛАНЕ НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ? (в % к соответствующим социально-демографическим группам)

Преступлений стало ...	Больше	Меньше	Ничего не изменилось	Не могу сказать, я тогда был/а еще ребенком	Затруднились ответить
В последние годы					
Возраст					
18–24 года	35	15	40		10
25–39 лет	50	10	33		7
40–54 года	53	13	29		6
55 лет и старше	58	10	26		6
Образование					
Высшее	45	13	35		7
Среднее	54	12	27		7
Ниже среднего	49	11	34		6
Тип поселения					
Москва	41	4	42		13
Большой город (500 тыс. и более)	47	12	38		4
Средний город (от 100 тыс. до 500 тыс.)	52	15	26		7
Малый город (до 100 тыс.)	53	12	30		6
Село	54	11	26		9
А в сравнении с советским временем					
Возраст					
18–24 года	38	9	10	36	8
25–39 лет	52	4	16	18	9
40–54 года	65	7	21	1	6
55 лет и старше	72	5	17	0	6
Образование					
Высшее	60	7	16	10	6
Среднее	61	5	15	12	7
Ниже среднего	57	7	23	6	7
Тип поселения					
Москва	50	2	21	20	6
Большой город (500 тыс. и более)	59	6	21	9	6
Средний город (от 100 тыс. до 500 тыс.)	64	7	14	10	6
Малый город (до 100 тыс.)	63	5	14	10	8
Село	57	8	18	10	8

жизненных ресурсов. Другое дело, когда такой точки зрения придерживаются более образованные и информированные группы населения, люди с высшим образованием, занимающие высокие социальные позиции руководителей, специалистов с соответствующим кругозором и компетентностью. Именно среди них доля ответов «преступлений в последние годы стало больше» оказывается меньшей (45%), чем у других категорий населения, выделенных по типу полученного образования: среди наименее образованных (с неполным средним образованием) таких оказывается 49%, а среди респондентов со средним или средним специальным образованием (они и есть носители доминанты общественного мнения) их насчитывается уже 54%.

То же самое показывает и распределение мнений по оси «центр-периферия»: в Москве, где удельный вес образованных и успешных, компетентных людей самый высокий, тревожные ответы («преступлений стало больше») составляют 41%, в малых городах – 52%, в селе – 54%. В Москве, где социальная жизнь протекает с максимальной для страны в целом интенсивностью и разнообразием, мнение об уменьшении правонарушений также оказывается самым низким (4%, в малых городах – 15%, в средних городах и в селе – 12%). Наиболее часто высказываемое мнение в Москве – преступлений не стало больше и не стало меньше, их число осталось на том же уровне (42%, в небольших городах и в селе доля таких ответов – 26%).

Именно на этом фоне доминирующего недоверия и негативизма в отношении к судопроизводству и состоянию правовой сферы в России возникает компенсаторная идеализация Европейского суда по правам человека (Страсбургского суда). Он играет роль утопического носителя идеи справедливости, беспристраст-

ного и объективного суда, внимательного к человеку и защищающего его от произвола российских властей. О Европейском суде по правам человека знают две трети населения (64%, что гораздо больше информированности о любой судебной структуре в самой России), причем условием его высокой авторитетности является представление о том, что россияне могут в крайней ситуации обратиться туда – как к последней инстанции справедливости и объективного правосудия. Об этом знают 57% всех опрошенных (или 89% знающих о существовании такого института). В силу веры в его независимость и беспристрастность уровень доверия этому суду очень высок, можно сказать – предельно высок. Стереотипы представлений об идеальном суде очень близки к оценкам Страсбургского суда.

Массовое сознание в России не склонно видеть в Конституции РФ основополагающий документ, определяющий и регламентирующий все устройство и порядок жизни общества (см. табл. 14). Хотя за 13 лет социально-правовая значимость Конституции РФ как Основного закона в глазах россиян несколько повысилась (с 12 до 30%) и параллельно уменьшилось (почти вдвое) число тех, кто был не склонен приписывать ей какую-либо общественную роль (с 45% в 1997 г. до 21% в 2003 г.; в 2008 г., после избирательной кампании, опять несколько поднялось до 28%, но затем снова опустилось до уровня 24%), она не приобрела статус безусловного закона, тем более закона прямого действия. Серединная масса колеблется между приписыванием ей некоторого смысла в качестве политического инструмента президента, позволяющего для своих целей контролировать другие органы и ветви власти, и отношением к ней как условию поддержания некоего договорного порядка и согласия в государстве. Но ни одна из точек зрения не является домини-

Таблица 14

С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ РОЛИ КОНСТИТУЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

Вариант ответа	Годы опросов					
	1997	2002	2003	2007	2008	2010
Конституция гарантирует права и свободы граждан	12	20	14	30	22	30
Конституция поддерживает какой-то порядок в деятельности государства	20	22	25	30	30	24
Конституция является для президента России средством, позволяющим держать под контролем все прочие органы власти	10	7	11	10	11	17
Конституция не играет значительной роли в жизни страны, поскольку мало кто с ней считается	45	41	42	21	28	24
Затруднились ответить	12	10	8	9	10	5

рующей или даже устойчивой. Авторитет конституции в этом плане весьма невысок, и мало кто верит в том, что она является фиксацией тех правовых оснований, на которых строится общественная жизнь и государственная жизнь. В лучшем случае это начальное условие для достижения консенсуса между властными группами интересов, но не строгий закон, которому следуют все силы и лица. Более идеалистически ее воспринимают молодые люди, более цинически — как инструмент верховной исполнительной власти — москвичи.

Оценка судов и отношение к их работе. Отношение к российскому суду как таковому (судебной системе как социальному институту) подрывается не только общим убежде-

нием в зависимости и коррумпированности суда, но и пониманием более конкретных обстоятельств — использования суда властями как в политических целях, так и в практике нечестной экономической конкуренции. Для абсолютного большинства опрошенных, составляющего почти три пятых всего массива, не является секретом, что суд играет важную роль в процессах перераспределения собственности или в подавлении оппозиции, например становится инструментом избавления от конкретного соперника на выборах, орудием преследования инакомыслящих и т. п. На соответствующий вопрос (см. табл. 15.1) затруднились ответить лишь 22% (в основном пожилые и малообразованные люди, далекие от политики, жители провинции и села). Но остальные очень

Таблица 15.1

ИМЕЮТ ЛИ МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ СЛЕДУЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ...?

...использование суда в политических целях	Да	Нет	Затруднились ответить	Да/нет
В среднем	59	19	22	3,1
Возраст				
18–24 года	56	29	16	1,9
25–39 лет	64	19	17	3,4
40–54 года	61	18	21	3,4
55 лет и старше	53	16	30	3,3
Образование				
Высшее	68	18	14	3,8
Среднее и среднее специальное	58	21	21	2,8
Ниже среднего	54	17	29	3,2
Тип поселения				
Москва	60	16	24	3,8
Большой город (500 тыс. и более)	66	24	11	2,7
Средний город (от 100 тыс. до 500 тыс.)	54	21	26	2,2
Малый город (до 100 тыс.)	59	18	23	3,3
Село	57	18	26	3,2
Социально-профессиональный статус				
Частный предприниматель	55	23	23	2,4
Директор, руководитель организации, главный специалист	73	10	16	7,3
Руководитель подразделения	82	8	10	10,2
Специалист (с высшим образованием)	65	21	14	3,1
Служащий (без высшего образования)	70	14	16	5,0
Квалифицированный промышленный рабочий	55	22	23	2,5
Квалифицированный рабочий в сельском хозяйстве	69	14	17	4,9
Неквалифицированный рабочий	53	20	28	2,6
Военнослужащий, сотрудник милиции	55	45	0	1,2
Студент, учащийся	64	23	12	2,8
Пенсионер	55	18	34	3,0
Домохозяйка	49	27	19	1,8
Безработный	54	24	20	2,2

ясно и недвусмысленно заявляли: эти явления имеют место в нашей жизни (19% опрошенных сказали «определенно да» и еще 40% — «скорее да»; с ними категорически не согласны всего 5% плюс — в менее жесткой форме — «скорее не согласны» — еще 14%). Но это политические аспекты зависимости суда от исполнительной власти. Еще более однозначно общественное мнение высказывается относительно негативной роли суда в недобросовестной экономической конкуренции: 67% респондентов считают, что захват бизнеса соперника или подрыв его репутации, дискредитация путем возбуждения уголовного дела или привлечения его к суду, или нанесения вреда ему другим похожим способом имеют место в современной российской судебной системе («определенно да» — 23% и «скорее

да» — 44%) (см. табл. 15.2). Отрицающих такие явления еще меньше, чем использование суда в политических целях: такого «определенно нет», «не может быть» заявили здесь лишь 4% опрошенных, 10% склонны отрицать это, но в более мягкой форме («скорее нет»); 20% — затруднились ответить (меньше, чем в отношении политических злоупотреблений властью судами).

В распределении мнений в обществе мы наблюдаем здесь ту же тенденцию, что в других проблемных аспектах: чем выше уровень образования и социальный статус, чем больше опыт и жизненная зрелость опрошенного, тем чаще опрошенные заявляют о манипулировании властью судом или использовании его в практике экономического рейдерства или в дискредитации конкурентов.

Таблица 15.2

ИМЕЮТ ЛИ МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ СЛЕДУЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ...?

...использование суда в конкурентной борьбе?	Да	Нет	Затруднились ответить	Да/нет
В среднем	67	14	20	4,8
Возраст				
18–24 года	71	16	14	4,4
25–39 лет	70	15	16	4,7
40–54 года	69	13	18	5,3
55 лет и старше	59	12	28	4,9
Образование				
Высшее	74	13	13	5,7
Среднее и среднее специальное	67	14	19	4,8
Ниже среднего	59	14	28	4,2
Тип поселения				
Москва	67	12	22	5,6
Большой город (500 тыс. и более)	76	15	9	5,1
Средний город (от 100 тыс. до 500 тыс.)	63	14	24	4,5
Малый город (до 100 тыс.)	64	14	22	4,6
Село	65	14	22	4,6
Социально-профессиональный статус				
Частный предприниматель	66	16	18	4,1
Директор, руководитель организации, главный специалист	81	6	13	13,5
Руководитель подразделения	85	8	7	10,6
Специалист (с высшим образованием)	70	16	15	4,4
Служащий (без высшего образования)	78	9	14	8,7
Квалифицированный промышленный рабочий	67	16	17	4,2
Квалифицированный рабочий в сельском хозяйстве	60	17	23	3,5
Неквалифицированный рабочий	59	17	25	3,5
Военнослужащий, сотрудник милиции	46	44	10	1,0
Студент, учащийся	78	9	13	8,7
Пенсионер	56	15	30	3,7
Домохозяйка	67	15	17	4,5
Безработный	64	14	23	4,6

«Несогласие» с негативными суждениями или отказ признать злоупотребления в судебной системе практически не меняются в разных социально-демографических и статусно-профессиональных группах, что указывает на «опережающее» действие идеологической установки, а не на руководство респондентов в ответах собственным жизненным и практическим опытом. Однако подчеркнем одно отличие – от группы к группе очень значительно различается удельный вес «затруднившихся с ответом» (от 9 до 30%), что говорит о параметрах компетентности опрошенных в данном плане, а не об их идеологических взглядах. Единственная группа респондентов, резко выделяющаяся на этом фоне, – силовики, среди которых много работников правоохранительных органов, сотрудников милиции и т. п. Они отвечают, с одной стороны, более категорично (затруднившихся с ответом здесь намного меньше), а с другой – здесь заметно больше не согласных с господствующими мнениями об использовании суда политиками, бюрократией и связанными с ними финансово-промышленными группировками в своих целях.

Факторы, препятствующие эффективной работе судов, и меры ее оптимизации. В ходе исследования опрошенные называли различные негативные факторы, препятствующие эффективной работе российских судов, однако наиболее существенные (названные не менее 20% всех опрошенных из 15 возможных вариантов ответа, не считая дополнений, которые мог дать самостоятельно любой опрошенный на свободном месте в анкете) сводятся к следующим пяти категориям (в порядке частоты упоминания):

1. **Взяточничество, коррупция судей или работников суда – 56%;**
2. **Зависимость судей от власти и влиятельных групп – 46%;**
3. **Волокита, непродуктивность работы судей – 29%**
4. **Отсутствие равенства сторон в судебном процессе, заведомое преимущество чиновников перед рядовыми гражданами – 25%;**
5. **Труднодоступность, территориальная отдаленность судов – 20%.**

Прочие варианты ответов, даваемых небольшими по численности категориями опрошенных, можно объединить в три группы: первая касается особенностей организации судебной системы и охватывает ответы от 14 до 9% опрошенных (*произвол судейской бюрократии в отно-*

шении рядовых судей, отсутствие специализированных судов, закрытость судейского сообщества от общества, самоизоляция судей от общественного контроля и СМИ, чрезмерность нагрузки на судей, нехватка опытных судей в районных судах; традиции обвинительного уклона, оставшиеся от советского суда; низкий уровень профессиональной квалификации судей, недостатки в обучении судей).

Вторая охватывает дефекты материальной базы и низкую техническую обеспеченность судов (5%).

Третья фиксирует слабую роль судебной этики, неподобающее поведение судей на службе и в повседневной жизни (5%).

Меры, которые россияне считают необходимыми для поднятия авторитета российского суда, направлены на преодоление основных институциональных «болезней» отечественной судебной системы, а именно: на достижение такого состояния, при котором суд отвечал бы представлениям о праве и справедливости общества, т. е. ориентировался бы на интересы общества в обеспечении справедливого, объективного и непредвзятого правосудия, а не обслуживал власти или отдельные влиятельные кланы и группы интересов. В качестве таковых решений респонденты предлагают: а) обеспечение реальной независимости судей (38%, среди людей с высшим образованием – 42%); б) большее информирование общества о работе судей, преодоление закрытости судейской системы, включая и возможности критики ее работы и «контроля» со стороны СМИ (33%); в) выборность судей населением, право отзыва судей (32%); г) повышение компетентности судей, улучшение качества их образования (31%).

Менее предпочтительными оказываются «радикальные меры», сводящиеся к полной смене состава судей и увольнению тех из них, кто был причастен прежнему кадровому корпусу судей, работников прокуратуры, милиции, т. е. фактической «чистке» кадров. Их назвали 26%. Еще менее распространенным было предложение о резком повышении зарплаты судей (11%).

Различия в мнениях опрошенных, относящихся к разным социально-демографическим или профессиональным группам, не велики, но необходимо подчеркнуть тот факт, что более продвинутые и образованные группы чаще предлагали использовать жесткие меры и провести структурные реформы в деятельности судебной системы.

Место суда в системе разделения властей и проблема независимости судей. Представление россиян о разделении властей и месте судебной системы в отношениях между ветвями власти характеризуется противоречивостью и двусмысленностью, обычной для россиян в вопросах, касающихся власти. Подавляющее большинство опрошенных считают важным для развития нашей страны реальное разделение властей (69%, среди людей с высшим образованием, директоров и специалистов, служащих — 71–74%). Это даже больше, чем число людей, по их словам, читавших Конституцию страны (39%). Другими словами, источники информации о демократическом устройстве развитых и богатых стран, непременным условием которых оказывается современное правовое государство с его принципом институциональных «сдержек и противовесов», известны гораздо шире, нежели Основной закон и ему сопутствующие документы. 58% полагают, что суды, судебная власть в целом должна быть независимой от исполнительной власти (среди респондентов с высшим образованием — 67%; 30% в среднем с ними не согласны и считают, что исполнительная власть должна контролировать суды).

Но, по мнению опрошенных, *Россия не является правовым государством*, поскольку в нашей стране судебная власть не является независимой ветвью власти, на которую не могут оказывать давление представители исполнительной и (в меньшей степени) законодательной власти. Лишь 7% опрошенных полагают, что судебная власть в России в полной мере (или точнее «в очень большой степени») является независимой от других властей (еще 27% склоняются к мысли, что эта степень независимости является «достаточной»). Большинство же — 56% — считают судебную систему в России зависимой от других властей (причем 17% — «полностью зависимой»). Различия между респондентами из разных социально-демографических или профессиональных групп незначительны и едва выходят за пределы допустимых стандартных статистических колебаний (+/– 6–7 пп. при допустимых нашей методикой +/- 3,5%). Более категоричными в своих негативных высказываниях о состоянии российского суда оказываются зрелые люди с более высоким уровнем образования, руководители предприятий и организаций, специалисты, люди, занимающие высокие социальные позиции.

И одновременно абсолютное большинство опрошенных — 73% — полагают, что обеспечить защиту социально-экономических прав

и свобод в государстве должны прежде всего президент и правительство, 50% склоняются к тому, что — законодательная власть, и лишь 43% называют судебную власть (в среднем опрошенные выбирали по два варианта ответа на соответствующий вопрос). На уточняющий вопрос: «А кто может сейчас, кто в состоянии, кто способен обеспечивать в России защиту социально-экономических прав и свобод граждан?» — основная масса опрошенных (менее уверенно и категорично) отвечала — *президент и правительство страны* (58%), *законодатели* (32%) и лишь 24% опрошенных отметили — *«судебная система»* (среди высокообразованных респондентов и жителей Москвы — 30 и 36%).

И чем менее образованны и информированы респонденты, тем чаще они надеются на защиту своих прав и свобод со стороны высшего руководства страны, президента, правительства и т. п. (среди людей с высшим образованием — 56%, среди предпринимателей — 54%, среди людей с неполным средним образованием — 60%, а среди пенсионеров — 64%).

Иначе говоря, *представления о должном и о реальном устройстве государства в России радикально расходятся*, причем представления о том, как «должно» быть в государстве российском в значительной степени носят утопический или декларативный характер, а представления о реальности определяют прагматические правила массового поведения, патерналистские ориентации основной массы населения и адаптацию населения к действиям чиновников и властей. Утопизм в данном случае имеет скорее риторическую природу, нежели веру в возможность трансформации действительных отношений, и выступает как условие или основание для нормативной критики властей представителями элиты или социально более продвинутых групп общества.

Зависимость судебной системы от влиятельных групп и институтов представляется большей части населения России, несомненно, пороком государства, но таким, с которым люди не знают, как справиться, и при котором они не знают, как изменить положение к лучшему, а потому вынуждены примиряться и рассчитывать на экстраординарную помощь всемогущих первых лиц государства (так называемый режим «ручного управления»).

Наибольшее давление на судей в России, по данным настоящего опроса, оказывают представители власти (так считают 46% опрошенных), криминальные структуры (34%), представители крупного бизнеса (33%), способные

к коррупционному взаимодействию с судом (путем прямого подкупа или косвенным путем, оказывая судьям те или иные услуги), а также — судебное начальство, высшие инстанции судебной бюрократии (31%).

Вопреки иногда встречающемуся в среде судей мнению о давлении на них СМИ, россияне сравнительно редко отмечают этот момент (на него указали всего 4%, это последнее место в списке частоты распределения вариантов ответа)¹. Более сильное влияние оказывает корпоративный дух судейского сообщества, нормы и правила поведения внутри самой судейской системы. Хотя проблема зависимости судей от внешних источников влияния представляется россиянам очень важной, реальных способов ее решения и изменения положения дел в этом плане они в большинстве своем не видят (см. табл. 16). Ведь главный рецепт борьбы с болезнью для них — это ужесточение наказания для провинившихся (46%), а это, как известно, само по себе никогда не дает эффекта, либо такая популистская мера, как избрание судей непосредственно самим населением (29%). И то и другое таит в себе множество «подводных камней» и скрытых трудностей. Они не очевидны для населения, поскольку в обществе отсутствует широкая дискуссия по вопросам судебной реформы и ее устройства, в ходе которой высококвалифицированные эксперты (сами судьи) и ученые могли бы продемонстрировать неявные или отдаленные во времени последствия при-

нятия той либо иной модели судебного устройства, вполне подходящей на первый взгляд.

Более сложные варианты институциональных решений этой проблемы — изменение границ судебных округов или создание специализированных судов, изменение технологии судопроизводства и т. п. — выбираются меньшинством опрошенных. Но это меньшинство оказывается более просвещенным и образованным.

Человеческие и профессиональные качества судей в оценках общественного мнения. Представления опрошенных о человеческих и профессиональных качествах большей части судей отличаются весьма жесткими оценками: российский судья обладает в глазах населения несомненной профессиональной компетентностью, хотя авторитетность его в обществе не слишком высока. Особой симпатии эта фигура не вызывает в силу своей явной зависимости от «сильных мира сего», отсутствия человечности и внимательности к людям, несправедливости и аморализма (во всех этих случаях негативные оценки преобладают над позитивными) (см. табл. 17). Особенно сурово оценивается общественным мнением его зависимое положение, дискредитирующее сам смысл и дух правосудия и подрывающее понятие справедливости и морали в обществе.

Обратим внимание на одно особенно важное в данном отношении обстоятельство: это —

Таблица 16

КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, МОЖНО ДОБИТЬСЯ НЕЗАВИСИМОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУДЕЙ?*

Ужесточить наказание за случаи коррупции или сделок судей с заинтересованными лицами	46
Избирать и отзывать судей населением	29
Сделать суды, работу судей более открытой для СМИ, общественности	24
Создавать специализированные суды для рассмотрения отдельных категорий дел (трудовые, административные, семейные, по делам несовершеннолетних и т. п.)	21
Определить границы судебных округов так, чтобы они не совпадали с границами районов, областей, чтобы снизить влияние местной власти	18
Уменьшить нагрузку на судью с тем, чтобы каждый судья мог более внимательно ознакомиться с делом	13
Существенно поднять зарплату судей	11
Назначить пожизненную охрану для судей любого уровня и членов их семей	10
Предоставить право назначать и сменять судей самому судейскому сообществу	9
Увеличить штат технических сотрудников судьи и помощников	4
Затрудняюсь ответить	9

* Сумма ответов превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько ответов (в среднем на одного опрошенного приходится 1,9 варианта)

¹ Отметим также, что возражения против тезиса о зависимости судей от внешних источников влияния высказали всего 7% опрошенных.

Таблица 17

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КАЧЕСТВА ОСНОВНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКИХ СУДЕЙ? (в % от числа опрошенных)

	Высоко*	Низко*	Затрудняюсь ответить	Отношение +/-
Квалификация, компетентность	54	30	17	1.8
Авторитет судей в обществе	48	44	8	1.09
Мораль	36	44	21	0.82
Человечность	34	45	19	0.75
Внимательность к людям	33	51	16	0.65
Справедливость	32	52	17	0.62
Независимость	28	57	14	0.49

* Сумма ответов: «очень высоко» + «довольно высоко» и «довольно низко» + «очень низко»

разрыв в оценках между самыми «продвинутыми», компетентными и социально активными группами (директорами, предпринимателями, жителями Москвы, людьми в возрасте 40–50 лет) и наименее образованными, жителями провинции, средних и малых городов, сельчанами либо еще только вступающими в жизнь молодыми людьми (табл. 18). Если первые дают самые низкие позитивные оценки или даже — преимущественно негативные оценки судьям по важнейшим параметрам их статуса и качеств, то вторые склонны оценивать их гораздо более высоко и уважительно. А это означает, что в

перспективе следует ожидать весьма вероятного снижения авторитета и общественного признания судейского корпуса, поскольку именно более образованные и высокостатусные группы, обладающие большими интеллектуальными, социальными и культурными ресурсами, выступают как группы, задающие тон в обществе. Иными словами, их мнения и оценки постепенно распространяются в обществе и принимаются другими категориями населения, хотя это происходит с определенным лагом и запаздыванием: изменение ситуации не может сразу повлиять на распределение мнений и оценок в

Таблица 18

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КАЧЕСТВА ОСНОВНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКИХ СУДЕЙ? (отношение позитивных ответов к негативным)*

	Квалификация, компетентность	Авторитетность в обществе	Справедливость
Возраст			
18–24 года	2.9	1.5	0.65
25–39 лет	1.9	1.2	0.6
40–54 года	1.6	0.9	0.5
55 лет и старше	1.7	1.1	0.7
Образование			
Высшее	1.6	1.0	0.5
Среднее и среднее специальное	1.8	1.0	0.6
Ниже среднего	2.1	1.4	0.7
Тип поселения			
Москва	1.0	0.7	0.3
Большой город (500 тыс. и более)	1.9	1.0	0.5
Средний город (от 100 тыс. до 500 тыс.)	2.5	1.2	0.7
Малый город (до 100 тыс.)	1.8	1.1	0.6
Село	1.8	1.3	0.8
Социально-профессиональный статус			
Руководитель	1.2	0.9	0.3
Предприниматель	1.1	0.9	0.35
Студент	2.5	1.8	0.6
Пенсионер	1.9	1.1	0.7

* Жирным шрифтом здесь и далее выделены наиболее значимые показатели и их колебания.

обществе.

Проблема коррупции судей и других государственных служащих. По данным общенациональных социологических опросов, взрослое население России постоянно причисляет коррупцию в государственных органах к наиболее острым проблемам, стоящим перед страной и ее руководством, причем считает масштабы этой коррупции весьма значительными.

Таблица 19

Наиболее коррумпированные группы госслужащих (в % от числа опрошенных, можно было выбрать несколько позиций, поэтому сумма превышает 100%)

Работники ГИБДД	56
Служащие федеральных органов власти	49
Работники милиции	32
Служащие местных органов власти	30
Работники суда	20
Врачи	17
Работники военкоматов	17
Работники следствия и прокуратуры	16
Работники налоговых, таможенных служб	15
Учителя, работники вузов	11
Затруднились ответить	9

Таблица 20

ЧТО, КРОМЕ ЗАКОНА, ОКАЗЫВАЕТ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, САМОЕ СИЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАБОТУ РОССИЙСКОГО СУДА И СУДЕЙ? (N=1600; приводятся наиболее популярные ответы, можно было выбрать несколько позиций)

Личная выгода, деньги, взятки	55
Связи, знакомства, просьбы знакомых	47
Статус лиц, проходящих по делу	29
Указания и иные формы воздействия со стороны властных структур	24
Угрозы со стороны криминальных группировок	17
Указания и иные формы воздействия со стороны спецслужб	11
Затруднились ответить	10

Убеждение в коррумпированности судей относится к достаточно устойчивым в последние годы (хотя судьи и не считаются самыми «взяткоемкими» группами). По оценкам более чем половины опрошенных (56%), взятки в российских судах общей юрисдикции берут «часто» и «очень часто»; оценку «довольно» и «очень редко» дали только 15% опрошенных. В наибольшей степени взяточниками работников суда общей юрисдикции считают самые молодые респонденты (63%), москвичи (68%) и жители

крупнейших городов (63%), учащиеся (67%) и занятые в частном секторе (64%).

Характерно, однако, что лишь 10% россиян лично сталкивались с коррумпированностью работников суда либо основываются на прямых свидетельствах близких людей (друзей, родных)¹, тогда как почти три четверти (72%) знают о коррупции в судах из сообщений СМИ либо из общих разговоров со знакомыми и коллегами, впрямую не сталкивавшимися с коррупционной практикой в судах². Если чаще других с коррупцией в суде сталкивались, по их словам, россияне 25–39 лет, особенно занятые частным предпринимательством и временно безработные, то пожилые респонденты, люди с образованием ниже среднего, учащиеся и пенсионеры исходят в своих оценках из стереотипов «народной молвы», тиражируемых масс-медиа. **Главные причины распространенности коррупции в судах общей юрисдикции сводятся к следующим:**

- Корыстолюбие судебных работников – 40%
- Это стало традицией, люди в России считают, что по-другому нельзя – 28%
- Желание людей уладить свое дело как можно быстрее и неформальным образом – 27%
- Бесконтрольность судей, закрытость судов от общественности – 27%
- Круговая порука судей – 24%
- Связь судов с властями, которые их покрывают, – 19%
- Несовершенное устройство судебной системы – 17%
- Затруднились ответить – 10%

Формы коррупции в российских судах, по мнению опрошенных, не слишком разнообразны:

- Взятка деньгами или ценный подарок – 48%
- Использование связей для нажима на суд – 46%
- Использование любых средств для отказа суда или противной стороны от возбуждения дела – 33%

¹ По данным опроса Левада-Центра в 2007 г. (N=1600), вымогали взятку в судах у 19% опрошенных россиян, 11% опрошенных ее дали, 8% – отказались.

² С подобным разрывом между собственным опытом коррупционных сделок и анонимными общепринятыми оценками коррумпированности чиновников в СМИ и массовых высказываниях, слухах и т. п. исследователи сталкиваются в России постоянно, см.: Сатаров Г. Измерение бытовой коррупции в массовых социологических опросах // Вестник общественного мнения. 2006. № 3. С. 45–52; Роуз Р., Мишлер У. Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России // Указ. изд. 2009. № 3. С. 22–33.

- Сговор с представителями суда для решения в свою пользу – 25%
- Угрозы представителям суда от своего лица или криминальных структур – 14%
- Использование компромата для нажима на суд – 10%

В принципе, готовность опрошенных решить свой вопрос в суде «обходным путем» так или иначе выразили около половины опрошенных (45%), нежелание решать проблемы путем взятки продемонстрировали примерно столько же (41%). Чаще других о нежелании пользоваться взятками заявляли москвичи и представители социально слабых групп с низкими имущественными и другими ресурсами (пожилые, пенсионеры), у которых, как можно полагать, невелики и возможности подкупа, дачи взятки, слабые связи с «нужными людьми», недостаточен статус, чтобы неформальным образом влиять на ситуацию в нужном направлении, и т. п.

Если же говорить о лично известных респондентам случаях коррупции в суде (в 86% это была взятка), то инициаторами коррупционной сделки, по мнению ответивших на данный вопрос, чаще были именно сами люди, обратившиеся в суд, или их друзья, знакомые (хотя доли «инициатив» той и другой стороны почти равны 40:44):

- Это была инициатива лица, обратившегося в суд – 22%
- Это было сделано по совету друзей, «знающих людей» – 18%
- Предложение исходило от посредника – 15%
- Предложение исходило непосредственно от судьи – 11%
- Предложение исходило от адвоката – 10%
- Предложение поступило от работника суда (но не судьи) – 8%
- Другое – 2%
- Затруднились ответить – 13%

На инициативу лица, обратившегося в суд, чаще указывают самые молодые респонденты, люди с высшим образованием, временно не работающие. На совет друзей и «знающих людей» – пожилые россияне, жители села, а также частные предприниматели. На судей и других работников суда как инициаторов коррупционной сделки чаще указывали москвичи, учащаяся молодежь, временно не работающие. На адвокатов – самые пожилые респонденты, пенсионеры, жители Москвы.

Упомянутая взятка (в 70% случаев она была принята, но полностью решить вопрос с ее помощью удалось лишь в 44% случаев) была дана прежде всего для принятия решения, желательного взяткодателю (55% случаев), и для ускорения судебного процесса (34% случаев).

Потребность в юридической консультации, оценка работы юристов. По данным социологических опросов, большинство россиян – до 60% и выше – не доверяют судебной системе и не надеются на справедливый суд, свыше половины считает нынешнюю судебную систему неэффективной. Преобладающая часть россиян не чувствует потребности в помощи юристов, в грамотной юридической консультации. Чаще других потребность в помощи юристов испытывали, с одной стороны, люди более бедные, с низкими потребительскими возможностями, а с другой – предприниматели, респонденты с высшим образованием. Предприниматели и образованные респонденты чаще других связывали потребность в юридической помощи со своими деловыми интересами, работой.

Для 60% испытывавших потребность в юридической помощи это было связано с намерением обратиться в суд и необходимостью участвовать в судебном разбирательстве. Те, кто не обращался за юридической помощью, чаще мотивировали это тем, что сумели самостоятельно получить необходимую им юридическую информацию (39% от числа тех, кто не обращался за помощью), а также тем, что «не видели в этом особого смысла» (21%), либо ссылались на то, что это было им не по средствам (29%). 8% указали, что вообще не доверяют юристам, 6% не знали, к кому обратиться, столько же не хотели тратить на это время и силы, т. е. опять-таки не видели в подобном обращении практического смысла.

Три четверти (73%) обращающихся за юридической консультацией остались полученной помощью удовлетворены, 25% оценили ее как неудовлетворительную (в наибольшей степени неудовлетворенными остались предприниматели – 34%). Больше того, свыше четырех пятых (82%) из тех, кто обращался к юристам за помощью, намерены, по их словам, делать это и впредь в случае возникающих правовых конфликтов. Иначе говоря, реальное обращение к юристам в абсолютном большинстве случаев дает положительный результат. И тем не менее за помощью к юристам обращается, как мы видели, незначительная доля россиян.

Это значит, что россияне крайне неохотно вступают в правовые отношения, крайне редко

считают себя и являются в реальности правовыми субъектами, которые наделены — и связаны друг с другом, с другими такими же гражданами! — соответствующим имуществом, статусом, правами, обязанностями, возможностями и ответственностью. Обращение к помощи юристов, правовое сознание и самосознание жителей России в массовом порядке блокируется устойчивым недоверием суду, их неосведомленностью не только о работе судебной системы, но и о своих собственных законных правах. Иначе говоря, оно связано с низкой правовой культурой.

Подобное массовое недоверие не является производным от реального опыта общения наших сограждан с судами и взаимодействия с судебной системой. Напротив, оно является исходной установкой, которая формируется всем опытом коллективной жизни в условиях массового бесправия и властного произвола, пассивного, исключительно адаптивного существования в замкнутых, узких кругах «своих» (близких родственников или таких же по низкому статусу), один на один с государственной системой, при неартикулированности и как бы даже ненужности, избыточности в такой ситуации универсальных норм права и независимых правовых институтов.

Так относительно преобладающее большинство опрошенных — 49% — не верят, что смогут отстоять свои права и интересы в суде, меньшая часть — 40% — так или иначе уверены, что сумеют это сделать. Чаше других такую уверенность выражают, с одной стороны, респонденты с более основательными социальными и культурными ресурсами — высоким образованием и потребителем статусом, а с другой стороны — домохозяйки и находящиеся в отпуске по

уходу за ребенком, видимо, более других убежденные в законности своих прав. Однако 80% россиян фактически ничего или почти ничего не знают о своих правах, закрепленных законом и конституцией.

Готовность и нежелание граждан обращаться в суд. При ответе на вопрос: «Если бы ваше дело рассматривалось в суде необъективно, предвзято, что бы Вы, скорее всего, предприняли?» — мнения опрошенных фактически разделились на четыре категории: первая (почти половина — 48%) обратилась бы к адвокату за консультацией и советами о том, что делать дальше; другая часть стала бы искать легальные возможности пересмотра дела (обратились бы с жалобами в вышестоящие судебные инстанции или к председателю суда — 24%, в правозащитные организации — 21%), третья категория опрошенных выбрала бы тактику «давления на судью» с помощью «знакомых в органах власти» (9%) или «криминальных структур» (2%), попытались бы решить проблему с помощью взятки (2%). Оставшиеся (около 40%) оказались совершенно беспомощными перед такой дилеммой и растерянными. Они не знают, что делать дальше или что вообще можно предпринимать в таких обстоятельствах, и склонны смириться, поскольку «все равно справедливости в нашей стране добиться невозможно»¹.

Важно отметить, что трудовые права в глазах населения в принципе подлежат более эффективной защите, чем любые другие (см. табл. 21.1). Возможно, такое отношение к трудовым правам заложено практикой советского времени. Население скорее оптимистически смотрит на возможность того, что суд в случае их нарушения станет на защиту потерпевшего,

Таблица 21.1

СТАЛИ БЫ ВЫ ПОДАВАТЬ В СУД НА СЛЕДУЮЩИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ, ЕСЛИ БЫ ОНИ НАРУШИЛИ ВАШИ ЗАКОННЫЕ ПРАВА? (распределения ответов ранжированы по левому столбцу)

	Определенно да + скорее да	Определенно нет + скорее нет	Затруднились ответить	Да/нет
Судей	27	64	10	0.4
Следователя	32	59	10	0.5
Государственного чиновника	34	58	8	0.6
Милиционера	39	54	7	0.7
Работодателя (руководителя госучреждения или организации)	51	41	8	1.2
Частного работодателя (руководителя или владельца фирмы)	52	40	8	1.3

¹ Сумма ответов в данном случае больше 100%, поскольку больше четверти респондентов дали больше одного ответа (общая сумма ответов = 128%).

причем независимого от того, какова природа собственности организации — государственная, общественная или частная. И напротив, шансы добиться справедливости в том случае, если частный человек оказывается в конфликте с представителем государственных структур, крайне сомнительны. Причем ниже они в том случае, если оппонентом будут судьи или сотрудники правоохранительных органов, известных своей корпоративной сплоченностью, круговой порукой и защитой взаимных ведомственных интересов и «чести мундира». У опрошенных в этих случаях растет и чувство безнадежности, и состояние неопределенности (число затруднившихся с ответом в этих случаях больше, чем в ответах на другие вопросы). Характерно, что так называемый «жизненный опыт» (нормы и правила поведения, навыки приспособления, приобретенные еще в советское время) заставляет людей по мере их старения расценивать свои шансы на достижения справедливости как все более проблематичные и малозначимые (см. табл. 21.2).

Таблица 21.2

СТАЛИ БЫ ВЫ ПОДАВАТЬ В СУД НА СУДЬЮ, СЛЕДОВАТЕЛЯ, МИЛИЦИОНЕРА, ЕСЛИ БЫ ОНИ НАРУШИЛИ ВАШИ ЗАКОННЫЕ ПРАВА?

	Стали	Не стали	Затруднились с ответом
Судью			
18–24 года	34	56	10
25–39 лет	32	59	10
40–54 года	26	65	10
55 лет и старше	20	70	10
Молодые к пожилым	1.7	0.8	1
Образование высшее	32	60	8
Среднее и среднее профессиональное	28	62	11
Ниже среднего	19	71	8
Образованные к малообразованным	1.7	0.8	1
Москва	27	67	6
Большой город	28	63	9
Средний город	33	57	10
Малый город	27	61	11
Село	20	71	10
Следователя			
18–24 года	36	53	11
25–39 лет	39	53	8
40–54 года	31	60	10
55 лет и старше	25	65	11
Высшее образование	39	54	7

Среднее и среднее профессиональное	33	57	10
Ниже среднего	23	66	11
Москва	32	62	6
Большой город	32	57	11
Средний город	40	52	9
Малый город	33	56	11
Село	24	57	9
Милиционера			
18–24 года	49	43	8
25–39	43	51	6
40–54	40	55	6
55 лет и старше	30	61	9
Высшее образование	48	47	5
Среднее и среднее профессиональное	41	53	7
Ниже среднего	28	63	10
Москва	41	54	5
Большой город	39	56	7
Средний город	47	46	7
Малый город	42	50	8
Село	31	62	7

Сами по себе масштабы массива респондентов, фактически не знающих, что делать, или готовых прибегнуть к сомнительным и внеправовым практикам решения проблем (даже если они формально не противоречат закону), свидетельствуют о слабости правовых институтов в стране и диффузном, плохо артикулируемом, но тем не менее очень устойчивом недоверии к судебной власти как одному из органов преимущественно репрессивного государства.

Более информированные и образованные россияне придерживаются более негативного и нигилистического мнения о российских судьях, чем менее образованные жители провинции, причем оно выражено гораздо категоричнее и определеннее, чем у малообразованных респондентов, среди которых заметно больший удельный вес «затрудняющихся с ответом». А это значит, что, учитывая авторитетность образованных респондентов и жителей столиц или крупнейших городов, их доминирующие позиции в системе общественных коммуникаций, их точки зрения и представления с течением времени принимаются обществом в целом, т. е. начинают разделяться не критическим образом и другими социальными группами и слоями. Абсолютное большинство россиян (55%) не верят в независимость судей и объективность их рассмотрения всех обстоятельств дела, что подрывает в глазах общества сам принцип справедливости и правомочности суда.

Таблица 22

КАКОЕ ИЗ МНЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ И ПРИНИМАЕМЫХ ИМИ РЕШЕНИЙ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕМУ СОБСТВЕННОМУ? (без учета варианта «не согласен ни с одним из приведенных мнений» – его дали 6% опрошенных)

Тип А: «лояльные» (сумма ответов: «все или практически все судебные решения принимаются по закону» + «есть судьи, которые берут взятки и поддаются давлению “сверху”, но их немного»)

Тип В: «нелояльные» (сумма ответов: «судьи, как правило, берут взятки и поддаются давлению “сверху”, но есть и принципиальные судьи» + «даже принципиальные судьи реагируют на давление “сверху” по определенным делам» + «практически все судебные решения принимаются за “взятку” или под давлением “сверху”»)

	А	В	з/о
В среднем	29	55	10
Образование			
Высшее	24	65	7
Среднее и среднее профессиональное	32	53	8
Ниже среднего	24	52	18
Тип поселения			
Москва	25	61	11
Большой город	26	64	5
Средний город	30	56	9
Малый город	30	51	15
Село	30	51	12

При этом почти половина опрошенных (47%) не считают, что российские суды отличаются обвинительным уклоном, полагая, что судьи в равной мере прислушиваются (при прочих равных условиях) и к доводам обвинения, и к аргументам стороны защиты. Настаивает на неравноправии сторон в судебном процессе четверть опрошенных (среди них несколько чаще придерживаются такого мнения люди активных и зрелых возрастов – 25–55 лет и опять-таки жители мегаполисов: в Москве удельный вес таких мнений составляет 36%, в крупных городах – 31%, в то время как в небольших городах и селе – 20–23%). Однако отметим здесь, что снижение в провинции числа тех, кто придерживается мнения о доминировании обвинительного уклона в практике российских судов, не ведет к увеличению числа тех, кто верит в объективность судов и равноправие сторон на процессе, а лишь к росту числа затруднившихся с ответом, т. е. увеличению показателей индифферентных и некомпетентных в подобных вопросах (с 25% в среднем до 28–30% в катего-

риях пожилых, малообразованных, жителях периферии – малых городов).

Информированность россиян о судебной системе в целом. Большинство граждан России считают, что информация о деятельности судов различного уровня населению поступает от компетентных органов в ограниченной мере или вообще закрыта. Всего 23% опрошенных заявили, что такого рода сведения им «доступны». Однако 51% респондентов полагают, что получить подобную информацию, если будет в ней нужда, они могут лишь в очень ограниченной мере, а 19% – настаивают на том, что сведения о деятельности судов в значительной степени недоступны широкой общественности. Таким образом, 70% респондентов явно не удовлетворены нынешним состоянием информационной работы и имеющейся статистикой в сфере судопроизводства.

Отчасти такое положение дел вытекает из слабой заинтересованности граждан в юридической помощи. Так, оценивая свои знания о судебной системе в России, 85% взрослых жителей страны признались, что фактически ничего не знают об устройстве и работе судов в стране. Только 2% оценивают свои знания как очень хорошие (условно говоря, на пятерку), еще 12% – как неплохие (на четыре)¹ (как правило, это люди с высшим образованием, более обеспеченные или студенты и учащиеся, включенные в комплексный процесс обучения в вузах).

Треть респондентов (35%) не интересуются судебной проблематикой, поскольку работа российской судебной системы вообще не входит в круг их повседневных интересов и проблем. Еще 15% указали на то, что такая информация для них слишком сложна. Чаще других на обе эти причины ссылаются самые пожилые респонденты, люди, находящиеся на пенсии, жители села (но также и Москвы), респонденты, наименее обеспеченные в потребительском отношении. Четверть опрошенных предпринимателей, объясняя свою незаинтересованность судебной тематикой, ссылаются на недоверие юристам, российскому суду в целом

Вот как выглядит соотношение заинтересованных и не заинтересованных различными аспектами судебной проблематики в массе российского населения (см. табл. 23).

¹ По данным опроса Левада-Центра в декабре 2008 г. (N=2100), 16% взрослых россиян ответили, что «очень хорошо» представляют себе, чем должны заниматься судебные органы, 57% – что знают об этом «довольно хорошо», 28% – что знают довольно плохо или вообще ничего не знают.

Таблица 23

ВЫ ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ИНФОРМАЦИЕЙ... (в % от числа опрошенных)

	Да	Нет
о работе судов в России	33	62
об устройстве судов в России	27	72
о работе и устройстве судов на Западе	19	80
о громких экономических судебных процессах	38	61
о громких политических процессах	39	60
о громких уголовных делах	44	54

Даже у самых квалифицированных, обеспеченных и урбанизированных россиян интерес к судебной проблематике тем выше, чем больше работа суда предстает для них в драматически срежиссированной форме — как своего рода спектакль, имеющий характер сенсации. Причем наибольший интерес в этом сенсационном спектакле имеет развязка. Напротив, желания подробнее ознакомиться с реальными материалами суда, его решениями у 80% россиян никогда в жизни не возникало, а у 85% тех, кто испытывал подобное желание (все они составляют одну пятую опрошенных), оно было связано исключительно с интересом к их собственному делу, делам их близких родственников или знакомых. Эти дела относились к компетенции уголовного права (для 35% интересовавшихся ими), были связаны с имущественными, семейными, жилищными отношениями (для 18–20%), с трудовыми правами (17%).

Основными источниками знаний об устройстве и работе судов в России для большинства опрошенных, в особенности для более пожилых людей, находящихся на пенсии, выступают именно неспециализированные визуальные медиа: это телепередачи новостей, особенно с криминальным уклоном (в целом по выборке 63%), а также телепрограммы типа «Суд идет» и т. п. (в целом 57%, можно было назвать несколько источников). На третьем по значимости месте для всех опрошенных — причем с большим отрывом — идут газеты, журналы (на них указали в среднем 32% основной выборки, причем чаще это были респонденты с высшим образованием — 39% от числа опрошенных в данной группе). Кинофильмы, телесериалы назвали в качестве источника информации о работе российских судов 22% опрошенных. На художественную литературу как источник информации о работе судебной системы заметно чаще других ссылались учащиеся (6% в среднем по выборке, 16% — среди учащихся).

Для четверти респондентов значим такой источник знаний о судебной системе, как разговоры со знакомыми и родственниками, имевшими контакты с судом. Особенно важны такие собеседования для жителей столицы, для предпринимателей (напомним, что эти последние как раз в максимальной степени не доверяют юристам и суду, но, как видим, куда больше полагаются на мнения тех, кто имел дело с судами). По 7% опрошенных используют для этого радио и Интернет; среди самых молодых респондентов, учащихся, а также предпринимателей на Интернет указали 14–16%.

Иными словами, реальность происходящего сегодня в судах и судебной системе, как и картина происходящего в стране, в обществе в целом, для большинства россиян срежиссирована телевидением, его основными, наиболее распространенными и контролируруемыми со стороны государства каналами (напомним, что прямого эфира на главных каналах российского телевидения в последние годы нет).

Научная, специализированная литература (книги, пресса) используется лишь 5% опрошенных — как можно предположить, в подавляющей степени теми респондентами, кто работает в юридической сфере или учится на юриста. Не случайно, что 18% самых молодых опрошенных и четверть учащихся назвали среди источников информации о судебной системе учебную литературу.

На свой собственный опыт контактов с судами ссылались как на источник судебной информации 10% опрошенных, чаще — люди 25–39 лет, с высшим образованием, имеющие самый высокий потребительский статус (по 15% от опрошенных в соответствующих группах), но особенно часто — предприниматели (20%).

Напротив, подавляющее большинство респондентов (65–70%) *не удовлетворены* тем, сколько информации о деятельности судебной системы получают учащиеся *в общеобразовательных школах и неюридических вузах*. Чаще других неудовлетворенными в этом отношении оказывались респонденты 40–54 лет (условно говоря, родители молодых россиян, учащейся молодежи); опрошенные с высшим образованием; жители Москвы; и снова предприниматели.

Информированность населения о деятельности судов различных инстанций и типов. Основная масса россиян имеет довольно смутное представление о структуре российской судебной системы и деятельности судов различного

уровня и назначения. Даже о наиболее (физически) доступных для населения судах общей юрисдикции ничего не знает или не понимает, каковы их функции и как они работают, четверть населения России. О мировых судьях или о суде присяжных ничего не знает каждый третий гражданин в России. Если судить по заявлениям самих респондентов, то «хорошее» или более или менее достаточное, по их собственным оценкам, представление и понимание функций и особенностей российских судов имеют от 8 до 13% опрошенных. Можно полагать, что это соответствует действительности, если исходить из идеи, что необходимый минимум правовых знаний о судебной системе должен включать понимание задач или хотя бы некоторых особенностей деятельности высших или специализированных судов, таких как арбитражные суды разного уровня, конституционные суды России и субъектов федерации. Другими словами, предполагается, что для понимания этого уровня судопроизводства, необходимы некоторые специальные усилия по самообразованию или прохождение в каком-то объеме общих курсов правового обучения, предоставляемых высшей школой¹. Очевидно, что и в Москве и в крупных городах концентрация таких опрошенных выше, чем в других социальных средах (например, в провинциальных городах, в селе). Кроме того, к их свидетельствам о собственной компетентности и осведомленности следует относиться с большим доверием, нежели к ответам других категорий респондентов (рабочих, пенсионеров и т. п.).

Но эти данные характеризуют относительно развитое представление о функциях отдельных судов, присущее в первую очередь образованным людям с более высокими статусными позициями, соответственно, опирающимся на каналы специализированного знания. Напротив, *общее представление* о судах низшего уровня, в том числе и о менее распространенных и сравнительно недавно введенных в практику судах присяжных, может быть получено из каналов

массовой культуры (ТВ, беллетристики и т. п.) и общего образования с соответствующим (неспециализированным и недетализированным) контекстом восприятия проблем судов этого типа, ожиданиями относительно характера их работы или ее оценками.

Наибольшую известность имеют суды, взаимодействующие непосредственно с населением, а именно: суды общей юрисдикции — о них знают (хотя бы в общих чертах) 76% населения, суды присяжных — 68%, мировые судьи — 67%. В меньшей степени население представляет себе задачи и особенности функционирования высших судов — Конституционного (54%) и Верховного судов РФ (61%), Высшего Арбитражного (47%) или конституционных судов субъектов РФ (45%) (см. табл. 24).

Наименее информированными о суде присяжных являются как молодые люди, так и самые старшие по возрасту, жители села, рабочие, особенно неквалифицированные, вообще — респонденты с невысоким уровнем образования, военнослужащие и сотрудники милиции. Уровень неосведомленности относительно арбитражных судов или функций Конституционного суда гораздо выше, но повторяет в своих существенных чертах те же тенденции распределения мнений, что и в первом случае. Удивляет неожиданно высокий удельный вес «некомпетентных» среди руководителей среднего звена и частных предпринимателей, особенно по отношению к арбитражным судам, а также представителей силовых структур относительно Конституционного суда.

Противоречивость отношения к судебной системе и доминирование отрицательных оценок ее работы не может объясняться незначительностью этой сферы для повседневной жизни людей. Напротив, значительная часть россиян по собственной воле или под влиянием учебных программ в школах разного уровня обращается к изучению (или лишь чтению) законов и законодательных документов, кодексов законов в поисках найти решения возникающих правовых вопросов. Чаще всего респонденты указывали, что они читали Трудовой кодекс (51%), Конституцию РФ (39%; ее обязательно проходят в школе, хотя бы в качестве вводного урока по обществоведению), 25–26% знакомы с Уголовным кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом, Гражданским кодексом и Гражданским процессуальным кодексом, Жилищным кодексом и читали их. Меньшей известностью пользуется Семейный кодекс (20%) и Кодекс об административных правонарушениях (18%).

¹ Среди респондентов с высшим образованием, специалистов и тем более руководителей предприятий и организаций уровень адекватной, т. е. удовлетворительной для них самих информированности, в 2–2,5 раза выше, чем в остальных категориях и группах опрошенных. Например, «хорошо понимают», чем занимается Верховный суд РФ, 20% респондентов с высшим образованием и лишь 10–11% со средним или ниже среднего образованием; еще больше разница в отношении понимания функций Конституционного суда РФ: здесь аналогичные расхождения составляют 20 и 7%; Высший Арбитражный суд РФ — 15 и 6%; в отношении суда присяжных — 28 и 13%; в отношении районных судов общей юрисдикции — 25 и 14–15%; арбитражных судов — 19 и 7%.

Таблица 24

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ О СУЩЕСТВОВАНИИ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ СУДОВ, И ЕСЛИ ДА, ТО НАСКОЛЬКО ХОРОШО ВЫ ПОНИМАЕТЕ, ЧЕМ ОНИ ДОЛЖНЫ ЗАНИМАТЬСЯ, ЧТО ОТНОСИТСЯ К ИХ КОМПЕТЕНЦИИ? (ответы ранжированы)

	Знаю и понимаю достаточно хорошо	Знаю и понимаю в общих чертах	Знаю, слышал, но не очень понимаю	Не знаю
Региональные, городские, районные суды общей юрисдикции	17	59	21	3
Суды присяжных	17	51	28	5
Мировые судьи	16	51	28	5
Верховный суд РФ	13	48	33	7
Конституционный суд РФ	10	44	37	9
Арбитражные суды	10	43	37	11
Высший Арбитражный суд	8	39	39	14
Конституционные (уставные) суды субъектов РФ	8	37	39	16

Другими словами, если не считать обращение к Трудовому кодексу и Конституции, то различными сводами законов пользовался примерно каждый четвертый гражданин России (это приблизительно соответствует количеству прошедших через суды различного типа и их ближайшему окружению). Такие показатели говорят о серьезной потребности общества в правовых знаниях и явной недостаточности или дефицитах существующей системы юридических посредников и консультаций, неудовлетворительности самого института правового образования и просвещения.

Подгруппа респондентов, имевших опыт участия в суде. Проведенный опрос дает общие сведения о доле граждан, участвовавших в работе суда в том или ином качестве, а также возможность анализа оценок и мнений о судебном процессе его непосредственных участников. По результатам первой волны (из-за относительно небольшого количества респондентов, представляющих одну из судившихся сторон, — в целом N=647 человек) мы имеем возможность 1) сравнить мнения и оценки респондентов «судившихся» и «не судившихся» и 2) получить общее представление об оценках работы судов респондентами, имевшими опыт участия в этой работе. Обратимся сначала к описанию данных по ответам респондентов, имеющих опыт участия в суде или присутствия на нем, полученных в рамках основной выборки, так как они репрезентативны для всего населения. Когда-либо участвовали в судебном процессе или присутствовали на нем в любом качестве, включая роль «зрителя», 33% всех опрошенных по основной выборке (N=2008).

Половина всей этой массы респондентов

участвовали в судебном разбирательстве 1 раз, одна пятая — 2 раза и почти треть (30%) — 3 раза и более.

Большинство респондентов, имеющих опыт участия в суде или присутствия на нем (57%), получили его в рамках гражданского судопроизводства; почти половина (45%) — уголовного, почти одна пятая — административного; с работой арбитражного суда знакомы лишь 4% имеющих опыт участия, а конституционного судопроизводства — всего 2%. Иными словами, почти каждый пятый россиянин когда-либо в своей жизни присутствовал в том или ином качестве в суде по гражданскому иску, примерно каждый седьмой — по уголовному делу.

Подавляющее большинство (80% от имеющих опыт) участвовало в работе судов общей юрисдикции, чуть менее трети (30%) — у мирового судьи (в арбитражном суде — 5%, в Верховном суде РФ — 1%). Как и в ответах о видах судопроизводства, в данном случае затрудняются определить уровень или специализацию суда лишь 3% опрошенных данной подгруппы.

В качестве потерпевшего, истца или заявителя в судебных процессах в целом участвовали 53% всех россиян, имевших тот или иной судебный опыт; в качестве подсудимого или ответчика выступало 29% данной подгруппы, а в качестве свидетеля — почти треть всех имевших опыт участия в суде — 31%. Каждый десятый в данной подгруппе участвовал в процессе в качестве родственника участника процесса (4% — знакомого, коллеги) и примерно каждый десятый (11%) — в качестве зрителя.

Подавляющее большинство участников судебных процессов (70%) получили этот опыт в течение 2000-х гг.; еще в советское время судились 12% респондентов данной подгруппы, что

составляет от всего населения соответственно 23 и 4% (напомним, что 67% всех опрошенных никогда не участвовали в суде). Мы будем называть их далее для краткости «судившиеся» и «не судившиеся». Представим эти сравнения по основному тематическому блоку анкеты.

Независимость судебной власти, российских судов и судей. Подавляющее большинство «не судившихся» и «судившихся» граждан считают «очень/довольно важным» для общего развития страны реальное разделение властей, что подразумевает и независимость судебной власти (соответственно 68 и 72%, причем среди «судившихся» выше доля тех, кто считает это «очень важным»). Из других опросов Левада-Центра известно, что лишь незначительная часть российских граждан (по разным опросам – 12%) считает принцип «разделение властей» (checks and balances) важнейшим принципом демократии и основой правового государства. Это, с одной стороны, объясняется отсутствием необходимого опыта жизни россиян в реально работающей, а не «управляемой» демократии и, соответственно, довольно туманными представлениями о демократических институтах. Но, с другой стороны, столь низкий показатель значимости разделения властей для демократии можно интерпретировать и как косвенное признание реальности и практики российской государственности, специфики нашей «демократии»; ведь более половины опрошенных (57%) считают судебную власть в России зависимой от других ветвей власти, прежде всего от высшей исполнительной власти (среди «судившихся» так думают 62%, среди «не судившихся» – 53%) (см. табл. 28).

Тем не менее такое же большинство (58%) считает, что суды, судебная власть должны быть независимы от исполнительной власти, среди «судившихся» эта позиция выражена сильнее, чем среди «не судившихся» (соответственно 63 и 55%).

Представление о зависимости российских судов в их решениях преобладает как среди тех, кто не судился, так и среди «судившихся», только у последних оно выражено сильнее, и они реже затрудняются с ответом.

Мнения о том, кто сегодня оказывает в России самое сильное давление на суд, в описываемых нами совокупностях респондентов близки, разница заключается в большей выраженности «судившимися» мнения о давлении на суд со стороны власти, вышестоящего судебного начальства, а также тех, кто, давая крупную взятку

или оказывая важную услугу, добивается решения в свою пользу. Различается также и ранговая последовательность ответов (см. табл. 26).

Таблица 25
В КАКОЙ МЕРЕ РОССИЙСКИЕ СУДЫ ЯВЛЯЮТСЯ НЕЗАВИСИМЫМИ В СВОИХ РЕШЕНИЯХ (в % по столбцу)

	Не судились	Судились
Полностью независимы / в достаточной степени независимы	36	30
В большой степени зависимы / практически полностью зависимы	54	63
Затруднились ответить	12	7

Таблица 26
КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, КТО СЕГОДНЯ В РОССИИ ОКАЗЫВАЕТ НА СУДЕЙ САМОЕ СИЛЬНОЕ ДАВЛЕНИЕ? (в % по столбцу, ранжировано по ответам «судившихся»)

	Не судились	Судились
Представители власти	44	50
Люди, которые дают им крупную взятку, способны оказать важную услугу	32	40
Вышестоящее судебное начальство	29	35
Криминальные структуры	34	35
Представители крупного бизнеса	33	32
Коллеги, судейская корпорация	7	9
Средства массовой информации	4	5
Я считаю, что в большинстве случаев судьи принимают решение независимо	9	4
Затрудняюсь ответить	5	2

Иными словами, для имеющих судебный опыт наиболее важным является давление на суд со стороны властей, коррупционная практика в судах и, что особенно важно, зависимость рядовых судей от судебного начальства. Представления о том, как можно добиться независимого положения судей, в сравниваемых двух совокупностях очень схожие. Называются прежде всего две главные меры: ужесточение наказания за случаи коррупции и сделок в суде (56 и 47%) и идея подотчетности судей населению (избрание и отзыв судей – 36 и 30%).

Доверие к судебной системе и к отдельным судам, информированность об их деятельности. Доверие к российской судебной системе среди

российского населения в целом сегодня преобладает над недоверием, то же относится и к «не судившимся». Но респонденты, имеющие опыт судебного разбирательства, напротив, чаще не доверяют сложившейся судебной системе, чем доверяют, причем особенно среди них высоко полное недоверие. Отметим, что доля затруднившихся ответить в обеих группах практически равна (см. табл. 27).

Таблица 27
ДОВЕРИЕ К СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ (в % по столбцу)

	Не судив- шиеся	Судившиеся
Полностью доверяю	8	6
Скорее доверяю	48	38
Скорее не доверяю	29	33
Совершенно не доверяю	10	19
Затруднились ответить	5	4
Сумма доверяющих	56	44
Соотношение доверяющих и не до- веряющих	1,4	0,8

Доверие к судебной системе ощутимо выше, чем оценка работы современной российской системы, и особенно это типично для респондентов, имеющих опыт судебного разбирательства. (Точно так же высокое доверие или общее одобрение высшего руководства сочетается в массовом сознании с довольно критичными оценками ее достижений в конкретных сферах жизни общества.)

Таблица 28
**КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ РАБОТУ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ?** (в % по столбцу)

	Не судив- шиеся	Судившиеся
Очень высоко	2	2
Довольно высоко	36	24
Довольно низко	35	45
Очень низко	9	16
Затруднились ответить	19	12
Соотношение позитивных и негативных оценок	0,86	0,43

«Судившиеся», как видим, почти в 2 раза чаще дают самую низкую оценку работе российской системы. Причины, препятствующие

эффективной работе судов, справедливому и беспристрастному правосудию, видятся имеющими и не имеющими судебный опыт сходно, но «судившиеся» настроены более критичнее: они чаще упоминают взяточничество и коррупцию судей и работников судов (60 к 54%), зависимость судей от властей и влиятельных групп (51 к 42%), отсутствие равенства сторон, заведомое преимущество чиновников перед рядовыми гражданами (30 к 22%); чуть меньше трети упоминает еще и волокиту, непродуктивность работы судов (30 к 27%) – это наиболее массовые ответы в обеих рассматриваемых совокупностях респондентов.

Ответы на вопрос о причинах недоверия к судебной системе показывают, что для «судившихся» оно в значительной мере объясняется именно негативным личным опытом или опытом близких людей (см. табл. 29).

Таблица 29
ПРИЧИНЫ НЕДОВЕРИЯ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ (в % от числа высказавших недоверие, по столбцу)

	Не судив- шиеся	Судившиеся
Я лично, мои близкие не смогли добиться в суде справедливого решения, защиты своих прав	11	46
Мои друзья, знакомые, коллеги не смогли добиться в суде справедливого решения, защиты своих прав	25	24
Российские судьи зависимы в своих решениях от власти и других влиятельных групп	27	31
Простые граждане не могут защитить в суде свои права, нарушенные государством	33	37
Знаю о случаях коррупции в судах	19	23
Большинство рядовых судей зависимы в своих решениях от вышестоящего начальства	14	18
Судебные решения не выполняются	13	13
Судебную систему постоянно критикуют СМИ	8	3
Работа судов плохо организована, много волокиты, бюрократизма	20	23
Не доверяю никаким органам государственной власти	13	13
Мало знаю о работе судов, не разбираюсь в этом	13	2
Затрудняюсь ответить	8	4

Помимо негативного опыта, «судившихся» отличает и несколько большая критичность в отношении зависимости судей, возможности простых граждан отстоять права, нарушенные государством, организации работы суда, тогда как примерно каждый восьмой из «не судившихся», отвечая на эти вопросы, ссылаясь на свое незнание и некомпетентность.

Уровень информированности российско-го населения о назначении и компетенции отдельных судов, по собственным оценкам россиян, весьма низкий. Даже в случае судов общей юрисдикции значительная часть опрошенных «не очень понимает», чем там должны заниматься (таких около одной пятой опрошенных, а в случае мировых судей – уже четверть). Имеющие судебный опыт респонденты оценивают свою информированность явно выше, чем никогда не судившиеся. Но и среди них относительное большинство в основном выбирает оценку «знаю, и понимаю в общих чертах», а доля наиболее компетентных превышает долю тех, кто «слышал, но не очень понимает», чем занимается данный суд, только в случае судов общей юрисдикции и мировых судей.

Только 5% «судившихся» отвечали на вопрос об оценке своих знаний о том, как устроена и работает российская судебная система, российский суд, «знаю очень хорошо», а чуть более одной пятой – «знаю неплохо» (среди «не судившихся»).

С высокой вероятностью можно утверждать, что респонденты завышают уровень своих знаний и информированности. Также, видимо, несколько «приукрашенную» картину дают данные о том, читали ли респонденты основополагающие своды законов – кодексы и Конституцию РФ (см. табл. 30), но, как бы там ни было, респонденты, обладающие опытом участия в суде, имеют о них большее представление, чем не судившиеся (соответственно 1 и 10%); подавляющее большинство «судившихся» (60%) вы-

брало вариант «знаю только в общих чертах».

Вместе с тем именно «судившиеся» проявляют весьма значительный интерес к информации о работе российских судов и судебной системе в целом: интересуется такая информация 51% «судившихся» и только 31% «не судившихся» («совершенно не интересуется», соответственно 18 и 8%).

Подавляющее большинство в обеих совокупностях считает, что знаниям о праве, юриспруденции, судебной системе уделяется недостаточно внимания в школах и неюридических вузах, и только в отношении телевидения и печатных СМИ мнения делятся почти поровну. Среди «судившихся» чуть чаще (чем в случае телевидения) упоминается недостаток такой информации в печатных изданиях (50%). В качестве источников своих знаний о работе судебной системы и судов печать, информационные и специальные (посвященные суду) телепрограммы, кинофильмы, сериалы, а также художественные книги упоминаются примерно с равной частотой как «не судившимися», так и «судившимися». Но последние (хоть это и весьма малые группы) чаще упоминают специальную и научную литературу (8 к 3%), специальные сайты в Интернете (12 к 7%), популярные лекции и выступления юристов (4 к 1%) – т. е. проявляют интерес к более специальной и детальной информации. Как для «судившихся», так и для «не судившихся» одним из наиболее значимых выступает неформальный канал – «родственники, знакомые, имевшие опыт контактов с судами» (соответственно 23 и 31%), а для «судившихся», разумеется, собственный опыт контактов с судами (36%).

Низкая (но, как мы уже говорили, наверняка все же завышенная) оценка своих знаний о судах сочетается с преобладающим среди населения доверием к судебной системе в целом, а также к судам разных уровней и компетенции. Расхождение доли доверяющих среди «не

Таблица 30
ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ КОГДА-ЛИБО ЧИТАТЬ ...

	Не судившиеся	Судившиеся
Трудовой кодекс	46	59
Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс	21	38
Гражданский кодекс, Гражданский процессуальный кодекс	21	40
Жилищный кодекс	21	35
Семейный кодекс	17	26
Кодекс об административных правонарушениях	14	27
Конституцию РФ	35	43
Ничего из перечисленного не приходилось читать	37	18

судившихся» и «судившихся» не значительно (среди «судившихся» оно чуть ниже); особенно высоко доверие к Конституционному и Верховному судам РФ (притом что большинство граждан, напомним, весьма смутно понимают, что в них происходит), т. е. — к высшим судебным инстанциям, а также, напротив, к самой низкой судебной инстанции — мировым судьям, о функциях которых, впрочем, граждане тоже знают немного. Недоверие к судам разных уровней высказывается гораздо реже, чем доверие к ним, со стороны как «не судившихся», так и «судившихся».

Закон и его соблюдение. Относительное большинство населения считает, что в России сейчас нельзя жить, не нарушая закона: среди респондентов, имеющих судебный опыт, так думают почти три пятых этой подгруппы (59%). Мнения о значимости причин такого положения вещей у «не судившихся» и «судившихся» практически не различаются. На первом месте мнение, что «закон в нашей стране не работает, ему не подчиняются даже власти» (соответственно 42 и 41%), на втором — «закон нарушают все, поэтому по закону ничего не добьешься» (29 и 28%), на третьем — разрушение морали в обществе (19 и 17%) (см. табл. 31–32).

Таблица 31
МОЖНО ЛИ ЖИТЬ В РОССИИ, НЕ НАРУШАЯ ЗАКОНА?
(в % по столбцу)

	Не судившиеся	Судившиеся
Да	45	33
Нет	47	59
Затруднились ответить	8	8
Соотношение мнений	1,0	0,6

Таблица 32
ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ПОД ЗАЩИТОЙ ЗАКОНА?
(в % по столбцу)

	Не судившиеся	Судившиеся
Определенно да / Скорее да	45	34
Скорее нет / Определенно нет	48	61
Затруднились ответить	6	5
Соотношение мнений	0,94	0,56

Более трети как «не судившихся», так и «судившихся», отвечая на вопрос, кто в России чаще нарушает закон, выбрали вариант — «прак-

тически все». Респонденты с судебным опытом чаще, чем «не судившиеся» называли далее представителей государства (соответственно 25 и 17%), а «не судившиеся» несколько чаще упоминали криминальные структуры (33 к 29%).

Права, нарушение прав и их защита. Оценивая знание своих прав, закрепленных законом и Конституцией, «судившиеся» чаще оценивают его относительно высоко, хотя, как и в случае с информированностью и пониманием компетенций разных судов, большинство выбирает расплывчатую формулировку «знаю в общих чертах». Столь посредственная оценка знания своих прав даже среди имеющих опыт судебного разбирательства вместе с другими общераспространенными негативными представлениями о работе судов, видимо, сказывается на том, что оценки возможности отстоять свои нарушенные права в суде в этой подгруппе практически не отличаются от оценок респондентов, не имеющих такого опыта (см. табл. 33).

Таблица 33
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СВОЕ ЗНАНИЕ ВАШИХ ПРАВ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ ЗАКОНОМ, КОНСТИТУЦИЕЙ? (в % по столбцу)

	Не судившиеся	Судившиеся
Знаю очень хорошо	2	4
Знаю неплохо	16	24
Знаю только в общих чертах	58	63
Практически ничего не знаю	24	9
Затруднились ответить	1	0

Таблица 34
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОЖЕТ ЛИ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК, КАК ВЫ, В СЛУЧАЕ НАРУШЕНИЯ ВАШИХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ОТСТОЯТЬ ИХ В РОССИЙСКОМ СУДЕ? (в % по столбцу)

	Не судившиеся	Судившиеся
Определенно да / Скорее да	39	43
Скорее нет / Определенно нет	48	46
Затруднились ответить	13	11

Лишь около трети респондентов (32%), имеющих опыт судебного разбирательства, считают, что обычный гражданин может — всегда или в значительной части случаев — рассчитывать на то, что его дело будет рассмотрено в суде справедливо и беспристрастно. Большинство же (56%) полагает, что это бывает не всегда, а почти каждый десятый (9%) — что такого не случается «никогда».

Уверенность «судившихся», как и российского населения в целом, в необъективности суда относится прежде всего к тем гипотетическим судебным делам, где противоположной стороной выступало бы государство, его представители: судиться с ними большинство россиян в целом и респондентов, имеющих судебный опыт, в частности не собираются. Вместе с тем и уже «судившиеся», и население России в целом заявляет о готовности судиться со своими работодателями — причем руководителями и государственных, и частных предприятий, организаций (см. табл. 35).

Таблица 35
СТАЛИ БЫ ВЫ ПОДАВАТЬ В СУД НА... ЕСЛИ БЫ ОН НАРУШИЛ ВАШИ ЗАКОННЫЕ ПРАВА? (в % к «судившимся»)

	Определенно да / скорее да	Скорее нет / определенно нет	Затруднились ответить
Государственного чиновника	41	52	7
Милиционера	45	48	7
Следователя	39	53	8
Судью	34	57	10
Работодателя государственного учреждения	59	34	6
Работодателя частного учреждения	59	36	6

Имеющие опыт судебного разбирательства все-таки несколько чаще, чем остальные россияне, выражают готовность подавать в суд на государственных служащих, нарушивших их права, как, впрочем, и на работодателей. Они готовы — по крайней мере, на словах — вести себя активнее, чем средние россияне. Кроме того, «судившиеся» помимо самого суда имеют относительно разнообразный и большой, в сравнении с «не судившимися», опыт обращения для защиты своих прав в различные инстанции и организации.

Несмотря на то что почти половина «судившихся» (46%) считают, что они вряд ли смогут или определенно не смогут отстоять в российском суде свои права, около трети (32%) имеющих судебный опыт заявили о своем твердом намерении обратиться в суд в случае возникновения проблем, «которые многие люди решают путем судебного разбирательства» (среди «не судившихся» такой вариант выбрали 16% респондентов) (см. табл. 37).

Таблица 36
ОБРАЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ КОГДА-ЛИБО НАПРЯМУЮ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ВАШИХ ПРАВ В СЛЕДУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ К СЛЕДУЮЩИМ ЛИЦАМ?

	Не судив- шиеся	Судив- шиеся
В государственные учреждения	6	17
В органы исполнительной власти какого-либо уровня	3	12
К вашему депутату	3	5
В милицию	12	28
В прокуратуру, другие правоохранительные органы	3	16
В третейские суды	0,1	1
В общественные, правозащитные организации	1	4
В суд	3	48
В СМИ	1	3
К влиятельным людям из органов власти	1	3
К знакомым лицам, которые могли уладить дело	5	11
К криминальным авторитетам или группам	1	1
Никуда не обращался	74	23

Таблица 37
ЕСЛИ У ВАС ВОЗНИКНУТ ПРОБЛЕМЫ, КОТОРЫЕ МНОГИЕ ЛЮДИ РЕШАЮТ ПУТЕМ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА, ОБРАТИТЕСЬ ЛИ ВЫ В СУД? (в % по столбцу)

	Не судив- шиеся	Судив- шиеся
Определенно да	16	32
Скорее да	49	49
Скорее нет	19	11
Определенно нет	8	4
Затрудняюсь ответить	8	4

Причины, по которым респонденты с опытом и без опыта суда не стали бы обращаться в суд, довольно существенно различаются (см. табл. 38).

Имевшие судебный опыт ошутимо чаще объясняют свое нежелание неверием в независимость суда от власти, других групп влияния и людей с большими деньгами, наличием отрицательного опыта судебных разбирательств и несправедливых, с их точки зрения, судебных решений. Особенно выделяет этих респондентов, мнение, основанное, вероятно, и на личном опыте, что суд «ни во что не ставит обычного человека», нежелание переживать новые унижения и произвол. Для «не судившихся» особенно

характерны разнообразные страхи: ссылки на отсутствие нужных знаний, боязнь не разобраться, сложности со сбором необходимых документов, боязнь последствий для себя и близких.

Таблица 38

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ СТАНЕТЕ ОБРАЩАТЬСЯ В СУД? (в % к числу тех, кто не станет обращаться)

	Не судившиеся	Судившиеся
Не верю в независимость суда от власти, других групп влияния	21	31
Не верю в независимость суда от людей с большими деньгами	19	28
У меня, моих близких уже есть отрицательный опыт судебных разбирательств, несправедливых судебных решений	10	22
Не смогу обеспечить себе компетентную защиту	22	30
Это связано со слишком большими финансовыми затратами	26	33
В суде неизбежны волокита и бюрократизм, затягивающие процесс	14	12
Наш суд ни во что не ставит обычного человека, опасаюсь произвола и унижений	9	27
Не представляю себе, как это делать, не разбираюсь в этом	17	7
Нет/жалко времени и сил, здоровья, нервов	25	20
Слишком сложно собрать все нужные бумаги, документы	19	6
Не хочу огласки, лишнего внимания к себе	7	4
Не хочу испортить свою репутацию, впутываться в публичное разбирательство	2	4
Считаю, что вообще лучше не связываться с государственными учреждениями	9	5
Боюсь опасных последствий для себя, своих близких	10	4
Не хочу, чтобы меня считали сутяжником	3	1
Не хочу впутывать в это близких или знакомых, коллег	8	7
Затрудняюсь ответить	11	3

Оценки конкретного судебного разбирательства. Для подавляющего большинства обратившихся в суд (71%) это было их личное решение, по совету юристов в суд обратились 15% дан-

ной подгруппы, 6% так поступить посоветовали родственники или друзья. Подавляющее большинство этих дел разбиралось в рамках гражданского судопроизводства (56%), более четверти (27%) — уголовного, чуть более одной десятой (12%) — административного, лишь 2% — арбитражного и менее 1% — конституционного судопроизводства.

87% дел слушалось по месту жительства респондента; примерно каждому десятому (12%) пришлось ехать в другой город или район, но недалеко от их места жительства и лишь 1% опрошенных данной группы были вынуждены ехать в отдаленный город или район. Близость суда оказывает позитивное влияние на активность обращения граждан.

47% представляли свои интересы на процессе самостоятельно; 26% нанимали адвоката самостоятельно, а около одной пятой (21%) адвокат был бесплатно предоставлен судом. Основная причина, которую респонденты чаще всего указывали, объясняя, почему они не воспользовались услугами предоставленного судом или частного адвоката, — их мнение, что они лучше других знали обстоятельства своего дела и считали, что хорошо подготовлены к суду (45% не воспользовавшихся услугами адвоката). О том, что у них «не было денег нанять частного адвоката или другого представителя, а в бесплатную помощь государства я не верю», заявил каждый четвертый из «судившихся». На недоверие к государственным и частным адвокатам как на причину отказа от их помощи указали всего 1–2% отказавшихся от их услуг. Напротив, доверие к адвокатам особенно высоко у «судившихся» и ощутимо превышает доверие к судьям и прокурорам (см. табл. 39).

Таблица 39

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ДОВЕРИИ К ЛИЦАМ, ПРИЗВАННЫМ ОХРАНЯТЬ СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОНА И ПРАВА, ТО В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ В ЦЕЛОМ ДОВЕРЯЕТЕ ...? (в % от «судившихся»)

	Полностью доверяю / Скорее доверяю	Скорее не доверяю / Совершенно не доверяю	Затруднились ответить
адвокатам	59	33	8
правозащитникам	50	35	15
судьям	46	46	8
прокурорам	42	48	11
следователям	36	54	11

Хотя почти половина обратившихся в суд считали, что они сами лучше всего смогут представлять свои интересы, лишь четверть судившихся признали, что они были хорошо информированы о деятельности суда, когда в него обратились. Относительное большинство (39%) считает, что они были информированы «в общем и целом», а около трети (34%!) респондентов признали, что они были информированы «очень слабо» или «практически не были информированы».

Удовлетворенность судебным разбирательством. Большинству в суде их права были разъяснены, по их мнению, «полностью и обстоятельно» (62%), но примерно каждый третий из судившихся (29%) считает, что они были разъяснены «формально, скороговоркой». Лишь 4% говорят, что это не было сделано, и они знали, что это нарушение судебной процедуры, и только 3% даже не знали, что так должно быть (т. е. не разъяснили права 7% судившихся).

Таблица 40.1
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ СУДА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ СТОРОН И СОСЯЗАТЕЛЬНОСТИ (в % по столбцу к соответствующей группе).

	«ИСТЦЫ»	«ОТВЕТЧИКИ»
Обеспечение судом равных возможностей обеим сторонам для дачи показаний, предоставления документов, ходатайств и пр.		
Полностью удовлетворен / Скорее удовлетворен	72	57
Скорее не удовлетворен / Совершенно не удовлетворен	24	41
Затруднились ответить	4	3
Обеспечение судом состязательности сторон: объективность и непредвзятость суда по отношению к одной из сторон		
Полностью удовлетворен / Скорее удовлетворен	67	53
Скорее не удовлетворен / Совершенно не удовлетворен	27	42
Затруднились ответить	6	5

Среди «истцов», как видим, значительно преобладает доля удовлетворенных данными характеристиками судебного процесса, хотя около четверти все же высказывает недовольство. В то же время среди «ответчиков» доля удовлет-

воренных тоже преобладает, но уже не так значительно — доля неудовлетворенных составляет около двух пятых. В обоих случаях сравниваемых групп все оценки — как положительные, так и отрицательные — сдвинуты «к середине» (больше доля выбирающих варианты «скорее удовлетворен» или «скорее не удовлетворен»).

Таблица 40.2
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ СУДА (ВОЗМОЖНОСТЯМИ ОЗНАКОМИТЬСЯ С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА И ТОЧНОСТЬЮ ПРОТОКОЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА) (в % к соответствующей группе по столбцу)

	«ИСТЦЫ»	«ОТВЕТЧИКИ»
Обеспечение судом возможности полностью ознакомиться с материалами дела		
Полностью удовлетворен / Скорее удовлетворен	74	67
Скорее не удовлетворен / Совершенно не удовлетворен	25	31
Затруднились ответить	2	2
Точность протоколирования судом процесса		
Полностью удовлетворен / Скорее удовлетворен	67	60
Скорее не удовлетворен / Совершенно не удовлетворен	19	21
Затруднились ответить	14	19

Оценки в обеих группах в целом близки, особенно — отрицательные. Отметим, что они выше среди привлекавшихся к суду, — предположительно это указывает на лучшую информированность и подготовку «истцов» к судебному процессу.

Из данных характеристик работы суда наибольшее удовлетворение как у «истцов», так и у «ответчиков» вызвала своевременность получения судебного решения; тогда как обоснованность судебного решения вызвала неудовлетворение почти у трети «истцов» и почти у двух пятых «ответчиков». Исполнение судебного решения оценивается обеими «сторонами» очень сходно. Вместе с тем и на этой «стороне» доля неудовлетворенных довольно значительна — от 20 до 30%, причем наибольшую неудовлетворенность вызывает обоснованность судебного решения и его исполнение. (В группе «ответчиков» наибольшую неудовлетворенность вызывает обеспечение судом равенства и состязательности сторон.)

Таблица 40.3

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ СУДА ПО ОБОСНОВАННОСТИ, СВОЕВРЕМЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЮ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ (в % по столбцу к соответствующей группе)

	«ИСТЦЫ»	«ОТВЕТЧИКИ»
Обоснованность вынесенного решения		
Полностью удовлетворен / Скорее удовлетворен	69	58
Скорее не удовлетворен / Совершенно не удовлетворен	29	39
Затруднились ответить	2	3
Своевременность получения судебного решения		
Полностью удовлетворен / Скорее удовлетворен	78	81
Скорее не удовлетворен / Совершенно не удовлетворен	20	17
Затруднились ответить	2	2
Исполнение судебного решения		
Полностью удовлетворен / Скорее удовлетворен	67	68
Скорее не удовлетворен / Совершенно не удовлетворен	30	25
Затруднились ответить	3	7

Таблица 41

ОЦЕНКИ РАБОТЫ СУДЬИ

(Вопрос: «ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ПОДРОБНЕЕ О РАБОТЕ СУДЬИ ВО ВРЕМЯ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ВАШЕГО ДЕЛА, ТО ...»)
(в % по столбцу)

	«ИСТЦЫ»	«ОТВЕТЧИКИ»
судья внимательно выслушивал аргументы сторон?		
Да	84	70
Нет	15	27
Затруднились ответить	2	3
судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон?		
Да	73	67
Нет	23	31
Затруднились ответить	4	4
судья вежливо и корректно обращался к обеим сторонам?		
Да	81	80
Нет	16	17
Затруднились ответить	3	4

судья был явно предубежден против одной из сторон?

Да, был явно настроен против одной из сторон	25	32
Нет, не был предубежден	64	57
Затруднились ответить	11	11

судья убедительно обосновал свое решение?

Да	73	64
Нет	21	30
Затруднились ответить	5	7

судья был не вполне самостоятелен?

Да, не вполне самостоятелен	23	27
Нет, самостоятелен	69	62
Затруднились ответить	8	11

судье заранее было ясно решение, поэтому он вел процесс формально?

Да, заранее ясно	38	49
Нет, не было	45	40
Затруднились ответить	17	11

судья систематически игнорировал аргументы и ходатайства одной из сторон?

Да	23	26
Нет	69	67
Затруднились ответить	8	8

судье были безразличны высказывания сторон, их ходатайства и речи?

Да	27	28
Нет	66	61
Затруднились ответить	7	11

судья вел дело формально, поскольку случай был типовым и стандартное решение было заготовлено заранее?

Да, формально	40	53
Нет, не формально	48	36
Затруднились ответить	12	12

Основные расхождения в общей балльной оценке (от 1 до 5) работы судьи на процессе между сторонами в том, что «истцы» в 2 раза чаще давали судье оценку «очень высоко» (18 и 9%), а «ответчики» несколько чаще давали негативные оценки (4 и 5 баллов – 22 и 28%). Но относительное большинство выбирало оценку «средне» – 38 и 40% (см. табл. 42).

Та же тенденция и в ответах на вопрос об общей оценке действий работников суда по делу респондента (см. табл. 43).

Среди «истцов» относительное большинство считает, что работники суда сделали полностью все, что обязаны были сделать; в обеих группах примерно одинаково представлена более сдержанная положительная оценка («в значительной степени»), а отрицательные оценки

несколько чаще давались «ответчиками». Очень похожее распределение дает и оценка сторонами вынесенного по их делу судебного решения.

Таблица 43

РАБОТНИКИ СУДА СДЕЛАЛИ ПО ВАШЕМУ ДЕЛУ ВСЕ, ЧТО БЫЛИ ОБЯЗАНЫ СДЕЛАТЬ И ЧТО ОТ НИХ ЗАВИСИЛО? (в % по столбцу)

	«ИСТЦЫ»	«ОТВЕТЧИКИ»
Да, полностью	41	28
Да, в значительной степени	28	29
Нет, в очень малой степени	18	22
Нет, совсем ничего не сделали, отделались совершенно формально	12	16
Затрудняюсь ответить	1	6

Таблица 44

ВЫ СЧИТАЕТЕ ВЫНЕСЕННОЕ СУДЬЕЙ РЕШЕНИЕ ПО ВАШЕМУ ДЕЛУ СПРАВЕДЛИВЫМ? (в % по столбцу)

	«ИСТЦЫ»	«ОТВЕТЧИКИ»
Полностью справедливым	43	26
Скорее справедливым	29	34
Скорее несправедливым	16	16
Совершенно несправедливым	11	21
Затрудняюсь ответить	2	3
Соотношение мнений «справедливым»/«несправедливым»	2,7	1,6

Относительное большинство «истцов» (49%) намерено в будущем в случае необходимости обращаться в судебные инстанции, а более трети из них (36%) только в крайнем случае, если не будет другого выбора. Примерно каждый десятый этой группы (11%) отвечал, что «не намерен впредь обращаться в судебные инстанции» (затруднилось с ответом только 5%). Среди выступавших на суде в последний раз «ответчиками» относительное большинство, напротив, намерено обращаться в суд только в крайнем случае, хотя около трети (30%) готовы делать это в случае необходимости и в дальнейшем. Среди «ответчиков» выше доля тех, кто не намерен впредь обращаться в суд, а каждый десятый затруднился дать определенный ответ.

Денис ВОЛКОВ

Интернет и политическая ангажированность в России (по данным массовых опросов)

Внимание к виртуальному пространству в России растет. Интернет занимает прочное место в международных отчетах о свободе слова и состоянии демократии в стране (см. например, ежегодный отчет **Freedom House**). Растет количество материалов, посвященных Интернету в ведущих общественно-политических изданиях, на радио и телевидении, в научных журналах (в том числе и «Вестнике общественного мнения»¹). Интерес к Сети проявляют российские политики — президент ведет свой блог и читает твиттер, а партия «Единая Россия» в массовом порядке переходит на работу с iPad². Не отстают и оппозиционные лидеры и движения. Опросы онлайн на различных интернет-ресурсах соседствуют с данными массовых социологических исследований.

Тем, кто смотрит из-за рубежа, Интернет представляется «последним бастионом» свободных СМИ в России³. По мнению других, именно Интернет «станет площадкой для рождения новых политических лидеров»⁴ или даже приведет к появлению нового человека⁵ (вероятно, в противоположность «человеку советскому»)⁶. Аналитически очертить границы формирования

альтернативной общенациональной повестки дня при помощи Интернета и возможности рекрутирования в Интернете сторонников оппозиционных партий — цели данной статьи.

Понять, насколько Интернет в современной России может соревноваться с традиционными медиа, могут помочь ответы на следующие вопросы. Во-первых, насколько широка интернет-аудитория: какая доля населения страны может полноценно использовать разные ресурсы Сети? Во-вторых, насколько сопоставимы аудитории различных СМИ, в чем специфика использования Интернета как источника информации о текущих событиях. В-третьих, на примерах конкретных событий можно установить, насколько население в целом знакомо с темами, которые обсуждаются в Интернете, и заимствуют ли традиционные СМИ сюжеты блогосферы и интернет-изданий.

Установить роль Интернета в привлечении новых сторонников оппозиционных партий, чья позиция не представлена в официальных СМИ, представляется возможным, если удастся определить степень известности этих партий у интернет-аудитории, привлекательность их идей и готовность участвовать в их мероприятиях «офлайн».

I. Формирование альтернативной общенациональной повестки дня. Динамика и границы российской интернет-аудитории. Количество интернет-пользователей в России растет. Если в январе 2003 г. хотя бы иногда пользовались Интернетом около 8% россиян, то в сентябре 2010 г. таких было уже 43% (около 60 млн человек). Однако к регулярным пользователям — которые пользуются Интернетом «ежедневно / практически ежедневно» или «несколько раз в неделю» — сегодня можно отнести около трети населения страны (32% в сентябре 2010-го, см. табл. 1). Более консервативные оценки (когда социологи стараются отсеять тех, кто пользуется Интернетом только для отправки-получения электронной почты) снижают количество регулярных пользователей до 28% (приблизительно 40 млн

¹ Ашкинази Л., Гайнер М., Кузнецова А. Исследование общества посредством Интернета // Вестник общественного мнения. 2009. № 3(101). С. 34–43; Лапина-Кратасюк Е. Политика и медиареальность: формирование общественного мнения о последней кавказской войне // Там же. 2009. № 1(99). С. 65–71; Римский В. Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей // Там же. 2009. № 1(99). С. 86–96; Сидоренко А. Настоящее и будущее российского Интернета: существующее положение, региональная проекция, перспективы // Там же. 2010. № 3. С. 46–52.

² Костенко Н. Партия ноутбуков // Ведомости. 2010. № 166 (2684). 6 сентября.

³ Ortlung R. Russia: Main Report // Nations in Transit 2008. Democratization from Central Europe to Eurasia / Jeannette Goehring, ed. New York; Washington; Budapest: Freedom House, 2008. P. 483.

⁴ Сидоренко А. Указ соч. С. 51

⁵ Литвинович М. Человек лайкающий // <http://www.openspace.ru/media/net/details/20267>

⁶ Цитируемые источники приведены с одной только целью: указать на весьма распространенную точку зрения, от которой отталкивается автор. Обзор всего многообразия существующих источников мог бы служить темой отдельного исследования.

человек; август 2010 г.). «Ежедневно или практически ежедневно» в сентябре 2010 г. выходили в Сеть около 20% россиян (приблизительно 28 млн) — что в 2 раза меньше общего числа пользователей. (См. табл. 2) При этом больше 10 часов в неделю (т. е. в среднем свыше 1 часа в день) пользуются Интернетом около 18% россиян. Больше 2 часов в день (в среднем) в Сети проводят 5–6% населения, т. е. 7–8 млн человек.

Выделить группу тех, кто пользуется Интернетом регулярно и по несколько часов в день представляется целесообразным, потому что именно они имеют доступ ко всему многообразию ресурсов Сети (форумы, блоги, сети и пр.) Только у них Интернет может менять привычки и влиять на их образ жизни.

Таблица 1
ПОЛЬЗУЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ИНТЕРНЕТОМ И, ЕСЛИ ДА, ТО КАК ЧАСТО? (в % к числу опрошенных)

	Окт. 2008	Авг. 2009	Сент. 2010
Ежедневно/практически ежедневно	17	15	20
Несколько раз в неделю		9	12
Примерно раз в неделю	9	6	4
2–3 раза в месяц	3	3	3
Примерно 1 раз в месяц	2	2	2
Реже 1 раза в месяц	4	3	2
Никогда	66	62	57

* Здесь и далее, если не указано другое, приводятся данные репрезентативных всероссийских опросов, N=1600, погрешность +/-3,4%.

Кто эти люди? Российский интернет-пользователь это прежде всего молодой, образованный и состоятельный городской житель. Если среди респондентов в возрасте 18–24 лет в августе 2010 г. Интернетом пользовались 61%, то в группе 55 лет и старше — только 5%; среди

Таблица 2
ПОЛЬЗУЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ЛИЧНО ДОМА, НА РАБОТЕ, В ЛЮБЫХ ДРУГИХ МЕСТАХ СЕТЬЮ ИНТЕРНЕТ (КРОМЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ)? ЕСЛИ ДА, ТО КАК ЧАСТО? (в % к числу опрошенных)

	Янв. 2002	Янв. 2004	Янв. 2006	Янв. 2007	Янв. 2008	Авг. 2009	Авг. 2010
Ежедневно, несколько раз в неделю	3	3	7	7	12	18	28
Примерно 1 раз в неделю	1	2	3	6	6	6	3
2–3 раза в месяц	1	1	2	2	4	2	1
Примерно 1 раз в месяц	1	1	1	1	1	2	2
Реже 1 раза в месяц	1	1	2	2	2	1	2
Никогда не пользуясь	94	91	85	81	76	72	64

респондентов с высшим образованием — 65%, без высшего — 8%; среди жителей Москвы — 55%, жителей сельской местности — 15%; в высокодоходной группе (те, кто может без труда приобретать товары длительного пользования, такие как холодильник, телевизор и т. п.) в Интернет «ежедневно, несколько раз в неделю» выходили 60% респондентов, в группе с низким доходом («денег не хватает даже на продукты») — только 7%. Таким образом, самые молодые (18–24 лет) выходили в Сеть в 12 раз чаще, чем представители старшей возрастной группы. Люди с высшим образованием — в 8 раз чаще, чем те, у кого образование ниже среднего. Состоятельные граждане — в 8,6 раза чаще неимущих. Москвичи — в 3,6 раза чаще, чем сельские жители. С января 2008 г. эти разрывы заметно сократились — в 2, 1,7, 1,5 и 1,6 раза соответственно (см. табл. 4).

В Европе основными дифференцирующими факторами являются «возраст» и «образование» интернет-пользователя; в России к ним прибавляются еще два — «материальный статус» и «величина населенного пункта», в котором проживает пользователь, — признаки относительной бедности населения и незавершенной урбанизации, которые будут ограничивать рост числа интернет-пользователей. Московская молодежь практически догоняет своих сверстников из европейских стран по частоте пользования Интернетом, российская молодежь (18–24 года) в целом отстает на 3–4 года¹. Молодые москвичи — наиболее «подключенная» к Сети группа россиян (по регулярности выхода в Интернет и по количеству времени нахождения в Сети) и поэтому наиболее удобная для изучения социологом: 83% москвичей 15–29 лет пользуются Интернетом «ежедневно» или хотя бы «несколько раз в неделю» (среди самых молодых, 15–19 лет — 92%).

¹ Youth in Europe — a statistical portrait. // Eurostat statistical books, 2009. P. 141.

Таблица 3
ДИНАМИКА РЕГУЛЯРНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТОМ ПО ГРУППАМ (в % к числу опрошенных)

	Янв. 2008	Авг. 2009	Авг. 2010
Возраст			
18–24 лет	26	41	61
25–39 лет	19	29	43
40–54 лет	6	14	23
55 лет и старше	1	1	5
Уровень образования			
Высшее	27	38	65
Среднее	10	15	22
Ниже среднего	2	6	8
Потребительский статус			
Могут покупать товары длительного пользования	26	47	60
Хватает на продукты и одежду	13	23	32
Хватает на продукты	4	6	12
Не хватает на продукты	2	1	7
Тип поселения			
Москва	29	47	55
Крупные города	13	25	31
Средние города	14	21	36
Малые города	8	11	24
Село	5	5	15

Таблица 4
СООТНОШЕНИЕ ДОЛЕЙ АКТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА В ПОЛЯРНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУППАХ (молодые/пожилые, образованные/необразованные и т.д.)

	Янв. 2008	Авг. 2010
Возраст	26	12,2
Образование	13,5	8,1
Потребительский статус	13	8,6
Тип поселения	5,8	3,6

Можно себе представить, насколько ограничен потенциал роста числа пользователей Интернета уровнем благосостояния в России, если учесть, что люди с образованием ниже среднего и материально неблагополучные¹ (это группы, в которых число интернет-пользователей росло наименьшими темпами) составляют до трети взрослого населения страны, а доля молодежи (группа, в которой и происходит быстрый рост интернет-пользователей) в общей структуре населения страны невелика.

Интернет для чего? Российская интернет-аудитория занята во-первых, *общением* (пере-

¹ Совокупное число тех, кому денег «не хватает на продукты» или «хватает только на продукты».

писки по электронной почте – 52%, общение в социальных сетях – 42%, чатах, форумах и блогах – 21% и др.)², во-вторых, *поиском* необходимой информации (для личных нужд – 39%, для работы и учебы – 34%, ради интереса – 23%), в-третьих, *развлечением* (просмотр и скачивание фильмов – 34%, выкладывание фото, видео, музыки и пр. – 19% и др.). Читает и просматривает материалы новостных сайтов, сайтов газет, журналов, телеканалов около 26% респондентов, пользующихся интернетом.

Нацеленность на общение и развлечение еще больше прослеживается в опросе московской молодежи³. Приведем небольшой (и неполный) список интернет-активности этой группы:

- регулярное посещение социальных сетей (ежедневно, несколько раз в неделю) – 72% (у 15–19-летних – до 83%);
- просмотр и скачивание фильмов – около 60%;
- чтение блогов – около 30%;
- посещение сайтов телеканалов и радиостанций, газет, журналов, новостных порталов и интернет-изданий – около 28%;
- ведение собственного блога – 12–14%;
- участие во флеш-мобах за последние 12 месяцев – около 11% (по разным вопросам).

Отметим два момента. Во-первых, практически поголовное увлечение столичной молодежи социальными сетями. На первом месте по посещению в июле 2010 г. в Москве (среди респондентов 15–29 лет) оказалась сеть «В контакте» (75% по выборке и до 92% 15–19-летних), на втором – «Одноклассники» (34%), затем «Мой мир» (16%), Facebook (15%), Twitter (7%) и др. Половина респондентов (51%) посещает сети «ежедневно/ практически ежедневно», еще 21% «несколько раз в неделю». Охватывая практически всех, сети становятся фактором повседневного существования, одним из самых популярных занятий в Интернете. Эффект, который социальные сети могут оказывать на гражданскую активность современной молодежи, нуждается в отдельном рассмотрении. Особенно интересным представляется их роль как среды для формирования новых, автономных от власти гражданских инициатив и организаций. Во-вторых, чтение блогов и различных информационных порталов для рядового молодого интернет-пользователя имеет сравнительно небольшое значение.

² В пересчете на общее количество жителей страны цифры выглядят скромнее: 19, 15 и 7% соответственно.

³ Репрезентативный опрос молодежи Москвы в возрасте 15–29 лет, июль 2010 г., N=870.

Таблица 5

С КАКИМИ ЦЕЛЯМИ ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО ПОЛЬЗУЕТЕСЬ ИНТЕРНЕТОМ? (в % от пользующихся Интернетом в соответствующих совокупностях опрошенных)

В среднем по России*	В группе 8–24 лет*	Молодые москвичи**	
Принимаю и отправляю сообщения по электронной почте 52	Общаюсь в социальных сетях («Одноклассники», «В контакте» и пр.)	6 2	Принимаю и отправляю сообщения по электронной почте 66
Общаюсь в социальных сетях («Одноклассники», «В контакте» и пр.) 42	Принимаю и отправляю сообщения по электронной почте	61	Общаюсь в социальных сетях («Одноклассники», «В контакте» и пр.) 64
Ищу информацию для личных, семейных, бытовых дел 39	Смотрю, скачиваю фильмы, сериалы	56	Ищу информацию и навожу справки, необходимые для учебы/работы 6
Слушаю, скачиваю музыку 37	Слушаю, скачиваю музыку	54	Смотрю/скачиваю фильмы, сериалы 4
Ищу информацию и навожу справки, необходимые для учебы/работы 36	Ищу информацию и навожу справки, необходимые для учебы/работы	46	Смотрю/скачиваю фильмы, сериалы 61
Смотрю, скачиваю фильмы, сериалы 34	общаюсь в режиме "мгновенных сообщений" (например, ICQ)	39	Слушаю/скачиваю музыку 61
Ищу информацию и навожу справки, необходимые для работы 34	Общаюсь в чатах, на форумах, в блогах	38	Общаюсь в режиме «мгновенных сообщений» (например, ICQ) 53
Читаю/просматриваю материалы на сайтах телеканалов и радиостанций, газет, журналов, новостных порталов и интернет-изданий 26	Выкладываю фото, видео, музыку, тексты	38	Ищу информацию для личных, семейных, бытовых дел 46
Ищу информацию в энциклопедиях, словарях, справочных изданиях ради собственного интереса 23	Читаю/просматриваю материалы на сайтах телеканалов и радиостанций, газет, журналов, новостных порталов и интернет-изданий 35	35	Читаю/скачиваю книги, журналы 43
Общаюсь в чатах, на форумах, в блогах 21	Ищу информацию для личных, семейных, бытовых дел	33	Смотрю/скачиваю фотографии, изобразительные материалы 42
Общаюсь в режиме «мгновенных сообщений» (например, ICQ) 20	Смотрю, скачиваю фотографии, изобразительные материалы	31	Ищу информацию в энциклопедиях, словарях, справочных изданиях ради собственного интереса 40
Выкладываю фото, видео, музыку, тексты 19	Играю в онлайн-игры	29	Выкладываю фото, видео, музыку, тексты 38
Общаюсь в режиме голосового общения / видеообщения (напр., по «скайпу») 17	Общаюсь в режиме голосового общения / видеообщения (напр., по «скайпу»)	28	Общаюсь в режиме голосового/ видео общения (например, по «скайпу») 36
Смотрю, скачиваю фотографии, изобразительные материалы 15	Ищу информацию и навожу справки, необходимые для работы	27	Общаюсь в чатах, на форумах, в блогах 31
Играю в онлайн-игры 15	Ищу информацию в энциклопедиях, словарях, справочных изданиях ради собственного интереса	24	Читаю/просматриваю материалы на сайтах телеканалов и радиостанций, газет, журналов, новостных порталов и интернет-изданий 28
Получаю информацию о деятельности государственных органов/учреждений на официальных сайтах 14	Скачиваю программное обеспечение	19	Делаю заказы через Интернет (товары, билеты, гостиницы и т.п.) 27

*Всероссийский опрос 2010 г., август N=1600.

**Опрос московской молодежи 15-29 лет 2010 г., июнь, N=847.

Чем моложе респондент (городской житель), тем интенсивнее он пользуется Интернетом (использует наибольшее количество доступных сервисов), но тем скорее он заходит в Сеть прежде всего для общения и развлечений, самостоятельного поиска информации (не новостей!) согласно своим вкусам и представлениям. И тем ниже в иерархии его запросов сознательное посещение информационных сайтов, которые бы рисовали ему картину происходящего. Поэтому факт, что 64% молодых москвичей узнают о происходящем из Интернета, похоже, является скорее побочным продуктом долгого «зависания» в Сети, а не результатом сознательного регулярного обращения к интернет-изданиям. Кругозор пользователя оказывается ограничен, во-первых, теми разрозненными обрывками информации, что случайно попадают на глаза при посещении разных (в основном развлекательных) интернет-ресурсов. Это короткие сообщения о происходящем, с минимальным анализом. Второе ограничение – собственный интерес (в круг которого, скорее всего, не войдут аналитические материалы по истории и политике). Третье – рекомендации друзей, что означает вполне определенный, заданный круг тем.

Редкость обращения к сайтам профессиональных изданий и газет даже в столице означает, что Интернет в России для большинства тех, кто им пользуется, не задает комплексной картины происходящего, это отдельные кусочки мозаики, которые человеку самостоятельно нужно сложить в общую картину. Часто эта картина так и остается несобранной. Помочь в этом (онлайн) могли бы профессиональные СМИ, так как они размечают картину происходящего, подбирают, оценивают и дают анализ событий. Но это как раз наименее посещаемые ресурсы российской Сети. Новости ТВ, по контрасту, задают общий горизонт происходящего, события там уже особым образом подобраны, структурированы и прокомментированы, никаких усилий по поиску, подбору, оценке событий делать не нужно.

С возрастом интерес к политике, к происходящему в стране и мире и к новостным программам постепенно увеличивается (москвичи 25–29 лет интересуются политикой, смотрят новости по телевизору почти в 2 раза чаще тех, кому еще 15–19 лет). Поэтому можно предположить, что по мере взросления сегодняшней молодежи, приобретения ими новых интересов и при сохранении привычки активно пользоваться Сетью, значение новостных интернет-ресурсов будет расти, а зависимость

от теленовостей снижаться. Но вопрос, способны ли новости Интернета конкурировать с телевизионными в формировании картины происходящего, остается открытым. Взрослеющее интернет-/поколение, согласно опросам общественного мнения, оказывается как раз наименее критично в отношении политической ситуации в стране, оценки положения дел – рейтинги первых лиц и правительства в этой среде выше, чем в целом по выборке. Кроме того, в масштабах всей страны активные интернет-пользователи все еще мало заметны.

Интернет и информационные горизонты российского населения. Основную функцию информирования о происходящем в стране и мире для подавляющего числа россиян сегодня выполняет телевидение. Ежедневно смотрят телевизор до 84% населения (август 2010-го), слушают радио 44%, читают газеты – 11%, интернет-издания – только 5% (См. табл. 6). Зависимость от телевидения как источника новостей еще более сильна. 94% россиян узнают о последних событиях по ТВ. (См. табл. 8) И это программы первых трех федеральных телеканалов (контролируемые государством, мало отличимые друг от друга, но пользующиеся доверием публики): Первый канал, «Россия» и НТВ. (См. табл. 10). 41% узнает о новостях по радио, 37% обращаются за такой информацией к газетам (прежде всего, к местным, региональным изданиям; общенациональных газет в стране практически не существует) и только 9% – время от времени читают профессиональные издания и сайты газет в Интернете.

Даже для российской молодежи (18–24 года), четверть которой (26%) использует Интернет для этих целей, его можно назвать лишь дополнительным источником информации. Основным для подавляющего большинства из них (90%) остаются телевизионные новостные передачи. Сохранение роли телеканалов как главного источника информации позволяет предположить, что уход молодых людей от телеэкранов, который фиксирует Левада-Центр¹, в первую очередь связан с изменением их досуговых пристрастий. Молодые люди (прежде всего юноши) – пионеры в просмотре фильмов и прослушивании музыки онлайн, закачивании медиафайлов на свой компьютер. В августе 2010-го каждый пятый россиянин загрузил из Сети хотя бы один фильм в течение последних шести месяцев. Среди молодых людей 18–24 лет таких было около половины

¹ Дубин Б. Медиа: Телевидение для пожилых // Ведомости. 2009. № 168 (2438). 8 сентября.

(53%), причем почти пятая часть (18%) скачала более 15 фильмов. (См. табл. 11) Свободный доступ к любым фильмам, книгам, музыке в Интернете затрудняет любые усилия государства по защите морали и нравственности, ограничивая маневры на идеологическом поле¹. Однако, уходя с ТВ за более легкими и доступными развлечениями в Сеть, российская молодежь возвращается к телеэкрану за свежими новостями.

Иная ситуация наблюдается среди молодых москвичей. Здесь Интернет как источник информации почти догоняет телевидение (64 против 74%), доверие к интернет-изданиям даже больше, чем к телевидению (33 против 22%, см. табл. 9). Но, несмотря на то, что содержанием телеэфира удовлетворены 29% (не удовлетворены 58%), половина молодых москвичей продолжает смотреть телевизионные новостные программы, и лишь четверть целенаправленно просматривает материалы на сайтах телеканалов и радиостанций, газет, журналов, новостных порталов. 70% этих респондентов скорее

отказались бы от телевизора, чем Интернета. Противоположного мнения придерживается 21% опрошенных. (Возможно, это можно интерпретировать как отказ от новостей в пользу развлечений).

В реальности телевидение никуда не исчезает, два канала получения информации сосуществуют друг с другом. Даже в этой молодежной среде «уверенных интернет-пользователей» столицы у телевидения остаются сильные позиции, особенно по части создания картины происходящего, но это уже не монополия.

Результаты московского исследования можно распространять лишь на малочисленную группу тех, кто пользуется Интернетом регулярно и по нескольку часов в день. Напомним, что в масштабах страны она ограничена несколькими миллионами человек, преимущественно молодых, благополучных и проживающих в крупных российских городах. Для остального населения ведущая роль телевидения остается внеконкурентной и неоспоримой.

Таблица 6
КАК ЧАСТО ВЫ... (в % от всех опрошенных)

Вариант ответа	Смотрите телевизор?	Слушаете радио?	Читаете газеты?	Читаете журналы?	Читаете интернет-издания?
Ежедневно/ почти ежедневно	84	44	11	5	5
2–3 раза в неделю	10	19	23	12	6
1 раз в неделю	2	5	26	14	5
1–3 раза в месяц	1	3	9	11	4
Реже чем 1 раз в месяц	0	4	8	11	4
Практически никогда/никогда	1	24	22	46	73
Затрудняюсь ответить	2	1	1	1	3

2010 г., август.

Таблица 7
КАК ЧАСТО ВЫ... (в % в группе 18–24 года)

Вариант ответа	Смотрите телевизор?	Слушаете радио?	Читаете газеты?	Читаете журналы?	Читаете интернет-издания?
Ежедневно/ почти ежедневно	72	35	10	9	15
2–3 раза в неделю	17	24	14	12	11
1 раз в неделю	2	6	26	22	11
1–3 раза в месяц	3	3	9	14	9
Реже чем 1 раз в месяц	1	11	8	12	3
Практически никогда/никогда	4	21	31	30	45
Затрудняюсь ответить	2	1	2	2	7

2010 г., август.

¹ См. о таких попытках, например: Сергей Миронов разработал законопроект об общественном совете на телевидении // Независимая газета. 2008. 23 сентября; Мошкин М. Миронов предложил цензуру для ТВ // Цит.изд. 2006. 26 октября.

Таблица 8

РАЗЛИЧНЫЕ МЕДИА КАК ИСТОЧНИК НОВОСТЕЙ В СТРАНЕ И МИРЕ (в % к числу опрошенных в соответствующей группе)

	«Откуда вы чаще узнаете о новостях в стране и в мире?»		«Какие из этих источников вызывают у вас наибольшее доверие?»		«К какому из этих средств массовой информации вы прежде всего обратитесь, если захотите узнать подробности о заинтересовавшей вас чрезвычайной новости?»	
	В среднем	18–24 года	В среднем	18–24 года	В среднем	18–24 года
Телевидение	94	90	79	77	74	64
Радио	41	37	23	14	5	1
Газеты	37	26	16	8	4	5
Журналы	8	11	1	3	<1	<1
Друзья, родные, соседи	26	28	9	12	4	4
Интернет-издания (газеты, журналы, информ. порталы)	9	26	7	19	6	14
Другие источники Интернета	6	11	4	8	2	7
Другое	<1	<1	<1	<1	<1	<1
Затрудняюсь ответить	<1	<1	3	5	6	6
Не интересуюсь этим / Ни один не вызывает доверия	<1	<1	6	2		

2009 г., август.

Таблица 9

РАЗЛИЧНЫЕ МЕДИА КАК ИСТОЧНИКИ НОВОСТЕЙ В СТРАНЕ И МИРЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ МОСКВИЧЕЙ (в % к числу опрошенных)

«Откуда вы чаще узнаете о новостях в стране и в мире?»	«Каким источникам информации вы более всего доверяете в освещении новостей в стране и в мире?»
Телевидение	Телевидение 22
Радио	Радио 6
Газеты	Газеты 13
Журналы	Журналы 4
Друзья, родные, соседи	Друзья, родные, соседи 16
Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы)	Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы) 33
Другие источники Интернета	Другие источники Интернета 22
Другое	Другое 3
Затрудняюсь ответить	Никому не доверяю 19
	Не интересуюсь этим 1
	Затрудняюсь ответить 4

2010 г. июль. Репрезентативный опрос московской молодежи в возрасте 15–29 лет, N=870 человек, погрешность +/-5,2%.

Таблица 10

СМОТРИТЕ ЛИ ВЫ НОВОСТИ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ И, ЕСЛИ ДА, ТО НОВОСТИ КАКИХ КАНАЛОВ ВЫ СМОТРИТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО?* (в % к числу опрошенных в соответствующей группе)

	В среднем	18–24 года	Высшее	Москва и Санкт-Петербург	«Можем приобрести товары длительного пользования»
Первый канал	78	79	79	66	72
«Россия»	68	58	73	69	66
НТВ	54	56	59	64	52
«Культура»	12	10	19	20	11
5-й канал (Санкт-Петербург)	10	9	10	16	11
ТВЦ	10	8	9	16	9
Другие федеральные телеканалы	12	16	14	11	15
Региональные/местные телеканалы (включая кабельные)	15	13	15	7	17
Euronews	4	6	8	15	8
Другие зарубежные (международные) каналы	1	<1	1	3	2
Не смотрю новости по телевизору	3	4	3	7	5

2009, август.

Таблица 11

СКАЧИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ФИЛЬМЫ ИЗ ИНТЕРНЕТА И, ЕСЛИ ДА, СКОЛЬКО ПРИМЕРНО ФИЛЬМОВ ВЫ СКАЧАЛИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ? (в % к числу опрошенных)

	Всего по стране	18–24 года
1–2 фильма	6	15
3–5 фильмов	5	12
6–10 фильмов	3	5
11–15 фильмов	2	3
Больше 15 фильмов	5	18
Ни одного / Не скачиваю фильмы из Интернета	76	44
Затрудняюсь ответить	3	3

2010, август.

Таблица 12

ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ? (в % к числу опрошенных соответствующей группе)

	В среднем	18–24 года	Высшее	Москва и Санкт-Петербург	«Можем приобрести товары длительного пользования»	Молодые москвичи*
Телевидение	94	90	96	90	93	74
Радио	41	37	45	40	40	24
Газеты	37	26	46	30	41	36
Журналы	8	11	12	13	14	17
Друзья, родные, соседи	26	28	25	10	28	38
Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы)	9	26	21	23	24	64
Другие источники Интернета	6	11	11	11	15	38
Другое	<1	<1	<1	<1	<1	4
Затрудняюсь ответить	<1	<1	<1	<1	<1	<1
Не интересуюсь этим	<1	<1	1	<1	<1	2

2009, август. Всероссийский репрезентативный опрос, выборка 1600 человек, 18 лет и старше, погрешность 3,4%.

* Данные московского репрезентативного опроса московской молодежи в возрасте 15–29 лет, погрешность +/-5,2%. N=870/

Интернет и свобода слова (на примере конкретных событий). За 2000-е гг. содержание телеканалов, перешедших под государственную опеку, изменилось. Исчезли политические дебаты, выродившись в имитацию дискуссии, в шоу, смысл которых не в отстаивании мнений различных сторон, а в демонстративной перепалке, взаимных оскорблениях, крике и шуме. Исчезли передачи прямого эфира. Многие лидеры «несистемных» оппозиционных движений оказались вытеснены из эфира (где закрепились «Единая Россия» и официальная повестка дня) в виртуальное пространство. Вероятно, отсутствие публичной политики и цензура на телевидении во многом и определили политизированный характер российского Интернета¹.

Те, кто имеет постоянный доступ в Интернет (а их, напомним, немного), могут не только отслеживать любые события, но и свободно высказаться по любому поводу, снимать свое напряжение, высмеивать политиков (вспоминается, например, ролик о Владимире Путине и нескольких желтых автомобилях Lada Kalina), виртуально участвовать в акциях протеста, для чего даже не нужно выходить на улицу. Время от времени блогеры и другие интернет-пользователи могут показать себя «следователями», выискивая и вскрывая коррупционные схемы. О скандалах с сайтом госзакупок, подделках фотоотчетов активистов движения «Наши», якобы участвовавших в тушении летних пожаров, и феномене Алексея Навального сказано и написано много. Блогосфера и форумы могут генерировать и раскручивать новости. «Яндекс блогги» позволяют отслеживать наиболее горячие дискуссии, однако оценка темы, ее толкование и связывание между собой различных возрастных, политических, географических и других аудиторий, а значит, и наделение общезначимостью — задача профессиональных СМИ. Существование специализированных информационных и аналитических ресурсов Сети, блогов-тысячников вроде бы должно решать эту задачу. Однако опросы общественного мнения показывают, что хорошо «раскрученные» в Интернете темы, если они не выходят за его пределы, пусть даже подхватываются от-

¹ Либеральная «инфраструктура» Сети (аналитические издания, интернет-сайты оппозиционных партий и движений, личные блоги их лидеров, сайты политических проектов оппозиции и др.) кажется богаче, чем «официальная». На этом фоне недавнее появление личного журнала президента, увлечение Медведева твиттером, появление статьи «Россия, вперед!» именно в Интернете кажется запоздалой попыткой власти заполнить образовавшийся вакуум.

дельными газетами и радиостанциями, остаются практически неизвестны большинству россиян (см. табл. 13).

Это сюжеты, связанные с коррупцией и превышением полномочий высшими чиновниками, работой репрессивного государственного аппарата, действиями оппозиционных движений и т. д. Это и телефонный разговор генерала Шаманова, в котором он направил спецназ на завод своего зятя Алексея Храмушина, и травля молодежным проправительственным движением «Наши» журналиста Подрабиника (скандал с «Антисоветской» шашлычной), и суд над организаторами художественной выставки «Запретное искусство» Юрием Самодуровым и Андреем Ерофеевым, и гибель Сергея Магнитского в больнице следственного изолятора в ноябре 2009 г., и некоторые другие события. По поводу этих тем гудела блогосфера, о них сообщали несколько независимых газет, но эти происшествия не появились или были упомянуты лишь вскользь на ведущих государственных телеканалах.

Подавляющее большинство россиян ничего не слышали о разговорах Шаманова (77%), о конфликте «Наших» и Подрабиника (85%), о суде над Самодуровым и Ерофеевым (79%), гибели Магнитского (71%). Оказались хорошо информированными о происходящем 8, 3, 2 и 7% соответственно. Для сравнения, о конфликте Кристины Орбакайте и Марата Байсарова из-за сына осенью 2009 г. ничего не слышали только 11%, напротив, 61% оказались хорошо знакомы со случившимся (см. табл. 13).

В этом ряду выделяются два недавних события: протесты вокруг вырубки Химкинского леса и ДТП в Москве на Ленинском проспекте с участием автомобиля вице-президента ЛУКОЙЛа Анатолия Баркова: 33 и 39% оказались хорошо информированы, не слышали об этом около трети населения (по 33%). Но и здесь Интернет если и помог, то только отчасти — 83% россиян узнали об аварии на Ленинском из телевизионных новостей. Впрочем, и в остальных описываемых случаях главным источником информации было именно телевидение. Также по ТВ население узнало о гибели Магнитского (71% тех, кто что-либо слышал), разговорах Шаманова (61%) и статье Медведева «Россия, вперед!» (64%). Интернет был главным источником информации для 7, 6 и 10% соответственно. Но для подавляющего большинства россиян (71, 78 и 80%) эти события остались незамеченными, не существовали. (см. табл. 14)

Интересно, каким образом получилось, что к освещению протестов в Химках и ДТП на Ленинском подключились федеральные телеканалы. Во всех описываемых случаях (даже когда речь шла об интернет-событиях, таких как «Россия, вперед!» или видеообращении Дымовского) роль телеканалов по оповещению граждан была ключевой. Именно российское телевидение делает сегодня тему сколько-нибудь значимой в масштабах страны. Событие или

обсуждение какой-то темы может зародиться в Интернете, проходить отбор, оценку и анализ в профессиональных СМИ (интернет-издания, газеты и радио), но если оно не попадает на телеэкраны, то по-прежнему не существует для подавляющего большинства российского населения. Свободный Интернет упирается в проблему отсутствия свободы слова на российском телевидении.

Таблица 13

СТЕПЕНЬ ИНФОРМИРОВАННОСТИ ГРАЖДАН О РАЗЛИЧНЫХ СОБЫТИЯХ 2009-2010 ГОДОВ*. (в % к числу опрошенных)

	Конфликт Орбакайте-Байсарова ⁸	Телефонный разговор генерала Шаманова ¹	Конфликт «Наших» и журналиста Подрабиника ²	Расширение полномочий ФСБ ³	Суд над организаторами выставки «Запретное искусство» ⁴	Гибель Магнитского ⁵	Вырубка Химкинского леса ⁶	ДТП на Ленинском проспекте в Москве ⁷
	Сент. 2009	Сент. 2009	Окт. 2009	Июнь 2010	Июнь 2010	Сент. 2010	Сент. 2010	Нояб. 2010
Хорошо информированы	61	8	3	3	2	7	33	39
Что-то слышали...	28	15	12	27	19	22	34	28
Не слышали	11	77	85	67	79	71	33	33

* Полные формулировки вопросов:

- 1 Слышали ли Вы о распечатке телефонных разговоров генерала Шаманова, согласно которой он направил спецназ ВДВ для того, чтобы «блокировать» на заводе, принадлежащем его зятю, следователей генеральной прокуратуры?
- 2 Слышали ли Вы о конфликте, в который оказались вовлечены журналист и правозащитник Александр Подрабинек, движение «Наши», общественный совет по правам человека, депутаты Государственной думы и другие лица?
- 3 Слышали ли Вы о готовящемся сейчас в Государственной думе законе, расширяющем полномочия ФСБ?
- 4 Слышали ли Вы о суде, который идет сейчас в Москве над организаторами выставки «Запретное искусство», вызвавшей протесты религиозной общественности?
- 5 Слышали ли Вы о гибели в московском следственном изоляторе (СИЗО) в прошлом году 37-летнего Сергея Магнитского и, если слышали, то насколько внимательно Вы следите за «делом Магнитского»?
- 6 Слышали ли Вы о проблеме «Химкинского леса» (прокладке платной скоростной трассы «Москва—Санкт-Петербург» через один из близлежащих к Москве лесных массивов, против чего протестуют экологи и жители города-спутника Москвы Химок)?
- 7 Слышали ли Вы о произошедшей в феврале этого года аварии на Ленинском проспекте в Москве?
- 8 Слышали ли Вы о конфликте между певицей Кристиной Орбакайте и бизнесменом Русланом Байсаровым по поводу того, с кем должен жить их сын?

Таблица 14

ОТКУДА УЗНАЛИ О СОБЫТИЯХ 2009–2010 гг. (в % от числа тех, кто знает)

	Конфликт Орбакайте– Байсаров	Статья Медведева «Россия, вперед!»	Телефонный раз- говор генерала Шаманова	Конфликт «Наших» и журналиста Под- рабиника	Гибель Магнитского	ДТП на Ленинском проспекте в Москве
По телевидению	85	64	61	55	71	83
По радио	2	4	12	13	3	2
Из газет/журналов	4	6	7	12	7	2
В Интернете	3	10	6	8	7	5
От знакомых, друзей, сотрудников	5	11	9	5	4	4
Другое	<1	2	1	<1	2	1
Затрудняюсь ответить	1	3	5	7	7	3
Не слышали о событии	11	80	78	85	71	33

Таблица 15

КАКИМ ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ В ОСВЕЩЕНИИ ПОДОБНЫХ СЛУЧАЕВ? (в % к числу опрошенных)

	Конфликт Орбакайте– Байсарова	Телефонный раз- говор генерала Шаманова	Конфликт «Наших» и журналиста Под- рабиника *	Вырубка Химкинско- го леса	Гибель Магнитского
	Сент. 2009	Сент. 2009	Окт. 2009	Сент. 2010	Нояб. 2010
Центральное телевидение (Первый канал, Россия, ТВЦ, НТВ и др.)	81	70	60	74	71
Центральные газеты («Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Российская газета», «Аргументы и факты», «Известия», «Коммерсантъ» и др.)	17	19	19	5	8
Центральное радио («Маяк», «Радио России», «Эхо Москвы» и др.)	11	10	20	5	6
Интернет-издания (новостные сайты Lenta.ru, Ytro.ru, Gazeta.ru)	7	6	8	10	9
Областное телевидение	6	5	10	2	3
Близкие, знакомые мне людьми	6	5	7	2	3
Городское телевидение	5	4	7	13	14
Городские газеты	2	4	2	3	4
Областные газеты	3	3	2	4	7
Общение в Интернете (через почту, рассылки, форумы, чаты, блоги и др.)	2	2	3	7	11
Областное радио	2	1	2	8	10
Городское радио	1	1	5	4	5
Другое	0	1	1	0	2
Никому не доверяю	7	8	12	9	11
Не интересуюсь подобными событиями / затрудняюсь ответить	6	12	7	6	5

* Ответы тех, кто слышал о событии.

Таблица 16

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ (в % к числу опрошенных)

	Послание Медведева Федеральному собранию	Статья Медведева «Россия, вперед!»	Видеообращение майора Дымовского
	Нояб. 2009	Сент. 2009	Нояб. 2009
Смотрели/читали текст	30	3	11
Знают о чем послание/статья/выступление, но сами не читали/ не смотрели	6	11	6
Слышали, но не знают, о чем послание/ статья/выступление	25	7	20
Впервые слышите об этом	39	80	64

*Полные формулировки вопросов:

Знаете ли Вы что-нибудь об оглашенном 12 ноября 2009 г. послании Дмитрия Медведева Федеральному собранию России?

Знаете ли Вы что-нибудь о статье Дмитрия Медведева «Россия, вперед!», опубликованной 10 сентября 2009 г. в Интернете?

Видели ли Вы видеообращение майора милиции Дымовского к премьер-министру Путину, в котором он говорил о негативных явлениях в российской милиции?

II. Рекрутирование сторонников политических партий в Интернете¹. Прежде всего отметим два момента. Во-первых, ниже речь пойдет о политических симпатиях молодых москвичей, а не голосовании за ту или иную партию². Во-вторых, значительная часть участников исследования (38%) не имеют политических симпатий и это самая многочисленная группа. Симпатизируют «Единой России» 33% респондентов, ЛДПР – 24%, КПРФ – 13%, «Яблоку» – 12%, «Справедливой России» – 11%. Симпатии другим партиям и движениям оказались меньше статистической погрешности.

Как уже было сказано, в среднем по выборке молодые москвичи чаще всего узнают о событиях в стране и мире по телевидению (72%) и из интернет-изданий и информационных порталов (66%), при этом Интернету доверяют больше, чем телеканалам (33 и 22% соответственно). Тем не менее телевидение является главным источником информации для всех респондентов, за исключением тех, которые не имеют политических симпатий (в этом случае ТВ уступает

место интернет-изданиям).

Ориентируются на новостные передачи телеканалов и одновременно доверяют телевидению прежде всего сторонники «Единой России» (82 и 35%), КПРФ (83 и 21%), «Справедливой России» (77 и 25%) и ЛДПР (75 и 22%). Большинство сторонников «Яблока» смотрят телевидение (75%, для сравнения, читают интернет-издания среди них 45%), но не доверяют ему (только 11%). Информационную стратегию молодого московского «яблочника» можно было бы описать словами: «Телевидению не доверяю, но новостные передачи смотрю; доверяю Интернету, но не читаю интернет-изданий». В чем-то похожие установки разделяют респонденты, симпатизирующие коммунистам. Среди них 83% смотрят новости по ТВ, читают интернет-издания 42%. Однако «коммунисты» одинаково доверяют телевидению и Интернету (21 и 19%), главным авторитетом для них является мнение друзей и коллег (по партии?) – 30% (см. табл. 17).

Наибольший разрыв между доверием телевидению и Интернету наблюдается у тех респондентов, которые не симпатизируют никаким политическим партиям и движениям. Из них доверяют Интернету 38% (это наибольший показатель в сравнении с другими группами), телевидению – только 11%. Именно эта группа демонстрирует наименьшую зависимость от телевидения. При этом четверть этих респондентов (24%) не доверяет ни одному коммуникационному каналу. Напротив, наибольшее доверие новостным передачам телеканалов (38%)

¹ Эта часть статьи основана на опросе московской молодежи в возрасте 15–29 лет, проведенного в июле 2010 г. N=870 человек.

² Использованы закрытые вопросы: «Каким политическим партиям, движениям, организациям Вы симпатизируете?», «Откуда Вы чаще всего узнаете о новостях в стране и в мире?» и «Каким источникам информации Вы более всего доверяете в освещении новостей в стране и в мире?». Для анализа выбраны 5 наиболее часто упоминавшихся партий («Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Яблоко», «Справедливая Россия») и 6-я группа респондентов, не доверяющих ни одной партии или движению. Приведены 6 наиболее часто упоминавшихся каналов получения информации (телевидение, интернет-издания, газеты, радио, журналы и друзья, родные и соседи) и группа респондентов, которые не доверяют ни одному из указанных каналов.

Таблица 17

КОММУНИКАЦИОННЫЕ КАНАЛЫ СТОРОННИКОВ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ОБРАЩЕНИЕ И ДОВЕРИЕ (в % от числа опрошенных в соответствующей группе, ответы ранжированы)

В среднем		«Единая Россия»		ЛДПР		КПРФ	
Число опрошенных	870	Число опрошенных	290	Число опрошенных	205	Число опрошенных	114
ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ?							
Телевидение	72	Телевидение	82	Телевидение	75	Телевидение	83
Интернет-издания	66	Интернет-издания	59	Интернет-издания	58	Газеты	66
Друзья, родные, соседи	37	Газеты	40	Газеты	50	Радио	59
Газеты	35	Друзья, родные, соседи	40	Друзья, родные, соседи	41	Друзья, родные, соседи	47
Радио	23	Радио	29	Радио	39	Журналы	46
Журналы	16	Журналы	19	Журналы	28	Интернет-издания	42
КАКИМ ИСТОЧНИКОМ ИНФОРМАЦИИ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ В ОСВЕЩЕНИИ НОВОСТЕЙ В СТРАНЕ И В МИРЕ?							
Интернет-издания	33	Телевидение	35	Интернет-издания	26	Друзья, родные, соседи	30
Телевидение	21	Интернет-издания	26	Телевидение	22	Телевидение	21
Никому не доверяю	20	Друзья, родные, соседи	17	Друзья, родные, соседи	20	Интернет-издания	19
Друзья, родные, соседи	15	Газеты	16	Газеты	17	Газеты	18
Газеты	12	Никому не доверяю	14	Никому не доверяю	15	Журналы	15
Радио	6	Радио	7	Журналы	10	Радио	12
Журналы	4	Журналы	7	Радио	9	Никому не доверяю	8
В среднем		«Яблоко»		«Справедливая Россия»		Нет таких	
Число опрошенных	870	Число опрошенных	101	Число опрошенных	91	Число опрошенных	329
ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ?							
Телевидение	72	Телевидение	75	Телевидение	77	Интернет-издания	74
Интернет-издания	66	Газеты	65	Газеты	56	Телевидение	63
Друзья, родные, соседи	37	Радио	58	Интернет-издания	55	Друзья, родные, соседи	37
Газеты	35	Друзья, родные, соседи	55	Друзья, родные, соседи	48	Газеты	26
Радио	23	Журналы	50	Радио	46	Радио	16
Журналы	16	Интернет-издания	45	Журналы	33	Журналы	12
КАКИМ ИСТОЧНИКОМ ИНФОРМАЦИИ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ В ОСВЕЩЕНИИ НОВОСТЕЙ В СТРАНЕ И В МИРЕ?							
Интернет-издания	33	Друзья, родные, соседи	33	Телевидение	25	Интернет-издания	38
Телевидение	21	Интернет-издания	22	Интернет-издания	25	Никому не доверяю	24
Никому не доверяю	20	Газеты	21	Друзья, родные, соседи	24	Друзья, родные, соседи	13
Друзья, родные, соседи	15	Журналы	18	Журналы	15	Телевидение	11
Газеты	12	Радио	13	Никому не доверяю	12	Газеты	9
Радио	6	Телевидение	11	Газеты	10	Радио	4
Журналы	4	Никому не доверяю	7	Радио	9	Журналы	2

демонстрируют симпатизанты партии власти¹.

Наибольшая приверженность Интернету оборачивается незаинтересованностью в происходящих политических процессах, неучастии-

¹ Кроме всего прочего, это означает, что вопрос о доверии различным СМИ сильнее дифференцирует аудиторию, чем вопрос о частоте использования различных каналов для получения информации.

ем в политической жизни «офлайн». Может быть, все силы тратятся на общение в форумах и блогах, но скорее эти вопросы просто не входят в круг интересов молодых людей.

Рассмотрим данные под другим углом. Различаются ли как-то политические пристрастия респондентов в зависимости от того, доверяют

ли они как источнику новостей о происходящем в стране и мире телевидению или Интернету? Видно, что большая часть молодых москвичей, доверяющих Интернету как источнику информации (43%), не симпатизирует ни одной политической партии. Среди выбирающих телевидение таких меньше в 2 раза (21%).

Итак, прослеживается связь между доверием Интернету как источнику информации (в сравнении с телевидением) и политическими предпочтениями респондентов. Респонденты, доверяющие в освещении новостей телевидению, в 2 раза чаще симпатизируют «Единой России», чем респонденты, доверяющие интернет-изданиям (56 против 26%). В отношении партий «системной оппозиции» разрыв сохраняется, но не выглядит столь внушительным. Партии и движения, вытесненные из телевизионного пространства, не могут рекрутировать сторонников среди молодых москвичей и в Интернете: в случае «Яблока» соотношение выглядит как 6 к 8%, НБП – 1 и 1%, ДПНИ – 2 и 4%, «Солидарность» – менее 1 и 2%, «Другая Россия» – менее 1 и 1%.

Непопулярность этих движений нельзя отнести на счет политической цензуры. Московская молодежь хорошо осведомлена о политических акциях оппозиции, иногда даже лучше чем о мероприятиях провластного движения «Наши». Так, «Марши несогласных» оказались известны половине респондентов (51% в сред-

нем по выборке и 56% доверяющих Интернету), акции «Стратегии 31» – 15 и 22%, «Русские марши» – 31 и 30% соответственно. Однако известность не гарантирует ни симпатий населения, ни готовности участвовать в публичных акциях. Для поддержки населением важно, насколько интересны для публики идеи, предложения, ценности, которые защищают политики.

Поддержать эти движения и тем более принять участие в их акциях готовы лишь немногие молодые москвичи. Притом что о «Маршах несогласных» известно половине опрошенных молодых жителей столицы, одобряют эту инициативу лишь 13%, готовы принять участие 6% осведомленных об их существовании. К участникам «Стратегии 31» присоединились бы 4%, выйти на «Русский марш» готовы 3%, на «День гнева» – 1%. Аудитория Интернета отличается от телевизионной тем, что демонстрирует больший уровень информированности о различных политических акциях (которые не попадают на экраны), но отнюдь не готовность «выйти на улицу». Интернет обеспечивает свободный доступ к информации о политиках, их словах и поступках, но не симпатии респондентов.

Сторонники несистемной оппозиции вытеснены в Интернет и вынужденно отдают предпочтение этому коммуникационному каналу перед телевидением. Это объясняет, почему на отдельных сетевых ресурсах у своей аудитории, «в кругу своих» оппозиционные политики

Таблица 18

ДОВЕРИЕ К ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ И ПАРТИЙНЫЕ ПРИСТРАСТЯ (в % к группам по столбцу)

	В среднем	ТВ*	Интернет-издания*
Число опрошенных	870	180	288
«Единая Россия»	33	56	26
ЛДПР	24	24	18
Коммунистическая партия (КПРФ)	13	13	8
«Яблоко»	12	6	8
«Справедливая Россия»	11	13	8
«Правое дело»	6	4	2
«Патриоты России»	3	1	2
Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ)	3	2	4
«Солидарность»	2	<1	2
«Народный союз»	1	1	<1
Национал-большевистская партия (НБП)	1	1	1
«Другая Россия»	1	<1	1
Другая	1	<1	<1
Нет таких	38	21	43
Затрудняюсь ответить	6	7	7

* В таблицах 19–21 приводится распределение ответов на вопросы тех, кто больше всего доверяют ТВ; больше всего доверяют интернет-изданиям

побеждают действующих¹. Для большинства же интернет-пользователей оппозиционные движения хорошо известны, но не привлекательны, неинтересны. Более того, как раз самые информированные респонденты одновременно оказываются самыми равнодушными к деятельности каких-либо партий.

Проблема оппозиции, таким образом, не только в неспособности предложить привлекательную идею, заинтересовать своих потенциальных сторонников, но и в том, что «блогволны», «тви-репортажи» и «перепосты» создают видимость активной деятельности, массового участия и тем лишь затрудняют оппозиционерам возможность оценить реальный (микроскопический) результат такой активности.

Завоевать симпатии и поддержку интернет-пользователей возможно. Феномен «Общества синих ведерок»², движения по борьбе с мигалками на дорогах, которое весной 2010 г. начало раскручиваться в Интернете и затем перекинулось в «офлайн», — пример успешного рекрутирования сторонников среди столичной молодежи. Но и здесь активисты не ограничились только интернет-активностью, но действовали при поддержке традиционных СМИ: радио и газет (которые подхватили тему и способствовали ее распространению в различных аудиториях). Через три месяца после возникновения об инициативе знали 43% московской молодежи. Среди информированных 27% одобряли ее и еще 17% при случае были готовы принять участие в акциях движения. Что определило столь быстрый успех: игровой характер акций, ориентированность на конкретную, понятную социальную проблему (злоупотребление проблесковыми маячками на машинах и общий производ статусных водителей на московских дорогах), умелое использование блогов и социальных сетей для рекрутирования сторонников — достойно пристального внимания.

Для того чтобы «Интернет стал площадкой для рождения новых политических лидеров»³, потребуются, во-первых, новые идеи. Во-вторых, необходима возможность их перехода из Сети на телевидение (что практически невозможно при сохранении властной монополии на содержание эфира федеральных каналов). Телевидение сегодня прибавляет популярности «системным» партиям («несистемные» там просто не появляются) в глазах той аудитории,

которая доверяет телеканалам. Респонденты, ориентированные на Интернет, наоборот, пребывают в демобилизованном состоянии. На них не действуют ни аргументы партии власти, ни оппозиционных движений. От 43 до 46% отдающих предпочтение интернет-изданиям перед телевизионными каналами (см. табл. 19–21) не видят на сегодняшний день никого, к кому они могли бы присоединиться. В-третьих, для оформления политических лидеров необходима возможность их регистрации в качестве независимых, несистемных кандидатов на выборах, но именно это в рамках существующей политической системы невозможно. Отсутствие публичной сферы (ее ограниченность Интернетом и отдельными радиостанциями и газетами) и политической конкуренции блокирует появление новых политических лидеров.

Таблица 19
ДОВЕРИЕ К ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМИРОВАННОСТЬ О ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЯХ (в % по столбцу)

	Всего	ТВ	Интернет-издания
Число опрошенных (чел.)	870	180	288
«Марш несогласных»	51	44	56
«Общество синих ведерок»	43	37	44
Акции движений «Местные» и «Наши»	43	41	50
«Русский марш»	31	28	30
«День гнева»	15	11	16
«Стратегия 31»	15	12	22
Нет таких	20	21	18
Затрудняюсь ответить	2	2	1

Основные выводы. В заключение попробуем сформулировать несколько постулатов, которые помогли бы избежать необоснованных, чересчур оптимистических представлений о российском Интернете. Такие взгляды могут быть вызваны автоматическим переносом западных идей и представлений об Интернете, которые, как и навыки пользования им, сложились в условиях определенных, уже устоявшихся социальных отношений и институтов. Для адекватного понимания роли российского Интернета в формировании альтернативной повестки дня и базы сторонников оппозиционных партий необходимо принимать во внимание местный контекст. А именно: 1) не преувеличивать размеры интернет-аудитории, 2) рассматривать блогосферу и новостные сетевые ресурсы в контексте остальных СМИ, 3) отслеживать политические симпатии пользователей, 4) раз-

¹ Выборы мэра Москвы // Коммерсантъ-Online // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1512620>

² Один из сайтов движения: <http://sineevedro.ru/>

³ Сидоренко А. Указ соч. С. 51

личать известность партии, одобрение ее идей, лидеров, мероприятий и готовность присоединиться к ним «офлайн».

Размеры российской интернет-аудитории часто преувеличивают. Уже весной 2008 г. Дмитрий Медведев говорил о том, что ее размеры достигли отметки в 40 млн чел, Владимир Путин в то же время говорил о 50 млн¹. Между тем, если принимать в расчет только тех, кто находится в Сети регулярно и больше двух часов в день, т. е. может и умеет пользоваться всем многообразием сетевых ресурсов, то эта цифра сокращается в 5–6 раз – до 7–8 млн человек. В основном это молодые, благополучные, образованные, довольные жизнью жители крупных городов. Причем около 90% населения страны с его интересами и проблемами исключаются из рассмотрения, а привычки, запросы и политические пристрастия «интернет-гетто» приписываются рядовому человеку. А ведь именно средний россиянин и обеспечивает сегодня пассивное, но массовое принятие, даже одобрение существующего политического режима.

Можно предположить, что постепенное расширение аудитории Интернета на большую часть населения страны, отстающую от мегаполисов по уровню благополучия, образования, запросам, жизненным перспективам, повлечет за собой изменение сюжетов и тональности российского Интернета в сторону интересов и оценок большинства.

При рассмотрении виртуального пространства (блогосферы, интернет-изданий и др.) в совокупности с традиционными СМИ, и в первую очередь с телевидением, становится очевидной монополия государственных телеканалов на формирование картины происходящего в стране и мире. Интернет бесспорно начинает играть заметную роль в жизни политической и интеллектуальной элиты страны, но для 90% главный источник информации о происходящем – новостные передачи крупнейших федеральных (и контролируемых властью) телеканалов. Политизированная российская блогосфера, в которую вовлечено около одной пятой части аудитории пользователей, способна генерировать

Таблица 20

ДОВЕРИЕ К ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ И ОДОБРЕНИЕ ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЙ (в % к группам по столбцу)

	В среднем	ТВ	Интернет-издания
Число опрошенных	870	180	288
«Общество синих ведерок»	27	21	26
«Марш несогласных»	13	10	15
Акции движений «Местные» и «Наши»	11	15	15
«Стратегия 31»	6	4	10
«Русский марш»	6	4	6
«День гнева»	1	1	1
Нет таких	31	34	30
Затрудняюсь ответить	5	4	6

Таблица 21

ДОВЕРИЕ К ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ И ГОТОВНОСТЬ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЯХ (в % к группам по столбцу)

	В среднем	ТВ	Интернет-издания
Число опрошенных	870	180	288
«Общество синих ведерок»	17	15	16
Акции движений «Местные» и «Наши»	6	9	8
«Марш несогласных»	6	3	7
«Стратегия 31»	4	2	6
«Русский марш»	3	4	2
«День гнева»	1	1	0
Другие	0	0	0
Нет таких	45	47	46
Затрудняюсь ответить	6	4	7

¹ В Рунете обнаружили почти 40 миллионов пользователей// <http://www.lenta.ru/news/2009/10/08/onliners/>

новые темы. Виртуальное пространство сегодня организовано настолько, что внутри него может происходить отбор, оценка и профессиональный анализ происходящего (специализированные информационные и аналитические порталы, сайты ведущих общественно-политических изданий, традиционных СМИ). Однако сайты, представляющие полную, размеченную и проанализированную картину происходящего, — как раз наименее популярны. Сделать тему общезначимой, известной для сколько-нибудь значительной части россиян, способно сегодня только телевидение. Для ряда политических тем, критических по отношению к современному режиму, доступ на федеральное телевидение закрыт. Соответственно, эти темы остаются неизвестными для 80–90% населения. Однако во второй половине 2010 г. опросы Левада-Центра зафиксировали, что несколько подобных сюжетов все-таки смогли попасть на телеэкраны и стать широко известными. Это ситуация вокруг Химкинского леса и ДТП на Ленинском проспекте в Москве. К сожалению, имеющиеся социологические данные не позволяют оценить роль Интернета в том, что традиционные СМИ (радио и телевидение) неожиданно подробно развили эти темы.

В среде столичной молодежи, для которой предпочтительным источником информации о происходящем (и внушающим наибольшее доверие) являются интернет-издания, преоб-

ладают люди без определенных политических пристрастий. «Наиболее информированные» оказываются наименее «заинтересованными», демобилизованными. И если партия власти и официально признанная оппозиция без труда обращается к своим сторонникам через традиционные СМИ, то несистемным политикам, вынужденным действовать через Интернет, еще только предстоит научиться рекрутировать себе сторонников. Поддержка политического движения не зависит напрямую от информированности о его существовании. Российским несистемным оппозиционным партиям и движениям, выдвинутым властью с телевидения в Интернет, несмотря на относительно хорошую известность, не удастся заручиться ни доверием, ни тем более массовым участием в своих акциях аудитории Сети. Для этого потребуются новые идеи и подходы. Однако новым политическим лидерам и движениям, если такие появятся, вряд ли удастся участвовать в ближайших выборах. Сложившаяся в России политическая система этого не позволяет.

Успешные примеры, когда политические инициативы получали известность, завоевывали симпатию, привлекали новых сторонников и участников для своих мероприятий с помощью Интернета, существуют. Вопрос в том, как долго можно поддерживать к ним общественный интерес и возможно ли их воспроизводство во времени. Станет ли Интернет средой для появления новых организаций или же здесь возможны только разовые акции, «флеш-мобы», а главное, возможно ли с помощью такой активности влиять на принятие государственных решений — вопросы, требующие дальнейшего исследования.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Иван САМСОН
Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф?

Дискуссии о российском среднем классе. Можно лишь удивляться огромному разнообразию мнений о существовании среднего класса в России, поскольку имеющиеся исследования явно противоречат друг другу. Положение, сложившееся после кризиса 1998 г. и другого, который начался в 2008-м, по существу не объясняет этого разнообразия. Следует искать другие объяснения — прежде всего, в теоретических определениях и исследовательских методах.

Средний класс в России существует и увеличивается. Российские социологи и исследовательские институты датируют зарождение среднего класса серединой 1990-х годов. Одно из первых исследований было опубликовано в 2001 г. В нем отмечается, что более 50% потребления в России приходится на средний класс, который составляет, согласно данному исследованию, около 20% населения, или 10 млн семей. Именно средний класс определяет динамику данного рынка¹. В 2003 г. Российско-европейский центр экономической политики отмечал, что этот класс развивается. Центр выделяет три категории семей в зависимости от уровня дохода: семьи с доходом от \$150 до \$200 в месяц, от \$300 до \$600 в месяц, а также семьи директоров, владельцев небольших предприятий и преуспевших представителей либеральных профессий, зарабатывающих свыше \$1800 в месяц². «РИА Новости» подвело итог по

данному вопросу в 2007 г.: средний класс в России действительно существует и его численность, по результатам различных исследований, колеблется от 15 до 70%. Хотя средний класс и не столь многочислен, как в индустриальных странах, он все же выполняет свою основную функцию социально-экономического стабилизатора российского общества. Для определения принадлежности к среднему классу используются две группы факторов: объективные факторы, такие как доходы, потребляемые товары и услуги, образование; среди субъективных факторов главную роль играет самооценка. Исследователи единодушно зачисляют в «средний класс» одни и те же категории: речь идет о руководителях мелких и средних предприятий, кадровых работниках средней и высшей категории государственных или частных предприятий, а также высокопоставленных государственных чиновниках. Все не так просто, когда речь заходит о субъективной оценке россиян. В странах Западной Европы от 40 до 50% населения считает, что имеет средний доход, а в США такого мнения придерживается около 70% населения. В России всего 22% населения считает себя достаточно состоятельными людьми, чтобы принадлежать к «среднему классу». Согласно другим определениям, эта цифра достигает 55–60%³. Информационное агентство приходит к выводу, что данные индивиды не являются лишь потребителями, *они также формируют основу стабильности в обществе, создают зачатки здорового консерватизма,*

¹ Исследование, проведенное журналом «Эксперт» и Центром социологических исследований Monitoring.ru // Эксперт. 2001. 3 декабря.

² Вероника Сивкова в газете «Аргументы и факты», цит. по: La Gazette du Centre de langue et de culture russe, 2003, 28 avril.

³ Российская газета. 2005.

защищающего страну от слишком эмоциональных политических колебаний от правых к левым»¹.

В англоязычных публикациях также проявляется настойчивый интерес к данному вопросу. Уже в 2000 г. Леон Арон пишет, что принадлежность к российскому среднему классу в большой степени связана с молодым возрастом, высшим образованием и крупными городами. Он скорее утверждает, чем доказывает, что средний класс поддерживает реформы, капитализм и демократию². Но поскольку этот средний класс составляет лишь треть населения, ему еще предстоит проделать долгий путь, прежде чем он станет преобладающим. В 2007 г. Чарльз Ганске озаглавливает одну из своих статей «Растущий средний класс России» и указывает в ней, что 5 млн семей зарабатывают более \$30 000 в год³. Журнал «Экономист» обобщает эту тему в феврале 2009 г. Вооружившись потребительским определением среднего класса — доход, превышающий по крайней мере на треть базовые потребности существования и жилья, — этот высокоавторитетный журнал пишет, что более половины мирового населения принадлежит в настоящее время к среднему классу.

Средний класс в России существует, но остается в зачаточном состоянии. Не ставя под сомнение существование в двухтысячные годы российского среднего класса, который уже производит, по их подсчетам, около трети российского ВВП, другие авторы подчеркивают отсутствие у этого класса сбережений и имущества, что делает его значительно уязвимым⁴. Данный класс чувствует себя неуютно, ощущая одновременно зависть соседей и страх очередной национальной экономической катастрофы. Это проявилось, в частности, во время кризиса 2009 г. «Согласно февральским данным, слои населения, получившие наибольшую выгоду в нынешних изменениях, т. е. средний класс, являются также и самими затронутыми кризисом. Речь идет о 15% населения, о категории образованных и состоятельных людей», — сообщил Лев Гудков, директор Левада-

Центра⁵. Эта уязвимость может привести к тому, чтобы, как Борис Дубин из Левада-Центра, задать себе вопрос о существовании данного класса как такового. То, что «*поспешно называется российским средним классом*», не обладает характеристиками среднего класса, подытоживает автор, подчеркивая его «уязвимость» и «*мировоззрение, совпадающее с мировоззрением большинства, зависящего от государственной опеки*». «*Если положение вещей не изменится кардинальным образом, это будет означать, что придется очень долго ждать того момента, когда можно будет надеяться на развитие по западному образцу*», — предупреждает он. Автор добавляет также, что многие страны третьего мира характеризуются подобными признаками, имея весьма состоятельный класс населения, интегрированный в глобализацию, и разрозненные массы бедного населения⁶.

Российского среднего класса не существует. Эта теория наиболее развита в академических кругах, среди социологов. Переход к рыночной экономике и падение коммунизма в России принесли выгоду лишь весьма ограниченной социальной группе⁷. В связи с разрушением государства и экономическим кризисом интеллектуальные профессии и высококвалифицированный персонал промышленных секторов ВПК пережили значительное ухудшение уровня жизни, в то время как представители профессий, связанных с финансами, страхованием и кредитом, наоборот, намного улучшили свое положение. Л.Беляева пишет, что в России не существует средних классов, формирующих, как в развитых странах, основу общества. Пытаясь внести ясность в определения, Е. Аврамова указывает, что для того, чтобы средний класс мог развиваться в России, необходим ряд различных условий: экономическая состоятельность, стабильность рынка труда, доступ к различным институтам и организациям, а также способность адаптации к изменениям⁸. В нынешнем социально-экономическом контексте такой доступ к ресурсам не только не осуществляется, он даже не востребован. **Ограниченное чис-**

¹ «РИА Новости». 2007. 24 ноября.

² Арон Л. В поисках российского среднего класса // American Enterprise Institute for Public Policy Research, 2000, October (<http://www.aei.org/outlook/12224>).

³ Ganske Ch. Russia's Expanding Middle Class // Discovery Institute, 2007. September 8 (http://www.russiablog.org/2007/09/kommersant_5_million_russians.php).

⁴ Starobin P., Kravtchenko O. Russia's Middle Class-It has emerged from the rubble of 1998. But can it grow and prosper? Businessweek online, October 16, 2000 (http://www.businessweek.com/2000/00_42/b3703093.htm).

⁵ «РИА Новости», 2009, 19 марта.

⁶ Цит. по: Mandeville L. La classe moyenne russe a peur de l'avenir // Le Figaro. 2008. 23 juin.

⁷ Belyaeva L. The New Middle Classes in Russia // Sociological Research. 1999. Vol. 38. № 5. P. 77–90.

⁸ Avramova E. The Formation of a Middle Class in Russia: Definition, Methodology, and Quantitative Assessments // Sociological Research. 2002. Vol. 41. № 6. P. 57–68.

ло семей (12,5%), сконцентрировавших наибольшее количество ресурсов, свидетельствует о существовании блокирующих факторов в формировании среднего класса в России. Такие же рассуждения касаются и состоятельного среднего класса предпринимателей, существование которого считается преждевременным¹, а также консюмеризма. По мнению Владимира Римского, характеристики поведения этого класса еще далеки от поведения западного среднего класса: «Средний класс в России — это теоретическая конструкция. Различные исследователи используют разные параметры, чтобы загнать в рамки среднего класса тех, кого они хотели бы видеть в его составе. Если использовать критерии, обычно принимаемые в расчет в Северной Америке или в Западной Европе, у нас практически нет среднего класса! Из 145 миллионов жителей насчитывается не более миллиона человек, принадлежащих к среднему классу»². Римский добавляет интересный аргумент, согласно которому сторонники существования российского среднего класса принадлежат к «западникам».

Российский средний класс существует, но является бедным. Согласно этой теории, не столько уровень потребления, сколько место, занимаемое в обществе квалифицированными специалистами — «белыми воротничками», позволяет отнести их к среднему классу³. Роль среднего класса широко обеспечивается на сегодняшний день квалифицированными специалистами — «белыми воротничками», оставшимися от Советского Союза, хотя их доходы и гораздо ниже стандартов среднего класса. Этих индивидов, соответствующих таким западным критериям высшей прослойки среднего класса, как образование и компетентность, также часто называют «новыми бедными», и их доходы иногда ниже, чем доходы «голубых воротничков». Но они составляют подлинный средний класс с точки зрения своих ценностей, социального поведения и роли стабилизатора в обществе. Эти замечания говорят о необходимости тщательного анализа российской специфичности социальной структурности. Прежде чем рассмотреть этот

¹ Barkhatova N., McMylor, P. and Mellor, R. Family business in Russia: the path to middle class? // The British Journal of Sociology. 2001. Vol. 52. P. 249–269.

² Цит. по: Cadène B. Les classes moyennes en Russie// <http://sites.radiofrance.fr/franceinter/chro/reporter/index.php?id=36477>

³ Ochikina A. Sociological Theory in Russia: the Issue of the Middle Class, Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association. Montreal: Montreal Convention Center, 2006.

пункт, следует прояснить теоретические основы данной проблемы.

Теоретические основы исследований среднего класса. Панорама различных точек зрения по вопросу существования российского среднего класса свидетельствует о повсеместности эмпирического анализа и о слабости теоретической основы. Методологический анализ, лежащий в основе этих точек зрения, практически отсутствует. Мы не уверены, что состояние науки по данному вопросу достаточно для того, чтобы отразить реальность социальной структурности в России, однако, как было упомянуто выше, игнорирование этих теоретических основ сбивает с толку аналитиков. Данная проблема рассматривается в трех аспектах: анализ теорий социальных классов, затем теорий среднего класса и наконец анализ теорий предполагаемых функций среднего класса.

Теоретический подход к социальным классам. В.Л. Уорнер строит на основе социальной антропологии трехклассовую модель в США: высший, средний и низший классы, каждый из которых разделен на высший и низший сегмент⁴. Различие между классами устанавливается исходя скорее из типа деятельности, чем из суммы заработка. Наиболее важный критерий — это критерий «разделяемых мнений»: так, низший средний класс наиболее консервативен, поскольку мало что отделяет его от рабочего класса, а высший средний класс, менее многочисленный, становится нормой для среднестатистического американца.

Такая пирамидальная схема общества, в которой количество людей уменьшается по мере продвижения к высшим классам, была поставлена под сомнение С.М. Липсетом в 1960 г. Он считает, что данная модель, соответствующая концу XIX — началу XX вв., претерпела значительные изменения с развитием товаров народного потребления и более широким доступом к образованию. Эти факторы значительно сократили различия между классами⁵. Учитывая постоянное уменьшение доли промышленных рабочих, распределение доходов и профессиональной деятельности принимает в настоящее время форму бриллианта, утолщенного в центральной части. Французский социолог Пьер Бурдьё подверг критике эту стройную теорию.

⁴ Warner W. L. Social Class in America. N.Y.: Harper & Bros., 1960

⁵ Lipset S. M. Political man: The Social Bases of Politics. Garden City : Doubleday & Company, 1960

По его мнению, такое представление социальной иерархии как раз является идеологией, предназначенной для маскировки механизмов доминирования, которые продолжают воспроизводиться в обществе, в частности, посредством образования¹. Он подчеркивает важное значение социального капитала — социальных сетей власти — и культурного капитала в воспроизводстве социальной стратификации. С помощью концепции *габитуса* Бурдьё добавляет поведенческое измерение в теорию социальных классов. Эта концепция означает совокупность приобретенных предрасположенностей, бессознательных, но представляющих идентичность каждого социального класса. Некоторые авторы даже считают, что, несмотря на то, что все общества характеризуются той или иной иерархией, сущность понятия социального класса исчезает в постиндустриальных обществах². Правящий класс, целостный в силу своей сложности, социального разделения труда и многочисленных уровней стратификации, исчезает. Появляются другие формы социальной идентификации, в значительной степени культурные или религиозные, которые вызывают конфликты идентичностей.

Теории средних классов. Дарендорф осуществляет уникальное обобщение концепций Маркса и Вебера в своей теории социального конфликта³. Ключевое понятие социального разделения — не собственность, как у Маркса, а осуществление власти или отстранение от власти. Наблюдая тенденцию развития многочисленного среднего класса в современных западных обществах, связанную с квалифицированной рабочей силой, необходимой технологичной экономике, Дарендорф включает эту рабочую силу в теоретические биполярные схемы. Часть среднего класса, «бюрократов», осуществляющих власть, можно анализировать с помощью инструментов, предназначенных для анализа буржуазии, в то время как другую часть, «белых воротничков», можно анализировать вместе с рабочим классом. Э.О. Райт модернизирует марксистскую схему, разделяя буржуазию и пролетариат на шесть групп для

того, чтобы определить группы движущей силы: руководители и кадровые работники, мелкие работодатели, полуавтономные служащие и т. д.⁴ В социологии Вебера, основанной на тройственной социальной стратификации (класс, статус и партия), средние классы находятся между доминирующим классом и рабочим классом. Этот подход Вебера ведет ко все более дробной сегментации общества, ставшего многослойным, и открывает дорогу описательному анализу средних классов.

Образ американского «нового среднего класса» появляется в 1951 г. в впечатляющем описании «белых воротничков» Ч.Р. Миллса — от офисной служащей, подчиненной системе труда по Тэйлору, до коммивояжера, который продает товары, обходя квартиры⁵. Это описание нового класса, зародившегося в индустриальном технократическом и бюрократическом мире. В нем объединены коммерческий менталитет и определенный пессимизм в отношении социального отчуждения городского мира, в котором преобладают крупные корпорации. Но Миллс считает также, что этот новый класс может влиять на крупные организации и парламентарный процесс. Двумя годами ранее Уорнер уже описывал социальную иерархию, указывающую на существование среднего класса, расположенного между двумя другими классами, верхний сегмент которой становится прототипом среднестатистического американца. Если единство среднего класса вытекает из его срединного положения (*middleness*), социологи отказываются делать из него «имплицитный» класс, характеризующийся в основном своими различиями с верхними классами, которые он обслуживает, и нижними классами, условия жизни которых он избегает. Цель анализа среднего класса как такового неизменно подразумевает сегментацию. Д. Гильберт подразделяет этот класс на две группы. Высший средний класс, или квалифицированные специалисты, представляет собой 15–20% домохозяйств и отличается высоким уровнем образования, состоит из служащих высшей квалификации и руководящих работников⁶.

Нижний средний класс представляет собой одну треть домашних хозяйств и включает работников средней квалифи-

¹ Bourdieu P. La Distinction: Critique sociale du jugement. P.: Minuit, 1979.

² Dogan M. From Social Class and Religious Identity to Status Incongruence in Post-Industrial Societies // Comparative Sociology. 2004. Vol. 3. № 2.

³ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. London: Routledge, 1959.

⁴ Wright, E. O. Classes. London: New Left Books, 1985.

⁵ Mills C. W. White collar: The American middle classes. N.Y.: Oxford UP, 1951.

⁶ Gilbert D.L., Kahl J.A. The American Class Structure: A New Synthesis. Chicago: Dorsey Press, 1987.

кации, квалифицированных ремесленников и менеджеров среднего звена. Оба этих сегмента характеризуются хорошим уровнем жизни, реальной экономической безопасностью и существенной автономией в работе: зарабатывая на жизнь, они в основном полагаются на свои навыки.

Английский социолог Джон Голдторп проводит в том же году анализ социальной сегментации, состоящей из 11 классов, объединенных в «класс обслуживания», средний класс и рабочий класс. Этот анализ становится эталоном¹. Одним из основных критериев, используемых Голдторпом, является критерий квалификации и положения на работе, которые занимают индивиды и которое определяется уровнем полномочий, автономии и т. д. Принадлежность к классу становится фактором, определяющим шансы индивидов и описывающим их ресурсы и ограничения, а также важным фактором, предсказывающим их поведение. Сегментация среднего класса — проблема не только когнитивного характера, она представляет также потенциальную угрозу для единства класса. Этот вопрос задают себе Сэвидж и другие исследователи, отмечая, что британский средний класс разделен на две группы: профессиональный средний класс, сплоченный и хорошо устроенный, и средний класс мелких предпринимателей, неопределенный и маргинальный². Это разрыв увеличивается, угрожая единству среднего класса.

На самом деле примеры описательного анализа сегментов средних классов можно перечислять до бесконечности, так как они в большой степени зависят от используемых критериев: доход, авторитет, автономия в работе, образование, субъективное восприятие и т. д. Поскольку нас не удовлетворяют описательные теории средних классов, теряющиеся в бесконечности сегментационных моделей, рассмотрим аналитические теории среднего класса, которые определяют средний класс как имеющий определенную функцию не только в отношении производства, но и для всего общества.

Средний класс и демократия. Главный вопрос — это функциональная природа среднего класса, коммерческая активность которого привела к созданию институтов демократии и права, ограничению власти и участию в вы-

борах³. У Вебера мы находим идею о том, что многочисленный средний класс способствует стабилизации общества, так как он не обладает ни взрывным революционным потенциалом низшего класса, ни абсолютистскими стремлениями высшего класса. Действительно, его определение среднего класса как состоящего из квалифицированных специалистов и мелких предпринимателей придает этому классу атрибуты общей культуры городского и домашнего уюта, а также определенной защищенности в отношении экономических перепадов. Липсет модернизирует историческое и чуть ли не мессианское измерение этой совокупности качеств следующим аргументом: политическая культура и социальная структура, характерные для среднего класса, позволяют экономическому развитию иметь положительное влияние на вероятность установления и сохранения демократии⁴.

С одной стороны, экономическое развитие способствует распространению образования и вместе с ним демократического поведения, межличностного доверия и терпимости к оппозиции. С другой стороны, это развитие сопровождается разбуханием среднего класса по модели бриллианта, сокращая таким образом пропорцию населения, способного на антидемократические поступки. Б. Мур усиливает эту теорию, показывая, что демократия возникает тогда, когда сильны коммерческая буржуазия или средний класс, а тогда, когда преобладают владельцы недвижимостью, они приводят к диктатуре⁵. Р. Гласман устанавливает связь между различными формами капитализма и демократии в истории. В настоящее время промышленный и технологический капитализм порождает новые классы, в то время как демократия искажается телевидением и Интернетом (электронное голосование и интерактивные видеоконференции на дому), а бюрократия и иерархические структуры отрицательно влияют на экономику и политику⁶. На этой основе Гласман развивает теорию перехода к демократии, основанную на теории Аристотеля о равновесии классов и преобладании среднего класса.

³ Glassman R. The Middle Class and Democracy in Socio-historical Perspective. Leiden ; New York: E.J. Brill, 1995.

⁴ Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy// American Political Science Review. 1959. Vol. 53. P. 69–105.

⁵ Moore B. The Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon Press, 1966.

⁶ Glassman R. Op.cit.

¹ Goldthorpe J. Revised class schema. L.: Social and Community Planning Research, 1992.

² Savage M., Barlow J., Dickens P. and Fielding T. Property, Bureaucracy and Culture: Middle Class Formation in Contemporary Britain. London: Routledge, 1992.

А. Рона-Тас доводит эту теорию до крайности: «В каждом обществе есть промежуточный сегмент, но для того, чтобы у общества был средний класс, в его середине должна быть значительная социальная группа, члены которой чувствуют, что их жизнь улучшается. Суть среднего класса – это надежда на социальное продвижение... Средний класс – это состояние духа, идентичность, совокупность стремлений, разделяемых более крупным сегментом общества, чем те индивиды, которые находятся в середине. Средний класс, находящийся в меньшинстве, – это оксюморон. В демократии средний класс – это вся нация»¹. Существует взаимосвязь между средним классом, экономическим развитием и демократией; мы вернулись к Аристотелю: представитель среднего класса является гражданином нации. В эмпирической традиции социальных наук данные подходы стали основанием для многочисленных эконометрических тестов, включающих данные нескольких стран, с целью установления причинной зависимости между средним классом и демократией, в противовес подходам тех экономистов, которые стремятся установить причинную связь между демократией и экономическим ростом². У. Истерли показывает, что более значительная доля доходов, получаемых средним классом, связана с большим ростом общих доходов и экономическим ростом, а также с более значительной социальной модернизацией и демократией³. Эдвард Мюллер уточняет, что экономическое развитие может привести к уменьшению демократии, если сопровождается ростом неравенства. Таким образом, развитие среднего класса связано с развитием демократии, поскольку развитие среднего класса ведет к сокращению неравенства⁴.

Хотя эта теория среднего класса как плавилиного тигля демократии и широко распространена, она отнюдь не вызывает единодушия и не проверена на практике. Существует множество примеров, когда средний класс выступал против демократии или когда реальная демократизация происходила без зарождения или роста среднего класса. Ис-

ходя из модели рационального выбора, конституирующего коллективный интерес класса, и подчеркивая влияние скорее экономического развития, нежели образования или новой политической культуры, Д. Рундмейер показывает, что рабочий класс проявляет больший интерес к демократии, чем средний класс. Связь между экономическим развитием и демократией можно объяснить более благоприятным для рабочего класса и неблагоприятным для антидемократических сил (землевладельцев) равновесием классов⁵.

Напротив, средний класс, состоящий из городских квалифицированных специалистов, наемных работников частного и государственного сектора, ремесленников и крестьян, играет связующую, но неоднозначную роль: при определении его интересов возникает много различных интерпретаций, а центральное положение среднего класса делает возможным его объединение с землевладельческими и буржуазными антидемократическими силами.

В другом контексте – контексте развивающихся или посткоммунистических стран – демократизация не обязательно развивается благодаря среднему классу. Ульф Сандхауссен отвергает западные доктрины, подчеркивая необходимость задаться вопросом о существующих моделях демократии, а также о том, в какой степени средний класс или какой средний класс будет необходим⁶. Он показывает, что авторитаризм не обязательно препятствует демократии в странах третьего мира при условии отказа именно от западных моделей демократии. Что касается неопатримониальных государств постсоветской Центральной Азии, А. Загайнова рассматривает, каким образом методы клиентелизма, разработанные олигархией, могут способствовать конкуренции горизонтального типа и появлению новых олигархов, не связанных с властью принадлежностью к определенному клану⁷. Таким образом, новая экономическая элита может играть жизненно важную роль в развитии рыночной экономики и демократии, не меняя вертикальной социальной структуры, построенной вокруг олигархов. Уже невозможно довольствоваться уравнением «средний

¹ Róna-Tas A. Post-Communist Transition and the Absent Middle Class in East-Central Europe // <http://escholarship.org/uc/item/22g1z9nw#page-37>

² Barro R.J. Economic Growth in a Cross Section of Countries // Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. № 2. May. P. 407–433.

³ Easterly W. The Middle Class Consensus and Economic Development // Journal of Economic Growth. 2001. Vol. 6. № 4. P. 317–335.

⁴ Muller E.N., Bollen K.A. and Jackman R.W. Economic Determinants of Democracy // American Sociological Review. 1995. Dec. Vol. 60. № 6. P. 966–982.

⁵ Rueschemeyer D., Stephens E.H. and Stephens J.D. Capitalist Development and Democracy. University of Chicago Press, 1992.

⁶ Sundhaussen U. Democracy and the Middle Classes: Reflections on Political Development // Australian Journal of Politics & History. 1991. Vol. 37. № 1. P. 100–117.

⁷ Zagainova A.: Patrimonial Systems and Features of Virtuous Clientelism, the Case of Kazakhstan // Dijkema C. a.o. Rethinking the Foundations of State. Brussels: Bruylant, 2011.

класс = демократия», становится необходимым по крайней мере уточнить, что подразумевается под демократией.

Существование промежуточных слоев российского общества. Сегодня можно получить достаточно четкое представление о так называемом среднем классе в России. Российскими социологическими службами было проведено несколько исследований, за которыми последовали недавние публикации¹. Они показывают, что промежуточные сегменты, или так называемый средний класс, все еще находятся в зачаточном состоянии. Они уже проявляют некоторые специфические особенности, которые отличают их от других социальных групп, но в других отношениях они не обладают ничем, что их бы отличало. Первое методичное и масштабное исследование было проведено в 2002 г. Московским институтом социальной политики. Директор института Татьяна Малева утверждает, что может теперь опровергнуть два распространенных мифа о среднем классе в России: миф о том, что этот класс не существует, и миф о том, что все россияне являются средним классом². Представители среднего класса настроены достаточно оптимистично, в то время как исследователи считают, что около 20% семей принадлежат к среднему классу, хотя принадлежащими к нему считают себя вдвое больше людей. С другой стороны, высшего среднего класса не существует, в него входит менее 1% домохозяйств. Что касается профессиональной деятельности среднего класса, его представители — одновременно консерваторы и новаторы — несомненно проявляют способность адаптации к политическим и экономическим изменениям. За исключением значительной части мелких предпринимателей, они не представляют собой особую профессиональную группу, отличающуюся от населения в целом. Социальное же происхождение представителей среднего класса сильно различается, однако

¹ *Maleva T.* The Russian Middle Class. Paper presented at the Carnegie Endowment for International Peace. Moscow, 2003, April 9; *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* Средний класс 'as if': мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения. 2008 № 3(95). Р. 27–41; *Тихонова Н., Мареева С.* Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009; *Григорьев Л., Салмина А., Кузина О.* Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М.: Экон-Информ, 2009 (http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/insor/middle_class_gr.pdf); *Малева Т., Овчарова Л.* Социальная модернизация и средний класс // Demoscope. 2009. № 381, 20 juillet (<http://www.polit.ru/research/2009/06/28/demoscope381.html#>).

² *Maleva T.* Op.cit.

после попадания в промежуточные сегменты представители среднего класса интересуются участием в политической жизни и гражданских инициативах не в большей степени, чем население в целом. Малева отмечает, что российский средний класс отличается от аналогичных групп в других странах тем, что он находится на вершине социальной пирамиды и придает более важное значение своей стабильности, чем социальной или политической ангажированности.

Тот же институт провел аналогичное исследование в 2008 г., непосредственно перед кризисом 2009 г. и после девяти лет эйфорического роста российской экономики, стимулируемого высокими ценами на энергоносители³. Это исследование позволяет провести более точный анализ структуры промежуточных сегментов в России и ее изменений начиная с 2003 г., а также анализ препятствий на пути развития этих социальных групп. Такая исключительная экономическая динамика является фактором роста и преобразования промежуточных сегментов. С 2000 по 2007 г. отмечаются следующие макроэкономические показатели:

1. Реальные доходы населения и заработная плата увеличились в 2,5 раза;
2. Среднегодовая численность занятых увеличилась на 3,3 млн человек;
3. Повысился образовательный уровень работников. Если в 2000 г. среди занятых 21,6% имели высшее образование, то к 2007 г. этот показатель поднялся до 25,6%.

Такой уровень высшего образования трудящихся представляет источник роста российского среднего класса. Второй потенциал этого роста связан с динамикой доходов. В 2000 г. 30% населения имели доходы, которые могли обеспечить текущее потребление, а в 2007 г. таких уже было 40–45%. Авторы использовали три показателя для измерения среднего класса в 2007 г.:

1. Достаток, измеряемый материальными активами;
2. Профессионально-квалификационные характеристики занятых;
3. Самоидентификация.

По материальным критериям в 2007 г. более четверти россиян (26%) рассматривалось как средний класс, по профессиональным критериям средний класс насчитывал 19,5%. Согласно субъективным критериям, он достигал 30%. Всем трем критериям соответствуют одновременно в среднем лишь 5% российских

³ *Малева Т., Овчарова Л.* Цит. соч.

домохозяйств — речь идет о так называемой «сердцевине среднего класса» (13% в Москве и Санкт-Петербурге). Если рассматривать лишь два критерия из трех, им в 2007 г. соответствовало около 20% домашних хозяйств. Но речь идет уже о достаточно широком определении. Что касается других социальных групп, 10% составляет низший класс и 70% — «класс ниже среднего»: последняя группа включает, согласно авторам, около 30% домохозяйств, которые имеют шансы попадания в средний класс, и 40% бедных россиян, рискующих пополнить низший класс. Следует напомнить, что при такой социальной стратификации «средний класс» включает и высший слой населения, а высшего класса не существует. Сравнение с данными 2000 г. показательны, поскольку, несмотря на «девять славных лет», промежуточные сегменты не увеличились. Напротив, сердцевина среднего класса даже уменьшилась с 7 до 5%. *Почему же увеличение заработной платы и уровня образования не привело к росту среднего класса?*

Чтобы понять эту ситуацию, необходимо учитывать значительные социальные изменения, которые происходили начиная с 1990 г., в контексте постсоветского переходного периода. В период 1992–1998 гг. реальные доходы, заработная плата и пенсии значительно снизились. В конце этого периода, в 1998 г., ВВП составил лишь 60% к уровню 1991-го, реальная заработная плата и пенсии сократились более чем в 3 раза, а доходы снизились на 42%. Затем, в период благоприятной экономической конъюнктуры, продолжавшийся вплоть до начала очередного кризиса в 2008 г., уровень жизни российского населения заметно улучшился. К 2006 г. реальная заработная плата восстановилась до уровня начала 1990-х гг., а к началу 2010 г. реальная пенсия достигла уровня 1991 г. С другой стороны, новые источники доходов не сдвинулись с места: доход от собственности, доля которого в совокупном доходе возросла с 2,5% в 1990 г. до 6,8% в 2000 г., остался на том же уровне — 6,5% в 2009 г. Что касается доходов от предпринимательской деятельности, картина еще более четкая: они увеличились с 3,7 до 15,4% с 1990-го по 2000 год и упали до 9,7% в 2009 г. Можно дать следующие объяснения стагнации и даже снижения развития российского среднего класса в годы экономического роста¹:

- отсутствие экономической среды, способствующей развитию малого бизнеса;
- ограниченный доступ населения к доходам от собственности;

¹ Малева Т., Овчарова Л. Цит. соч.

- высокая распространенность непрозрачных схем формирования заработной платы;
- ограниченность программ социальной поддержки семей с детьми;

— увеличение неравенства за счет более высоких темпов роста доходов 20% наиболее обеспеченной части населения приводит к тому, что общего роста реальных доходов не хватает для расширения среднего класса;

— за годы экономического подъема работники бюджетной сферы, рассматриваемые как основной источник роста среднего класса, не изменили своего положения в межотраслевой дифференциации заработной платы.

Это исследование, сфокусированное на экономических аспектах среднего класса, удачно дополняется детальным анализом поведения и мнения, проведенным Левада-Центром, для которого существование среднего класса в России не доказано². Следует отметить, что самые высокие доходы получают не предприниматели, а москвичи, занятые в государственных или независимых учреждениях (фрилансеры), а в провинции — служащие государственных предприятий. Группа образованных и процветающих россиян, описанная в данном исследовании, не особо отличается от остального населения в своем понимании положения в стране и перспектив ее развития. Эти россияне убеждены, что нынешнее благоприятное для России положение укрепляет ее авторитет на международной арене, что Россия становится сильной страной, и они связывают эти достижения с Путиным, чья деятельность получила широкое одобрение. В то же время достигнутая «стабильность» представляется довольно хрупкой, она основана не на изменениях в институциональной системе, а в основном на росте цен на нефть, которые могут измениться в любой момент. Перечень волнующих эту группу проблем весьма отличается от проблем населения. Основные опасения населения в целом касаются роста цен, стагнации экономики и основных отраслей промышленности (не связанных с добычей нефти и газа) и отсутствия модернизации промышленности. Что касается гипотетического «среднего класса», наибольшую угрозу для него, по его мнению, представляют уровень насилия в обществе, агрессии, коррупция, слабость суда, загрязнение окружающей среды, приток иммигрантов и неудовлетворительное состояние системы здравоохранения и пенсионной системы. Большинство

² Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Указ. соч.

респондентов считают, что их положение не является юридически и политически безопасным, а 83% признают, что они никак не могут влиять на политику страны, при этом не только при принятии решений на уровне правительства, но и при обсуждении положения в стране или жизненно важных для них вопросов. Именно поэтому они готовы использовать методы решения проблем, идущие вразрез с законом (взятки, личные контакты). Они признают, что эти методы плохи и неприятны, но неизбежны в современном обществе. **Полученные результаты**, по их оценкам, не всегда оправдывают затраченных усилий, что ведет к значительной внутренней напряженности у этих промежуточных категорий. У них преобладает чувство незащищенности, хрупкости собственного положения, страх перед возможностью быстрой потери приобретенного и постоянное состояние тревоги. Кроме того, подавляющее большинство респондентов (63%) хотели бы, чтобы их дети поехали учиться или работать за границу. Они хотят таким образом обезопасить и конвертировать свои достижения, это своего рода вывоз семейного капитала.

Очевидные тенденции к адаптации, пассивному принятию ситуации приводят к многочисленным механизмам компенсации или замещения недостаточно развитой идентичности символами коллективной мощи и восстановления былого авторитета страны в мире. В данной группе поддержка антизападной риторики сильнее, чем среди населения в целом. Другими формами компенсации могут быть ксенофобия, враждебность или страх перед иностранцами и притоком иммигрантов. Данная раздробленная и в значительной степени деморализованная группа также проявляет другие формы ослабления напряжения, такие как апатия, бессилие, показное равнодушие к политическим событиям, а также стремление к перемене мест: отдых за рубежом, активное участие в Интернете, желание уехать за границу: 21% опрошенных думают об этом постоянно или очень часто.

Отсутствие среднего класса в России. На основании вышеизложенного, таким образом, можно дать отрицательный ответ на вопрос о существовании среднего класса в России. Этот ответ можно дать в три этапа. Сначала выделим методологические недостатки в подходе к данной проблеме, а затем вернемся к особенностям России с этой точки зрения. И наконец, мы сможем перечислить атрибуты среднего класса, которые представлены недостаточно.

Методологические проблемы. Наиболее частая методологическая ошибка заключается в том, что описательный подход в изучении российского среднего класса сфокусирован на количественных измерениях, опросах и исследованиях, анализе конкретных ситуаций и других качественных подходах. Такая информация безусловно представляет определенную ценность, но не дает ответа на вопрос о существовании этого класса как такового. Кроме того, она, как правило, не основывается на какой-либо теории или концептуальном определении среднего класса. **Другими словами**, исследователи измеряют объект, забывая обосновать его существование, или скорее действуя, «как будто» — *as if* — это само собой разумеется. Еще более опасна мысль о том, что измерение является доказательством существования этого класса в России: тогда можно сказать, что российский средний класс характеризуется определенным доходом и определенными профессиями, он является промежуточным звеном в социальной иерархии, что соответствует определенному проценту домохозяйств. Сформулированное таким образом определение становится совершенной тавтологией, средний класс — лишь тот, который находится «в середине» в соответствии с совершенно случайными критериями. Другая проблема состоит в том, что, если средний класс в России существует, его нельзя свести к «слоеному пирогу» или к нагромождению секторов и слоев. Здесь вспоминается грозная критика Гильберта, который подчеркивает специфический, даже субъективный характер определения страт. Это принципиальный вопрос, который касается не только России и носит теоретический характер. Для того чтобы социальная категория могла считаться классом, она должна представлять собой нечто общее, которое является не просто суммой его частей. Необходимо определить сущность этого класса, которая обязательно предполагает взаимодействие и отношения с другими классами. Выше были определены два критерия для описания этого общего. Во-первых, речь может идти о функциональном подходе среднего класса по отношению к обществу в целом. Тогда следует определить конкретную функцию российского среднего класса, которая будет приносить свои штрихи в социальное целое, что позволяет ему быть участником этого целого. **Во-вторых**, по Липсету, существуют общие взгляды, которые могут быть не только специфическим габитусом, возможно отличающимся от социальных

характеристик других классов, но и общими представлениями, разделяемыми не только членами данного класса, но и остальным обществом. Эти представления могут быть связаны со структурированием общества на классы, а именно с очертаниями других классов, а также с существованием эталонного класса, на который все члены общества хотели бы походить.

Еще одной возникающей методологической проблемой является размер или единство среднего класса. Вслед за Миллсом американские социологи определили разрастание класса «белых воротничков», который стал преобладающим в постиндустриальном обществе. Рона-Тас считает, что этот класс даже становится единственным классом, который практически отождествляет себя со всей нацией. Помимо того, что «полная часть» — это оксюморон, такое единство среднего класса логически противоречит функциональному подходу, который как раз соединяет его с другими классами. Другими словами, при исследовании среднего класса в России нужно избавиться от американского способа оценки. О нем можно было бы говорить с концептуальной точки зрения, даже если бы он представлял менее 50% населения, но никак не 5%!

Актуальна ли данная концепция для России? Самое удивительное, что такой вопрос почти никогда не возникает, и это еще один значительный методологический недостаток. Не вдаваясь в дискуссию о том, применима ли модель американского среднего класса ко всем западным странам, мы снова рассматриваем эту концепцию на правах «как будто бы» актуальной для России. Другими словами, предположительно существует универсальная концепция социального класса или же Россия, возможно, представляет собой общество, не принципиально отличающееся от развитых стран. Тем не менее не нужно быть семи пядей во лбу, располагая Россией среди крупных стран с развивающейся экономикой, наряду с Китаем, Индией или Бразилией, чтобы заподозрить глубокие социетальные особенности. Не следует повторять в социологии ошибок таких подходов, как «экономика мейнстрима» («*mainstream economics*») Вашингтонского консенсуса, с помощью которых такие учреждения, как МВФ или Всемирный банк, хотели рассматривать постсоветские экономики как принципиально не отличающиеся от экономик развитых или развивающихся стран. Сторонники этих подходов потерпели неудачу, предписывая экономическую политику, которая не принесла ожидаемых результа-

тов, так как они хотели проигнорировать существующие различия¹. Однако наиболее точные описания призывают к осторожности, поскольку средний класс рассматривается как высший класс общества, что скорее противоречит самой концепции. Малева считает, что средний класс составляют 20% самых богатых домохозяйств России, а его верхнего сегмента не существует².

Ниже находится группа, составляющая 10% и представляющая низший класс, и между двумя этими классами остается, таким образом, 70% трудно классифицируемых домохозяйств, некоторые из которых могут подняться к более высокому классу, а другие — опуститься к низшему. Лучшее, что можно сказать, — это то, что социальная стратификация постсоветской России «еще не образовалась» и что российское общество все еще находится на переходном этапе. Кроме того, вызывает беспокойство тот факт, что наиболее обеспеченные категории тех, кто обладает наибольшим богатством и в силу существования которых Москва стала одним из самых дорогих городов мира, все еще не стали объектом особого анализа. Социологи видят только средний класс там, где российское общество видит только «новых русских». Сэм Вакнин, автор книги о среднем классе³, говорит о своих коллегах: «Новый средний класс является заметным меньшинством. Но эта метафора обманчива. Российский средний класс — это зарождающееся исключение, а не правило ... будучи далеким от консенсуса, он воплощает ...растущую пропасть между теми, кто имеет, и теми, кто не имеет. Демонстративное потребление, в основном импортных товаров, членов этого класса совершенно не способствует поддержке отечественной экономики. Его политическая сила эгоистична. У него нет ни этоса, ни отличающей его от других морали, ни хроники, ни идеологии. Российский средний класс находится в “естественном состоянии” по Гоббсу»⁴. Возможно, политический представитель «среднего класса» Сергей Митрохин, лидер либеральной партии «Яблоко», расскажет об этом лучше всех. Эти люди руководствуются прежде всего страхом потерять имущество и доходы, накопленные за последние 20 лет: «Структура прав собственности в России напоминает перевернутую пирамиду: чем выше по социальной иерархии, тем больше собственности и гарантирующих ее прав, чем

¹ Stiglitz R. La grande désillusion. Paris: Fayard, 2002.

² Малева Т., Овчарова Л. Указ. соч.

³ Vaknin S. Russia's Middle Class. N.Y.: United Press International, 2002.

⁴ The St. Petersburg Times, 2006, march.

ниже, тем меньше того и другого... при такой перевернутой пирамиде в стране нет ниши для развития полноценного среднего класса, который в большинстве трансформирующихся стран был главным социальным носителем проекта модернизации. Да, первый импульс должна давать элита, но если у этого импульса не будет мощного социального носителя, то модернизация окажется "элитарной" и быстро заглохнет¹. На выборах 2007 г. политическая коалиция, к которой принадлежало «Яблоко», исчезла из Думы, набрав 1,6% голосов. В 1993 г. она набрала 8%.

В России отсутствуют атрибуты, характерные для среднего класса. Помимо определенного материального комфорта некоторых групп населения, который сам по себе не является достаточным основанием для выделения класса, практически все атрибуты среднего класса в России отсутствуют. У предполагаемого среднего класса нет стабильности финансового положения, полностью или почти отсутствуют сбережения, и он не может, даже в экономическом плане, осуществлять функцию стабилизатора, определенную Вебером. И это легко объяснимо: среди новых доходов, имеющих в его распоряжении, доходы от предпринимательской деятельности, которые могли бы обеспечить его независимость, гораздо ниже, чем доходы от перераспределения ренты от обширных сырьевых источников страны. Это перераспределение вдвойне неопределенно и мешает экономической безопасности, определенной Гильбертом: биржевые курсы резко колеблются, а власти и олигархи решают, как делить добычу. У среднего класса не больше власти, в понимании Вебера и Дарендорфа, чем у низшего класса. Исследования подтверждают, что влияние на политические решения и чувство контроля над своей жизнью не характерны для этих промежуточных сегментов, как у Миллса. Полный опасений, российский средний класс далек от оптимизма, связанного с непрерывным внутренним ростом. Четверть среднего класса склоняется к эмиграции, а три четверти надеются отправить своих детей жить за границу. Ничто не указывает на то, что эти группы принимают или хотя бы хотят принимать активное участие в модернизации общества, о чем свидетельствуют результаты голосования: стратегии «голоса» уступают место стратегиям «выхода». Те, кто станет искать стабилизирующую функцию политических убеждений российского среднего класса, ориентации его на умеренность и кон-

сенсус, рискуют сильно разочароваться. Власти успокаивают средний класс, их девиз — «лучшие сильные лидеры, чем громоздкие законы», и среди этой группы преобладает антизападный шовинизм. Вакнин описывает принадлежащих к этой группе как «националистически настроенных, авторитарных и отличающихся ксенофобией»². У них нет сформированной коллективной идентичности, и их взгляды и поведение по большому счету не отличается от остального населения. Их единственная особенность заключается в волнующих их проблемах: они более обеспокоены социальными проблемами, такими как преступность или коррупция, нежели проблемами материальными, которые напрямую их не затрагивают, за исключением системы здравоохранения и пенсионной системы. Не существует габитуса, формирующего группу, а образ членов среднего класса даже путают с образом скандальных нуворишей. Промежуточные слои российского общества без класса, статуса и партии не могут существовать как социальная группа.

За мифом среднего класса – миф о конвергенции. Можно сделать серьезные оговорки об уместности классового подхода к пониманию социальной стратификации в современном развитом обществе. Ни «пирамида» Маркса, ни «бриллиант» Липсета, очевидно, не способны охватить сущность современных обществ. Исследования должны скорее ориентироваться на схему типа центр-периферия. Критерии близости к центру или к периферии должны основываться не только на имуществе, как у Маркса, на доходе и статусе, как у Вебера, или на власти, как у Дарендорфа, но и на еще одном динамическом ресурсе – социальной интеграции, или способности адаптации к постоянно меняющемуся окружающему миру. В эпоху экономики знаний и Интернета культурный капитал становится более дифференцирующим: преобладание бесплатного и постоянно обновляющегося знания еще больше разделяет общество. Ресурсы категорий, находящихся в центре, очень похожи на «возможности» («capabilities») Сена – способность к использованию всех богатств и ресурсов общества, к использованию самого общества как высшего блага.

Если предположить, что «средний класс» находится в третьих и четвертых 20-процентных группах в распределении населения по уровню среднеличного денежного дохода (см. табл. 1), то можно заметить, что с 1991 г.

¹ Митрохин С. Модернизация или стагнация? // Политком.ру, 15 июня 2010 (<http://politcom.ru/10274.html>).

² Vaknin S. Указ. соч.

Таблица 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ В РОССИИ

Население	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Первые 20%	9,8	6,1	5,9	5,4	5,3	5,1	5,1	5,1	5,1
Вторые 20%	14,9	10,8	10,4	10,1	9,9	9,7	9,8	9,8	9,7
Третьи 20%	18,8	15,2	15,1	15,1	14,9	14,8	14,8	14,8	14,8
Четвертые 20%	23,8	21,6	21,9	22,7	22,6	22,5	22,5	22,5	22,5
Пятые 20%	32,7	46,3	46,7	46,7	47,3	47,9	47,8	47,8	47,9
Коэффициент Джини	0,26	0,38	0,39	0,41	0,42	0,42	0,42	0,42	0,42

Источник: Росстат, 2010 г. <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/level/>.

Коэффициент Джини измеряет неравенство в распределении доходов в обществе. Он принимает значения от 0 при полном равенстве до 1 при полном неравенстве.

его доля в лучшем случае оставалась на месте. За последние 20 лет в России произошла чрезвычайная концентрация доходов, и коэффициент Джини почти удвоился. Такая сильная поляризация за такое короткое время редко встречается в истории. Этот феномен недвусмысленен и известен всем. Он означает распад среднего класса, если он вообще когда-либо действительно существовал. Поэтому упорство в поисках, анализе и препарировании среднего класса в России – не научный подход, а скорее вера в существование этого класса. Другими словами, российский средний класс – это *миф*. Еще одним мифом, широко распространенным в социальной истории, было то, что капитализм или рыночная экономика нуждаются в демократии. Можно испытывать большую симпатию к демократии, но тогда придется попытаться создать спрос на демократию у соответствующего населения, а не предсказывать, что демократия должна развиваться именно во имя рынка. Этот миф, продвигаемый Западом, скрывает желание создания государств западного типа по всему миру, особенно в посткоммунистических странах. К сожалению, согласно этой точки зрения рыночная экономика лучше развивается в тоталитарном Китае, чем в полудемокра-

тической России. Миф о среднем классе как поддержке демократизации – это вариант мифа о демократии. Но основной средний класс, развивающийся в Китае, – это чиновники коммунистической партии, которые, возможно, не очень склонны к демократизации и не прониклись демократической культурой. По сути, кривая Кузнецова четко устанавливается лишь в своей первой части, которая сочетает в себе экономическое развитие и увеличение неравенства. Вторая часть, которая механически включает в себя продолжающийся рост и сокращение неравенства и, следовательно, появление среднего класса, остается весьма спорной. Таким образом, становится ясно: социальная структура в России отличается от социальной структуры западных обществ, для которых был создан термин «средний класс». Рассуждения о среднем классе в России отнюдь не позволяют понять российское общество. Они служат обоснованием мифа о том, что весь мир рано или поздно приблизится к западной модели, а если говорить точнее – к модели американской. Этот миф находит широкий отклик в России, где эпигоны среднего класса восклицают: «*Смотрите, мы почти такие же, как вы!*».

Перевод с французского
 Татьяны Пекарской

Наталья БОНДАРЕНКО

Особенности кадровой политики «кризисного периода» 2008–2010 гг.

Каковы основные тенденции, замеченные работодателями за последние два года на российском рынке труда, в частности – по проблеме профессионально-квалификационной сбалансированности, и в связи с этим, каков характер запросов работодателей к системе профессионального образования? Анализ состояния рынка труда (остроты проблем нехватки/избытка кадров, стратегий поиска работников, характера требований работодателей, их удовлетворенности профессионализмом работников) был продолжен в рамках ежегодного исследования работодателей по Мониторингу экономики образования, который проводится с 2004 г.¹

На предыдущем этапе, в 2009 г., было выявлено, что многолетняя для предприятий проблема дефицита рабочей силы практически исчезла. Большинство опрошенных работодателей говорили уже не о недостаточном количестве, а об избытке кадров. Как менялись масштабы и структура найма работников на предприятиях за последнее время? В каких кадрах была необходимость? Как политика найма работников связана с общеэкономической ситуацией на предприятиях и ожиданиями работодателей? Насколько менялись общеэкономические риски, адаптировались ли предприятия за последний год?

Таблица 1

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТОВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОМПАНИЙ НА ВОПРОС: «КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ПОДХОДИТ ДЛЯ ОЦЕНКИ В ЦЕЛОМ СИТУАЦИИ НА ВАШЕМ ПРЕДПРИЯТИИ?» (в % от числа всех опрошенных предприятий)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Предприятие существует на грани закрытия/банкротства	2	1	2	1	2	1
Предприятие давно работает в убыток, есть задолженность поставщикам, кредиторам, приходится частично сворачивать производство, сокращать работников	2	2	1	2	3	3
Предприятие в целом «сводит концы с концами», однако средств едва хватает на выплату зарплаты, налогов, на покрытие первоочередных обязательств	32	25	22	17	40	29
У предприятия нет текущих финансовых проблем, платежи осуществляются, как правило, вовремя; можем выкраивать средства на текущий ремонт, частичную замену оборудования, поддержания технологий	50	52	53	56	48	52
Предприятие довольно успешно развивается, можем проводить модернизацию производства, расширяться, вводить новые мощности, технологии	14	20	22	24	8	15

¹ Мониторинг экономики образования проводится по заказу ГУ-ВШЭ совместно с Министерством образования и науки РФ. Опрос предприятий в 2010 г. проводился как панельный опрос по спискам предприятий, участвовавших в опросе 2009-го. При невозможности проведения интервью на предприятиях, участвовавших в опросе 2009 г., осуществлялся поиск предприятия аналогичного отраслевого профиля и численности. Общий объем выборки составил около 1000 предприятий из шести секторов экономики: промышленности, связи (кроме почтовой), строительства, торговли (розничной и оптовой), транспорта, сферы «деловых услуг», под которой понимается сфера услуг по информации, маркетингу, рекламе, консалтингу, инжинирингу, производству программных продуктов. Выборка построена таким образом, чтобы было возможно сравнение с предыдущими опросами работодателей, проводившимися в рамках Мониторинга экономики образования.

Общеэкономическая ситуация на предприятиях: факторы риска сохраняются? Общеэкономические условия на предприятиях за последний год стали менее напряженными. Ко второму полугодю 2010-го общеэкономические условия на опрошенных предприятиях в целом улучшались (см. табл. 1). Выросла доля более успешных предприятий, имеющих ресурсы для развития, модернизации (с 8% в 2009 г. до 15% в 2010-м), хотя до кризиса их доля составляла 24%. Одновременно за последний год существенно сокра-

тилось число неблагополучных предприятий, только «сводящих концы с концами».

Ко второй половине 2010 г. были очевидны позитивные тенденции даже в наиболее затронутых кризисом сферах (в частности, на промышленных предприятиях, в малом бизнесе). Самое очевидное исключение составляла строительная отрасль, где ситуация кризиса стала приобретать «хронический» или «продолжительный» характер.

По опросу 2009 г., сжатие, нестабильность **внутреннего** спроса и ограничение **внешних** финансовых ресурсов (даже «коротких») при дефиците собственных средств компаний приводило к тому, что росла доля предприятий, столкнувшихся с неплатежами потребителей, с недостатком оборотных средств, с «избыточностью» налогов, с серьезными трудностями при сбыте продукции. Особенно остро эти явления проявились в строительной отрасли, промышленности, в сфере деловых услуг. Также в наиболее сложных экономических условиях оказался малый бизнес.

Но за последний год наметилась некоторая позитивная динамика, уменьшилось число предприятий, которые испытывают «острую» нехватку оборотных средств, сталкиваются со значительными трудностями при сбыте продукции. Улучшения происходили и в секторах, ранее в большей степени ощутивших кризис (в промышленности, в сфере деловых услуг). Исключение – строительная отрасль, где остается максимальной доля предприятий, испытывающих острый недостаток оборотных средств и сталкивающихся с серьезным сокращением

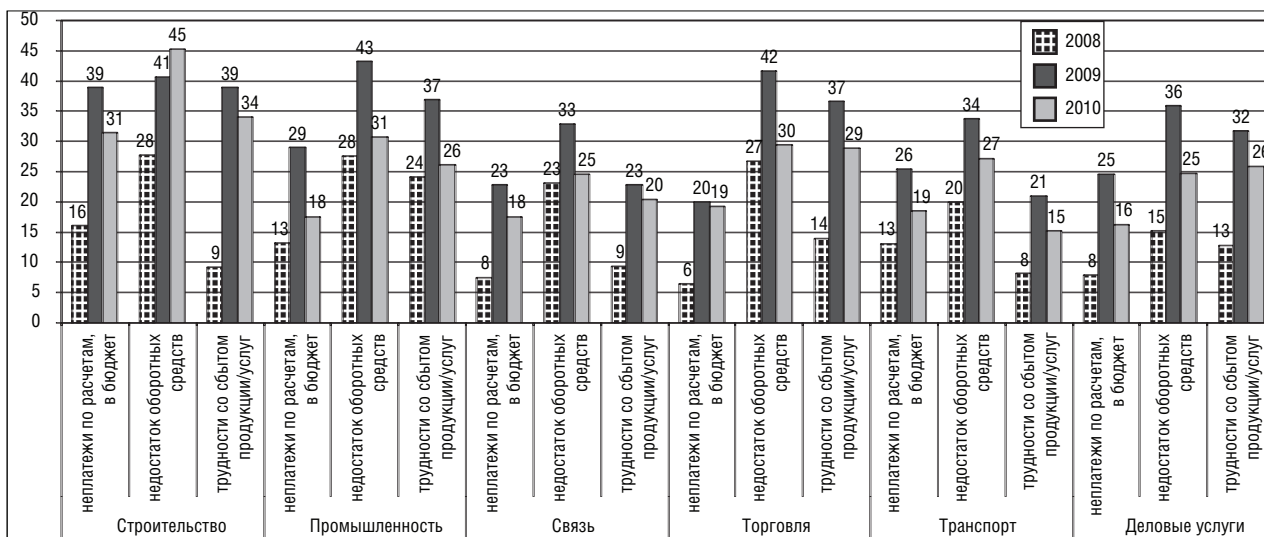
спроса, с неплатежами по уже выполненным работам.

Некоторое облегчение почувствовал и малый бизнес, поскольку оживился спрос на продукцию/услуги (если в 2009 г. о серьезных трудностях со сбытом сообщали на 46% малых предприятий, то в 2010 г. – на 37%). Хотя по-прежнему для малого бизнеса острыми остаются нехватка оборотных средств (для 42% предприятий) и проблема несвоевременных платежей (для четверти предприятий), и это существенно выше докризисных показателей.

Некоторым признаком оживления/улучшения общеэкономической ситуации на опрошенных предприятиях может являться и характер изменений оплаты труда работников. В частности, выросла доля предприятий, где за последний год увеличился уровень оплаты труда (с 26% по опросу 2009 г. до 37% по опросу 2010 г.). Чаше сообщали об увеличении среднего заработка на промышленных предприятиях (на 47% в 2010-м против 32% в 2009-м), на предприятиях связи (на 40% в 2010-м против 33% в 2009-м). «Отстающей» и по данному признаку остается строительная отрасль, где некоторое увеличение среднего заработка отметили 19% предприятий этой отрасли в 2010 г. (для сравнения, в 2009 г. – 20% предприятий).

Одновременно и по результатам регулярных общероссийских опросов населения отмечается сокращение вовлеченности российских семей в такие ситуации, как невыплаты зарплаты, увольнения, а также снижение уровня оплаты труда. Если в апреле 2009 г. 38% респондентов сообщали, что кому-либо из членов их семьи

Рисунок 1
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ПРОБЛЕМ НЕПЛАТЕЖЕЙ, ТРУДНОСТЕЙ СО СБЫТОМ ПРОДУКЦИИ/УСЛУГ, НЕДОСТАТОК ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ (указана доля в % предприятий отрасли, столкнувшихся с этими проблемами)

за последнее время сократили заработную плату, то в ноябре 2010 г. — уже 15%. Если в апреле 2009 г. 25% респондентов сообщали, что кто-либо из членов их семьи за последнее время сократили/уволнили, то в ноябре 2010 г. — уже 8%.

Прогнозы руководителей относительно экономических итогов 2010 г. также выглядят более оптимистично, чем подобные прогнозы предыдущего опроса. Напомним, в 2009 г. ожидала снижения объемов производства/работ почти половина опрошенных руководителей, в 2010 г. снижения ожидают чуть более четверти (28%) опрошенных. А 48% предприятий, как предполагалось на момент опроса, в 2010 г. нарастят объемы производства/работ, хотя значительное увеличение прогнозируют лишь 10% опрошенных¹.

Улучшение общеэкономических прогнозов руководителей компаний происходит также на фоне небольшого увеличения горизонта бизнес-планирования в компаниях. Так, если по опросу 2009 г. подавляющее большинство (54% предприятий) формировало планы развития предприятия менее чем на 12 месяцев, то по опросу 2010 г. доля предприятий с таким минимально коротким горизонтом планирования сократилась до 44%.

Наиболее значительная положительная динамика в экономических прогнозах на 2010 г. отмечалась среди промышленных предприятий (где прогнозировали увеличение объемов производства на 54% предприятий), среди организаций сферы деловых услуг (на 54% организаций), предприятиях связи (на 62% предприятий). Умеренные прогнозы сохранялись в строительстве (37% предприятий прогнозировали увеличение в 2010 г. объемов работ) и на транспорте (39% предприятий). Вместе с тем за последний год снизился пессимизм руководителей как крупного бизнеса, так и малого бизнеса. Напомним, что по опросу 2009 г. наиболее неблагоприятно «чувствовали» себя представители малого бизнеса (они чаще других отмечали снижение объемов работ, недостаток оборот-

ных средств, неплатежи, трудности со сбытом продукции). Но малому бизнесу все же удалось частично адаптироваться к текущим условиям.

Однако пока экономические настроения остаются более пессимистическими, чем были до кризиса, так как масштабы внутреннего спроса и предложения финансовых ресурсов пока не достигли докризисного уровня и проблемы неплатежей, трудности со сбытом продукции, вопросы нехватки оборотных средств на предприятиях по-прежнему довольно распространены.

Тенденции в области политики найма персонала.

Таблица 3
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ДЕФИЦИТА РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПЕРСОНАЛА (доля предприятий, которые сообщили о дефиците определенной категории персонала, в % от числа всех предприятий)

Есть дефицит...	2009	2010
Руководителей функциональных подразделений	3	4
Руководителей линейных подразделений	4	8
Исполнителей высшей квалификации, специалистов функциональных подразделений	4	6
Исполнителей высшей квалификации, специалистов линейных подразделений	10	12
Служащих, офисных работников, технических исполнителей	3	4
Квалифицированных рабочих	28	29

Предприятия выстраивают политику найма, учитывая изменения спроса на продукцию/работу и другие внешние условия, и в течение «кризисных» двух-трех лет они все же постепенно «оптимизировали», адаптировали кадровую структуру к своим текущим потребностям и возможностям (см. табл. 2). Возросла доля предприятий, сообщавших о том, что они имеют сбалансированную численность персонала (63% опрошенных). А проблема дефицита

Таблица 2

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ СИТУАЦИИ ДЕФИЦИТА И ИЗБЫТКА КАДРОВ (в % от числа всех опрошенных предприятий)

Численность занятых на вашем предприятии в целом соответствует потребностям производства или есть проблема избытка или дефицита кадров, в том числе по отдельным категориям персонала?

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Численность соответствует потребностям производства	55	51	48	43	57	63
Есть проблема избытка или дефицита, в том числе по отдельным категориям персонала	45	49	52	57	43	37

¹ Напомним, что опрос проходил в июне-августе 2010 г.

на ряде предприятий в основном по-прежнему связана с двумя основными категориями — специалистами линейных подразделений и квалифицированными рабочими (см. табл. 3). Но за последние два года доля работодателей, сообщавших о дефиците этих категорий персонала, не увеличилась, и уровень дефицита, заявляемый предприятиями сейчас, гораздо ниже, чем был до кризиса.

За последний год спрос на рабочую силу значительно не снижался (по распространенности найма новых работников основных категорий)¹. Но, если сравнить результаты 2008 г. и 2010 г., выросла (с 8% по опросу 2008 г. до 16% по опросу 2010 г.) доля предприятий, которые вообще не нанимали новых работников. И все же спрос на некоторые категории персонала после сокращения восстанавливается — в частности, наем служащих.

Таблица 4
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ НАЙМА РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПЕРСОНАЛА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ 2008–2010 ГГ. (в % от числа всех предприятий)

	2008	2009	2010
Доля предприятий, которые вообще не принимали новых работников за последние 2 года ПРИНИМАЛИ...	8	12	16
руководителей высшего звена, топ-менеджеров (заместителя руководителя предприятия, главных специалистов)	27	26	25
руководителей функционального подразделения	29	29	28
руководителей линейного подразделения	34	32	30
исполнителей высшей квалификации, специалистов функциональных подразделений	38	32	29
исполнителей высшей квалификации, специалистов линейных подразделений	37	32	34
служащих, офисных работников, технических исполнителей	43	35	43
квалифицированных рабочих	77	72	70
неквалифицированных рабочих	51	51	52

По структуре найма работников можно оценить, на какие категории персонала в большей степени снизился спрос в кризисных условиях. Так, по данным опросов последних лет, заметно снизился наем специалистов, особенно специалистов функциональных подразделений: если в

¹ Напомним, что опрос проходил в июне-августе 2010 г.

2008 г. 38% опрошенных предприятий нанимали новых специалистов в функциональные подразделения, то в 2010-м — уже 29% предприятий. По-прежнему чаще всего предприятия нанимали квалифицированных рабочих, что естественно, поскольку это до сих пор наиболее массовая категория сотрудников; при этом доля предприятий, нанимавших рабочих за последние два года, несколько сократилась (см. табл. 4). Сохранение масштабов обновления «этой категории» или «квалифицированных рабочих» ожидаемо еще и потому, что работодатели в наименьшей степени удовлетворены уровнем «профессионализма» рабочих (уровнем профессиональных знаний, трудовой дисциплины и т. д.). Кроме того, на предыдущих этапах исследования отмечалось, что средний возраст квалифицированных рабочих тяготеет к старшим возрастам, в отличие от других категорий работников.

Интересно, что на рынке труда работодатели по-прежнему склонны преимущественно искать работников «широкого профиля» с навыками последующего обучения в компании (в зависимости от вакансии от 60% до 90% предприятий искали бы именно таких работников). Исключение составляют лишь условия поиска специалистов в линейные подразделения и квалифицированных рабочих, особенно для предприятий связи и промышленных предприятий: в этих случаях около 60% работодателей предпочло бы найти «узких специалистов», подготовленных для конкретной вакансии/работы. Однако стремилась бы непосредственно заключить договор на подготовку работников в учреждениях профобразования гораздо меньшая доля работодателей. Так предпочли бы поступить примерно 15–20% работодателей, если речь идет о нужном руководителе для линейного подразделения, и 15–25% работодателей, если речь идет о нужном специалисте для линейного подразделения, также 20–40% работодателей, если же речь идет о нужных квалифицированных рабочих, занятых основной производственной деятельностью. Следует отметить, что в данном случае речь идет о заявленных потребностях, а не о реальном поведении работодателей. На реальные же масштабы «заказов» подготовки нужных специалистов влияет целый ряд ограничений, в том числе ограничения финансовых ресурсов и ограничения предложения нужных образовательных программ, особенно профессиональными училищами и колледжами.

Обращаясь на рынок труда в поисках нужных работников, работодатели возобновили

свой интерес к «молодым специалистам», выпускникам вузов: по результатам последнего опроса в целом выросла доля предприятий, нанимавших выпускников вузов, — с 34 до 38%¹. Такие сигналы отмечались в промышленности, а также со стороны крупного и среднего бизне-

са (см. табл. 5)². Причем львиная доля принятых на эти предприятия выпускников — это выпускники технического, инженерного профиля (70–80%) и экономического профиля (30–40%). Но в целом характер спроса на выпускников различных специальностей (различного профиля)

Таблица 5

НАЕМ ВЫПУСКНИКОВ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В РАЗЛИЧНЫЕ ГОДЫ: СРАВНЕНИЕ ПО ГРУППАМ ПРЕДПРИЯТИЙ РАЗЛИЧНОЙ ЧИСЛЕННОСТИ

	Опрос 2006 г.	Опрос 2008 г.	Опрос 2009 г.	Опрос 2010 г.
Доля (в %) предприятий, нанимавших выпускников вузов				
Крупный бизнес	76	73	64	74
Средний бизнес	56	40	35	44
Малый бизнес	39	29	28	28
Доля (в %) предприятий, нанимавших выпускников колледжей/техникумов				
Крупный бизнес	60	51	47	60
Средний бизнес	42	36	29	30
Малый бизнес	23	23	19	20
Доля (в %) предприятий, нанимавших выпускников профлицеев/профучилищ				
Крупный бизнес	60	60	53	53
Средний бизнес	44	39	34	36
Малый бизнес	30	22	29	26

Таблица 6

ПРОФИЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ НЕДАВНИХ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ, ПРИНЯТЫХ НА ПРЕДПРИЯТИЯ В 6 ОПРОШЕННЫХ ОТРАСЛЯХ (указана доля предприятий, которые принимали выпускников вузов указанного профиля, от числа предприятий отрасли, нанимавших выпускников вузов последних 2 лет, в %)

	Промышленность	Строительство	Транспорт	Связь	Торговля	Деловые услуги
Инженерные, технические науки (строительство, связь, транспорт, машиностроение и т. п.)	85	93	84	84	51	31
Экономика, управление/менеджмент, социология	37	16	32	36	73	53
Информационные технологии, математика	15	2	4	38	13	14
Гуманитарные науки и педагогика (философия, филология, история и т. п.)	1	2	10	16	15	34
Юриспруденция	10	4	14	11	18	19
Естественные науки (физика, химия, биология, география и т. п.)	14	4	0	3	11	5
Медицина	0	0	0	1	4	0
Сервис, туризм, реклама	0	0	0	2	9	5
Другой профиль	6	0	0	0	5	0

¹ В отличие от политики работодателей в отношении выпускников вузов, наем на предприятия выпускников других уровней профессионального образования по-прежнему менее распространен. По опросу 2010 г. фактически нанимали выпускников техникумов/колледжей — 28% от числа всех опрошенных предприятий, а выпускников профлицеев/профучилищ — 31% предприятий. И вновь отмечается сокращение приема выпускников техникумов/колледжей и профлицеев/профучилищ именно в отраслях, которые традиционно активно их нанимали.

прежде всего определяется отраслевой принадлежностью предприятия (см. табл. 6).

² Тем не менее сейчас предприятия нанимают выпускников вузов гораздо реже, чем четыре-пять лет назад. См.: Образование и рынок труда: влияние кризиса. Информационный бюллетень. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 18.

Наем новых работников обычно связан с определенными финансовыми затратами работодателей – как прямыми, так и косвенными. Прямые затраты определяются прежде всего характером дообучения новых работников для полноценного выполнения ими должностных, рабочих обязанностей. За последние два-три года снижалась доля новых работников, которые проходили дополнительное обучение, чтобы начать полноценно работать (см. рис. 2). С одной стороны, это может быть связано с тем, что работодатели стали меньше нанимать, но к подбору персонала стали относиться более тщательно. С другой стороны, работодатели стали «экономнее» (в краткосрочном аспекте) в распределении средств на профессиональную подготовку персонала, они сегодня менее склонны вкладывать в «новичков».

Обычно работодатели проводят краткосрочную подготовку для вновь принятых работников: для «среднестатистического» новичка по-прежнему требуется в среднем один-два месяца дообучения. Но в финансовом отношении более затратными для предприятий, нанимающих новых сотрудников, оказывается, как и раньше, дообучение новичков-специалистов. Чаще всего именно их дополнительное обучение приходилось либо оплачивать через внешние структуры, организующие обучение, либо обеспечивать оплату консультаций более опыт-

ных сотрудников на самом предприятии (см. рис. 3). Квалифицированные рабочие и служащие чаще обучаются на предприятиях простейшим способом – их «прикрепляют» к более опытному работнику (это не требует прямых затрат, поскольку, как правило, дополнительно не оплачивается). За предшествующие четыре года работодатели особенно сокращали использование «платных» форм обучения новичков. Но за последний год, напротив, несколько выросла доля предприятий обратившихся за платными внешними услугами для доподготовки специалистов, служащих, квалифицированных рабочих (см. рис. 3).

Наем новых работников на первых этапах может обернуться для работодателя серьезными экономическими затратами, и сама процедура найма связана с определенным риском. Работодатели стремятся выработать определенные правила отбора кандидатов с целью минимизировать собственные «затраты». Какие критерии представляются работодателям первостепенными в ходе поиска новых работников? При подборе кандидатов остаются «общепринятыми», фактически **обязательными** три основных условия – наличие диплома о профессиональном образовании, опыт работы по специальности или опыт подобной работы, а также успешное прохождение кандидатом собеседования/тестирования.

Рисунок 2
ПОТРЕБНОСТЬ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ ВНОВЬ ПРИНЯТЫХ РАБОТНИКОВ, ПО ОПРОСАМ 2006–2010 ГГ. (% от числа работодателей, осуществлявших наем новых работников)

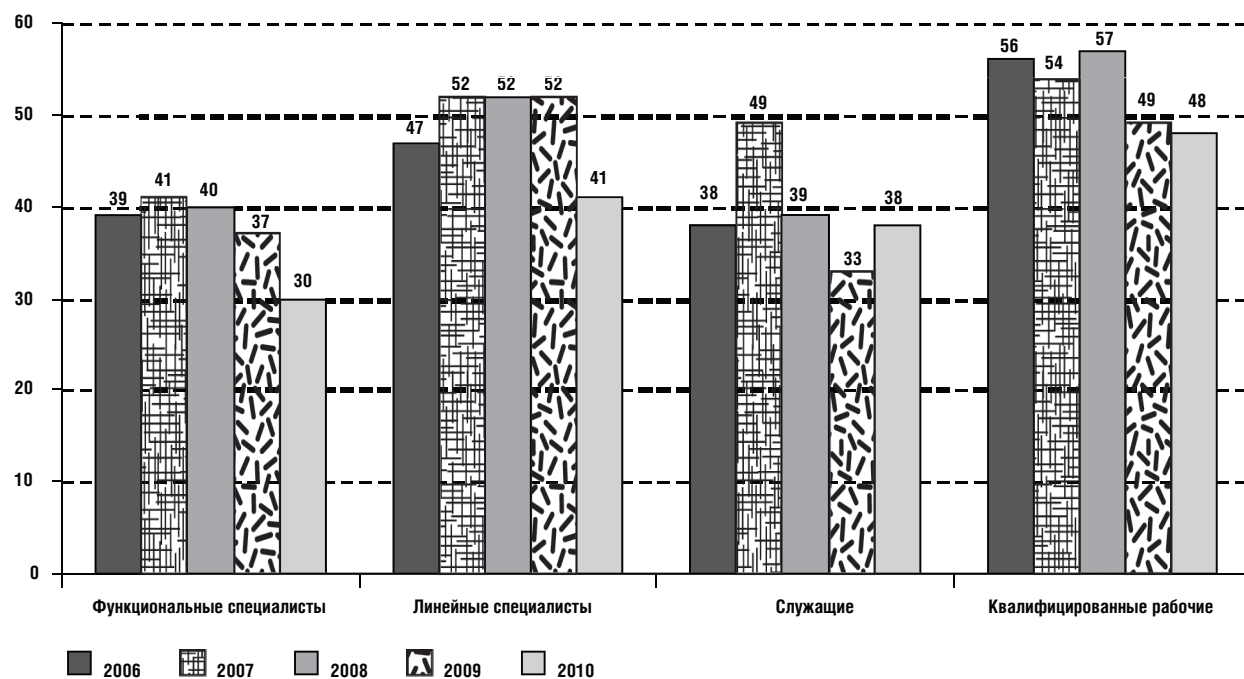
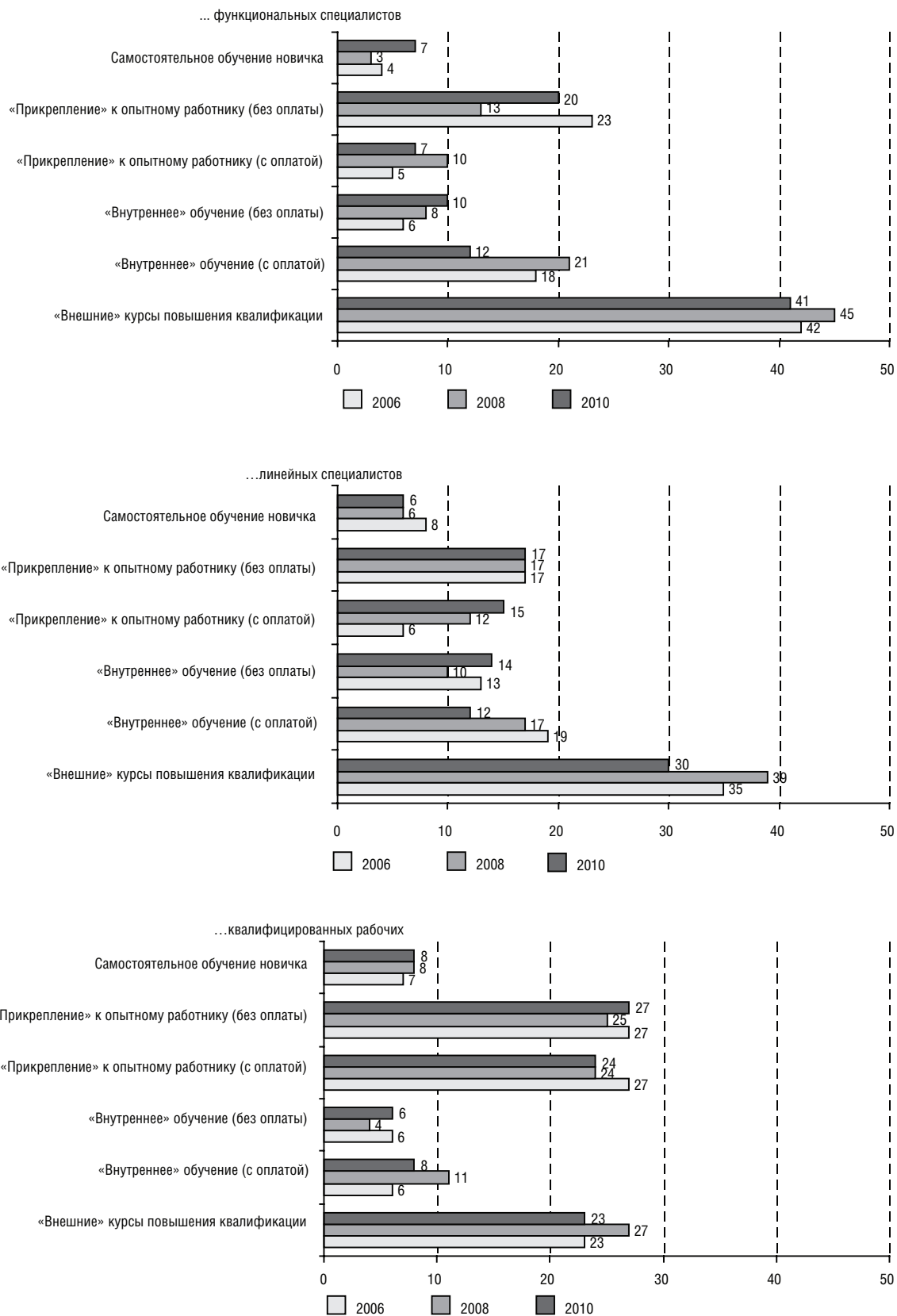

Рисунок 3

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ/ПЕРЕПОДГОТОВКИ НОВЫХ РАБОТНИКОВ, ПО ОПРОСАМ 2006–2010 ГГ. (% от числа работодателей, проводивших обучение вновь принятых работников)

Для массового работодателя само наличие диплома о профессиональном образовании является ключевым, но недостаточным условием: с помощью диплома дифференцировать качество профессиональной подготовки работников по-прежнему сложно. Более того, еще несколько лет назад в ряде секторов (например, в торговле, сфере деловых услуг) для основных категорий квалифицированных специалистов требование наличия диплома о соответствующем профобразовании было более «мягким» (см. табл. 7). В нынешних условиях, по опросу 2010 г., при приеме на работу в этих секторах более распространенным становится уже **обязательное** требование наличия диплома о получении профобразования (предложение выпускников с «нужными» дипломами оказывается достаточным на рынке труда).

Однако оценка кандидата по-прежнему основывается не на внешних источниках (в том числе — диплома), а на внутрифирменной оценке с помощью собеседования/тестирования, прохождения испытательного срока. То,

Таблица 7

ОСНОВНЫЕ ФИЛЬТРЫ ПРИ ПРИЕМЕ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПЕРСОНАЛА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ В ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ ЭКОНОМИКИ (доля предприятий, практикующих указанные требования; в левой части ячейки — данные 2010 г., в правой части — данные 2005 г., в %)

	Отрасль экономики					
	Промышленность 2010/2005	Связь 2010/2005	Строительство 2010/2005	Торговля 2010/2005	Транспорт 2010/2005	Деловые услуги 2010/2005
НЕОБХОДИМОСТЬ НАЛИЧИЯ ДИПЛОМА (СЕРТИФИКАТА) О ПОЛУЧЕНИИ ПРОФОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПРИЕМЕ НА ДОЛЖНОСТЬ/МЕСТО...						
руководителя высшего уровня	90/92	88/86	94/88	82/80	92/93	88/78
руководителя функциональной службы	92/89	83/87	93/93	78/70	87/86	79/72
руководителя линейного подразделения	83/81	78/76	87/86	63/50	77/76	67/55
специалиста/исполнителя функциональной службы	82/80	73/73	86/87	65/61	76/74	70/56
специалиста/исполнителя линейного подразделения	72/72	64/64	77/77	49/48	64/65	60/51
служащего	35/32	37/36	38/41	32/25	36/40	37/32
квалифицированного рабочего	34/41	30/32	39/49	20/32	37/53	27/26
ТРЕБОВАНИЕ НАЛИЧИЯ ОПЫТА РАБОТЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ/ОПЫТА ПОДОБНОЙ РАБОТЫ ПРИ ПРИЕМЕ НА ДОЛЖНОСТЬ/МЕСТО...						
руководителя высшего уровня	91/89	93/85	91/88	85/78	90/90	86/73
руководителя функциональной службы	91/89	93/86	91/90	86/73	94/88	91/72
руководителя линейного подразделения	85/88	88/85	89/89	83/64	92/80	72/62
специалиста/исполнителя функциональной службы	86/87	86/85	87/88	88/74	92/80	80/68
специалиста/исполнителя линейного подразделения	83/86	87/84	88/87	82/78	86/78	77/72
служащего	64/64	67/71	71/73	87/62	79/58	64/59
квалифицированного рабочего	72/69	65/76	73/71	60/77	78/71	58/66

что именно прохождение собеседования/тестирования является определяющим при приеме на работу, связано с тем, что для работодателя особенно важно получить представление как о профессиональной подготовке кандидата, так и о наличии определенного набора личных качеств у него. Запрос работодателей на «личные качества» работников, позволяющие повысить эффективность деятельности компании, становится все более явным, так что при приеме на работу все больше компаний включают его как обязательный критерий. К тому же этот запрос становится тем более «категоричным», чем выше позиция кандидата (см. табл. 8).

А вот распространенность прохождения испытательного срока среди основных процедур отбора кандидата, *даже на более успешных предприятиях*, за последнее время снизилась. Возможно, на ряде предприятий эта форма стала избыточной или менее эффективной, либо же предприятия переходят на другие способы «тестового» приема новичков (например, на срочный договор). Хотя «испытательный срок» пока

что встречается достаточно часто: от 60 до 70% предприятий в зависимости от вида вакансии используют такую процедуру при подборе персонала.

С 2005 г. по 2010 г. работодатели также несколько пересмотрели свои требования и в отношении устных рекомендаций. «Неформальные» (устные) отзывы и рекомендации знакомых и коллег о кандидате стали менее обязательными при выборе кандидатов, особенно в отношении технических исполнителей, служащих, рабочих¹. Наиболее легко проследить эти тенденции на механизмах отбора кандидатов на вакантные места в секторе связи (см. табл. 9).

Как уже отмечалось, наличие диплома о профессиональном образовании это, как правило, ключевое условие на первом этапе отбора кандидатов. Но какие формальные и неформальные признаки диплома (например, о высшем образовании) принимаются во внимание работодателями, т. е. являются значимыми сигналами при оценке профессиональных знаний работника? В частности, насколько значимым сигналом является диплом, полученный выпускником в престижном вузе? Что более предпочтительно для кандидата – иметь диплом магистра или иметь диплом специалиста «традиционного» образца?

Собственно, более сложные сигналы по качеству профессионального образования (в частности, диплом магистра, диплом престижного вуза) пока не воспринимаются массовым работодателем как значимые, которые позволили бы полностью оценить уровень квалификации молодого специалиста. Так, престижность вуза,

оконченного кандидатом, как правило, не дает особых преимуществ при найме на работу, по крайней мере, судя по ответам работодателей (см. рис. 4). За последние четыре года такая позиция стала даже более распространенной среди них. По опросу 2010 г., в 70–80% случаев работодатели (независимо от отраслевой принадлежности) признали, что и у кандидата, имеющего обычный диплом известного вуза, и у кандидата с «красным» дипломом обычного вуза одинаковые шансы получить работу. Напомним, что по опросу 2009 г. такого мнения придерживались 63% опрошенных.

Как известно, нынешняя система высшего образования является смешанной и готовит бакалавров, магистров и специалистов. На двухуровневую систему высшего образования переходит все большее число вузов страны, растет доля работодателей сообщаемых, что имели опыт работы с бакалаврами и магистрами. По данным нашего последнего опроса, 22% руководителей предприятий сообщили, что имели опыт работы с бакалаврами, 16% имели опыт работы с магистрами (по данным опроса 2007 г., ссылались на подобный опыт меньшее число работодателей – 13% и 9% соответственно). Тем не менее работодатели существенно не дифференцируют шансы получения работы для выпускников-бакалавров, выпускников с дипломами специалистов и выпускников-магистров. Например, при выборе молодых специалистов для 81% работодателей не представляется существенным, имеет ли кандидат диплом специалиста или степень бакалавра². Для 86% рабо-

Таблица 8

ДОЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ, ГДЕ СУЩЕСТВУЮТ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЛИЧНЫМ КАЧЕСТВАМ КАНДИДАТА, ПО ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ (доля предприятий, использующих указанные процедуры; в левой части ячейки – данные 2010 г., в правой части – данные 2005 г., в %)

СУЩЕСТВУЕТ ПОДОБНОЕ ТРЕБОВАНИЕ РАБОТОДАТЕЛЯ ПРИ ПРИЕМЕ...	Отрасль экономики					
	Промышленность 2010/2005	Связь 2010/2005	Строительство 2010/2005	Торговля 2010/2005	Транспорт 2010/2005	Деловые услуги 2010/2005
руководителя высшего уровня	63/60	74/71	55/50	65/58	55/49	64/67
руководителя функциональной службы	61/55	72/66	50/44	63/50	55/46	64/63
руководителя линейного подразделения	61/56	68/66	49/42	58/46	50/40	57/60
специалиста функциональной службы	55/53	62/61	44/42	60/52	48/42	63/56
специалиста линейного подразделения	56/55	61/64	52/43	57/58	47/46	60/64
служащего	48/48	56/60	38/38	54/58	36/44	39/61
квалифицированного рабочего	38/43	46/46	30/30	49/54	39/42	41/48

¹ То, что письменные рекомендации для соискателей на вакансии являются пока малораспространенной практикой даже среди наиболее успешных и привлекательных для работников предприятий, отмечалось еще в 2005 г. К данному моменту ситуация не изменилась.

² Мнения работодателей, имевших опыт работы с бакалаврами, и мнения работодателей, еще не работавших с бакалаврами, практически совпадают.

тодателей также неважно, обладает ли кандидат дипломом специалиста или степенью магистра (и у того и у другого одинаковые шансы получить работу при прочих равных условиях). Ведь, по мнению большинства работодателей с опытом общения с магистрами, уровень профессиональной подготовки магистров и «обычных» специалистов – примерно одинаковый.

Интересно, что в целом оценки выпускников вузов работодателями остаются устойчиво «удовлетворительными» (по пятибалльной шкале), и мнения руководителей из разных от-

раслей экономики о профессиональной подготовке выпускников вузов оказываются очень похожими, хотя у них есть опыт найма выпускников вузов различных профилей. Близость оценок работодателей, имеющих опыт работы с выпускниками из разных сегментов, может в определенной степени демонстрировать, что отдельные сегменты системы высшего образования имеют более или менее похожие ограничения в технологиях подготовки молодых специалистов и не вполне учитывают запросы на рынке труда.

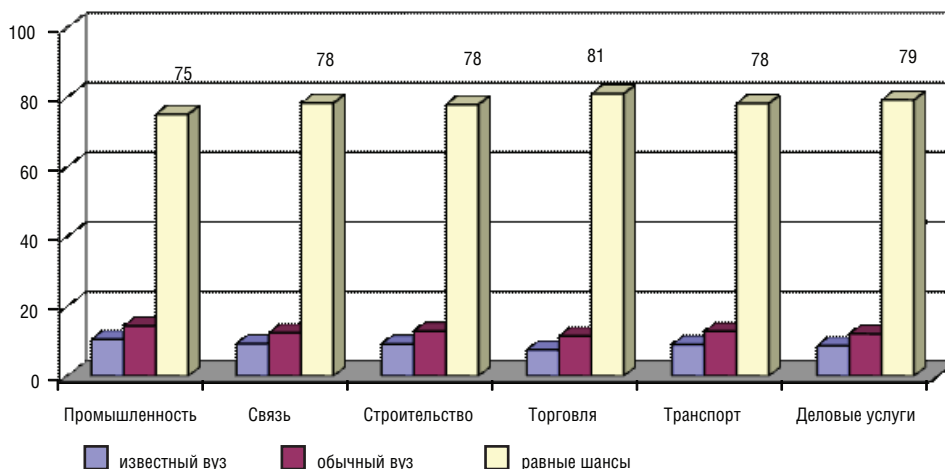
Таблица 9

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ РАБОТОДАТЕЛЯМИ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ В ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ ЭКОНОМИКИ (доля предприятий, использующих указанные процедуры; в левой части ячейки – данные 2010 г., в правой части – данные 2005 г., в %)

	Отрасль экономики					
	Промышленность 2010/2005	Связь 2010/2005	Строительство 2010/2005	Торговля 2010/2005	Транспорт 2010/2005	Деловые услуги 2010/2005
ПРОХОЖДЕНИЕ СОБЕСЕДОВАНИЯ/ТЕСТИРОВАНИЯ КАНДИДАТОМ ПРИ ПРИЕМЕ НА ДОЛЖНОСТЬ/МЕСТО...						
руководителя высшего уровня	84/78	85/81	82/79	90/77	77/78	87/74
руководителя функциональной службы	85/77	89/88	83/80	89/72	76/76	90/71
руководителя линейного подразделения	86/81	84/88	78/80	77/62	77/74	77/68
специалиста/исполнителя функциональной службы	87/82	88/88	80/80	90/75	80/76	88/72
специалиста/исполнителя линейного подразделения	84/79	86/91	72/79	77/80	74/74	79/82
служащего	83/75	88/88	76/75	82/80	78/70	93/78
квалифицированного рабочего	74/69	78/76	63/71	77/77	65/71	72/66
ПРОХОЖДЕНИЕ ИСПЫТАТЕЛЬНОГО СРОКА ПРИ ПРИЕМЕ НА ДОЛЖНОСТЬ/МЕСТО...						
руководителя высшего уровня	58/58	65/67	66/59	61/65	57/64	69/63
руководителя функциональной службы	57/65	65/77	65/61	62/61	57/67	69/70
руководителя линейного подразделения	62/67	69/78	68/65	59/60	58/65	62/66
специалиста/исполнителя функциональной службы	66/69	72/78	65/63	66/70	65/68	70/68
специалиста/исполнителя линейного подразделения	68/72	70/82	66/68	67/78	65/73	70/80
служащего	64/73	66/78	66/57	65/75	60/69	57/82
квалифицированного рабочего	66/78	67/81	63/73	62/79	64/80	66/74
НЕОБХОДИМОСТЬ УСТНОЙ РЕКОМЕНДАЦИИ, ОТЗЫВОВ КОЛЛЕГ ПРИ ПРИЕМЕ НА ДОЛЖНОСТЬ/МЕСТО...						
руководителя высшего уровня	35/38	35/47	41/40	39/39	30/38	38/32
руководителя функциональной службы	34/35	36/48	35/33	36/35	31/38	36/35
руководителя линейного подразделения	30/33	31/48	33/31	30/29	25/31	28/32
специалиста/исполнителя функциональной службы	27/31	28/43	30/33	28/30	22/32	26/32
специалиста/исполнителя линейного подразделения	22/33	28/44	29/30	29/32	24/36	27/37
служащего	18/30	21/35	22/25	25/28	19/27	28/30
квалифицированного рабочего	18/22	21/28	16/21	21/30	17/27	19/24

Рисунок 4

МНЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ НАЕМНЫЕ РАБОТНИКИ, ОБЛАДАЮЩИЕ ДИПЛОМАМИ РАЗЛИЧНЫХ ПО СТЕПЕНИ ИЗВЕСТНОСТИ ВУЗОВ (распределение ответов работодателей на вопрос: «Если бы на одну вакансию на Вашем предприятии претендовали выпускник с обычным дипломом, но окончивший вуз с «громким» именем, и выпускник с «красным» дипломом, но окончивший обычный вуз, при других равных характеристиках кандидатов, кого бы Вы приняли на работу?», в %)

Политика в области профессиональной подготовки персонала: «глубокая заморозка»? Судя по предыдущим зондажам и по последнему опросу, работодатели ощущают потребность в программах профессиональной подготовки персонала. Существует и неудовлетворенность характером профессиональной подготовки в учреждениях профессионального образования (в вузах, колледжах, профучилищах). Но готовы ли работодатели участвовать в решении этих проблем? Что ограничивает их участие? Ведь практическая деятельность руководителей предприятий и организаций в этом направлении снижалась за последние годы, особенно в 2009-м. Вместе с тем относительно затянувшийся для большинства работодателей выход из кризисной ситуации 2008 г. пролонгировал ограниченный интерес к инвестированию в программы профессиональной подготовки персонала, а также способствовал «замораживанию» планов сотрудничества работодателей с образовательной системой.

В частности, еще на предыдущем этапе исследования отмечалось «кризисное» сокращение доли предприятий, осуществляющих переподготовку и повышение квалификации собственного персонала. За последний год ситуация в области повышения квалификации, переподготовки персонала в некоторых секторах существенно не изменилась, а в ряде секторов активность даже снизилась. Так, в строительстве по сравнению с докризисной была существенно свернута активность в области пе-

реподготовки и повышения квалификации, но в основном эти мероприятия по-прежнему касаются переподготовки специалистов и квалифицированных рабочих (см. табл. 10). По экономическим индикаторам сфера связи и сфера деловых услуг в меньшей степени ощутили потери от кризиса. Но и в этих отраслях, ранее активно осуществлявших программы повышения квалификации и переподготовки, за последние два года значительно снизилась активность в области профподготовки персонала (практически по всем категориям персонала).

Вместе с тем в некоторых секторах — в частности, в промышленности, а также в крупном бизнесе — за последний год отмечалась незначительная положительная динамика. Хотя если рассматривать политику профессиональной подготовки этих компаний по отдельным категориям персонала, то наибольшая «ревизия» (сокращение) проведена в отношении программ подготовки квалифицированных рабочих, т. е. по той категории, которая была наиболее проблемной при оценке «дефицита квалификации персонала».

Предприятия, которые все же занимались профессиональной подготовкой персонала, обращались преимущественно в те же структуры и к тем же формам обучения, которые были в практике еще несколько лет назад.

Если переподготовка рабочих чаще осуществлялась внутри фирм — на самих предприятиях, в филиалах, структурах самих предприятий (см. табл. 11), то руководители и специалисты

в основном проходили «внешнее» дообучение — на курсах повышения квалификации, во «внешних» учебных центрах, в компаниях-партнерах, в вузах и др. Организация курсов переподготовки и учебных центров осуществляется тремя основными «игроками», занявшими более или менее устойчивые ниши: во-первых, кадровыми агентствами, тренинговыми/консалтинговыми компаниями и частными консультантами; во-вторых, вузами; в-третьих, компаниями-партнерами, компаниями-смежниками. В целом объем этого рынка сократился, и это очевидно по сокращению доли предприятий, занимавшихся переподготовкой и повышением квалификации персонала за последние два года¹.

За последние несколько лет остаются менее распространенными такие формы подготовки, которые требуют значительных финансовых инвестиций: обучение работников в бизнес-школах, обучение за рубежом, в основном подобные формы подготовки проходят руководители различного статуса.

Разрыв по масштабам профессиональной подготовки персонала между крупным и средним/малым бизнесом стал более значительным за последние два года. Еще до кризиса 2008 г. крупный бизнес обладал достаточными ресурсами для инвестиций в развитие персонала и был наиболее активен при реализации различных программ повышения квалификации, перепод-

Таблица 10

ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОТРАСЛИ, ОСУЩЕСТВЛЯВШИХ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПЕРЕПОДГОТОВКЕ И ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЛА В 2007, 2009 ГГ.¹ (в левой части ячейки — данные 2009 г., в правой части — 2007 г., в %)

	Промышленность 2009/2007	Связь 2009/2007	Строительство 2009/2007	Торговля 2009/2007	Транспорт 2009/2007	Деловые услуги 2009/2007
Руководители	53/56	39/58	37/45	25/35	42/45	29/50
Специалисты	62/57	54/66	45/59	33/37	36/50	44/58
Служащие	29/30	29/32	24/28	18/23	23/29	13/20
Квалифицированные рабочие	44/56	27/32	46/56	21/25	42/48	7/7

Таблица 11

ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕОБУЧЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ РАБОТНИКОВ В 2007 И 2009 ГГ. (в % по столбцу от числа предприятий, осуществлявших переподготовку указанных категорий работников)

	Руководители		Специалисты		Служащие		Квалифицированные рабочие	
	2007	2009	2007	2009	2007	2009	2007	2009
На нашем предприятии, в филиалах, структурах самого предприятия	19	17	20	19	28	34	46	50
В компаниях-партнерах	16	16	14	14	16	12	10	10
На курсах по переподготовке и повышению квалификации, в институтах повышения квалификации, в учебных центрах	67	73	65	73	62	65	47	48
В вузах	11	18	20	16	11	11	3	6
В ссузах или НПО	3	3	4	4	3	4	13	14
В бизнес-школах	16	12	8	5	5	5	1	1
За рубежом	8	3	4	2	1	0	2	0

¹ Следует отметить, что сохраняются межотраслевые различия при выборе предприятиями «внешних» форм переподготовки и повышения квалификации персонала. Так, предприятия связи и деловых услуг чаще организовывали переподготовку персонала, особенно переподготовку руководителей, с помощью компаний-партнеров, кадровых агентств, тренинговых компаний (и эти способы для них становятся более традиционными, чем обращение к «обычным» образовательным институтам). В то время как «традиционные» отрасли (промышленность, транспорт, строительство) все же обращаются чаще к услугам «обычных» образовательных институтов (в том числе к вузам).

Сравнение данных опроса 2008 г. и опроса 2010 г.

готовки и организации стажировок своих работников. За последние два года крупный бизнес в наименьшей степени сворачивал программы повышения квалификации и переподготовки персонала (если судить по доле предприятий, занимавшихся переподготовкой и повышением квалификации). В 2009 г. 86% крупных предприятий организовывало повышение квалификации, переподготовку, стажировку для своих

сотрудников. Хотя за последний год предприятия среднего бизнеса частично восстановили программы повышения и переподготовки персонала, но все же разрыв в этой сфере между крупным и средним бизнесом по всем основным категориям персонала стал более значительным, чем до кризиса 2008 г. (см. табл. 12). Вместе с тем общая тенденция, наблюдаемая и в крупном и в среднем бизнесе, — это сокращение масштабов переподготовки наиболее «проблемных» квалифицированных рабочих.

По-прежнему крупный бизнес использует как более разнообразные формы «внутренней» подготовки, так и «внешние» формы подготовки/повышения квалификации персонала (в том числе в бизнес-школах, вузах). Достаточно показательным сравнением форм переподготовки и повышения квалификации «ключевых» категорий работников — квалифицированных рабочих и специалистов, которые реализуют предприятия крупного и малого бизнеса (см. табл. 13).

Малый бизнес изначально имел наиболее ограниченные возможности и активность в

области переподготовки и повышения квалификации персонала. По опросу начала 2008 г. примерно половина предприятий малого бизнеса реализовывала те или иные программы профессионального образования персонала. За последние два года масштабы переподготовки персонала в малом бизнесе лишь сокращались (см. табл. 12).

Результатом снижения масштабов профессиональной подготовки и повышения квалификации персонала стало то, что к 2010 г. чуть менее двух третей опрошенных предприятий осуществляли мероприятия в этой области. За последние два года душевые расходы на профессиональную подготовку (т. е. расходы в расчете на одного занятого на предприятии) снизились на 7–8%. Если по опросу 2008 г. расходы предприятий на профподготовку, повышение квалификации одного работника составляли в среднем 1182 рубля, то по опросу 2010 г. средний душевой уровень расходов составил 1099 рублей. И хотя наибольший относительный рост за два года по показателю душевых

Таблица 12

ИЗМЕНЕНИЕ МАСШТАБОВ ПЕРЕПОДГОТОВКИ, ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ, СТАЖИРОВОК В КРУПНОМ, СРЕДНЕМ И МАЛОМ БИЗНЕСЕ, 2007 И 2009 ГГ. (в %)

	Малый бизнес		Средний бизнес		Крупный бизнес	
	2007	2009	2007	2009	2007	2009
Доля предприятий, проводивших переподготовку, повышение квалификации, стажировку персонала	51	48	74	65	86	86
ДОЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОРГАНИЗОВЫВАВШИХ ПЕРЕПОДГОТОВКУ ДЛЯ СЛЕДУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ ПЕРСОНАЛА:						
руководители	23	22	50	43	67	60
специалисты	33	30	50	48	70	70
служащие	12	13	29	25	38	34
квалифицированные рабочие	27	21	47	34	65	58

Таблица 13

СРАВНЕНИЕ ФОРМ ПЕРЕПОДГОТОВКИ РАБОТНИКОВ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ И НА КРУПНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: СРАВНЕНИЕ 2007 И 2009 ГГ. (доля предприятий, осуществляющих переподготовку указанных категорий работников, в левой части ячейки — данные 2007 г., в правой части — 2009 г., в %)

	Переподготовка квалифицированных рабочих		Переподготовка специалистов	
	Малый бизнес	Крупные предприятия	Малый бизнес	Крупные предприятия
На самом предприятии	48/41	56/60	10/9	30/28
В компаниях-партнерах	15/10	11/12	10/20	14/12
На курсах по переподготовке и повышению квалификации, в учебных центрах	38/39	54/45	60/60	79/70
В вузах	3/1	7/8	19/19	21/34
В ссузах, НПО	7/12	15/11	2/1	3/6
В бизнес-школах	0/2	0/0	6/10	6/8
За рубежом	0/1	1/0	5/0	1/5
Другое	3/1	2/3	0/2	5/1

расходов на профессиональную подготовку персонала отмечается в такой отрасли, как связь (см. рис. 5)¹, но пока «лидером» по *душевым расходам* на профподготовку, повышение квалификации персонала остается сфера деловых услуг. Следует, однако, отметить, что именно в

названном секторе этот показатель за последние два года максимально снизился. А вот по промышленности, строительству и транспорту сохраняются относительно *низкие душевые* показатели расходов.

Рисунок 5
ФИНАНСОВЫЕ ЗАТРАТЫ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРЕПОДГОТОВКУ СВОИХ РАБОТНИКОВ В РАЗРЕЗЕ ОБСЛЕДОВАННЫХ ОТРАСЛЕЙ (затраты на одного работника, в % к среднему уровню затрат)

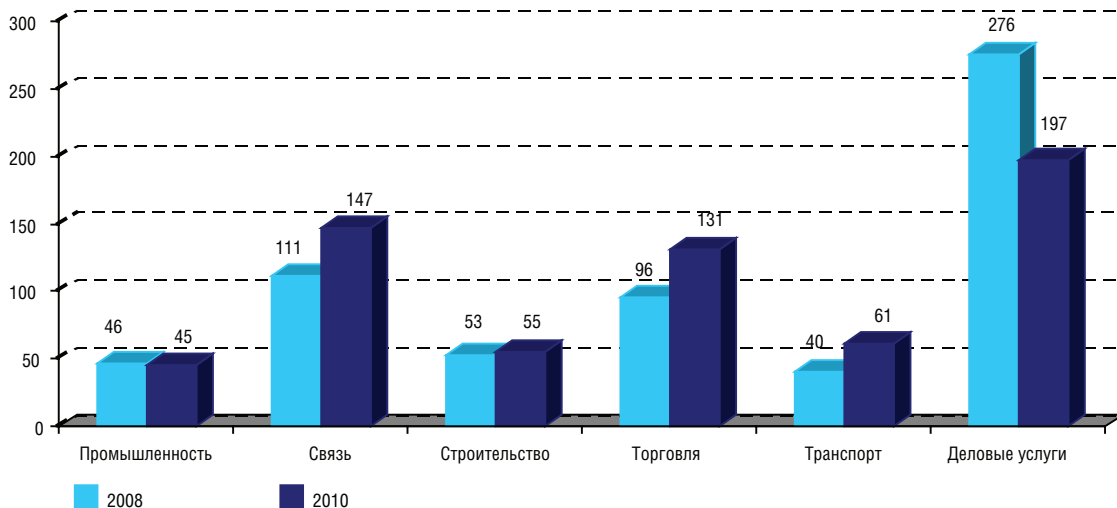
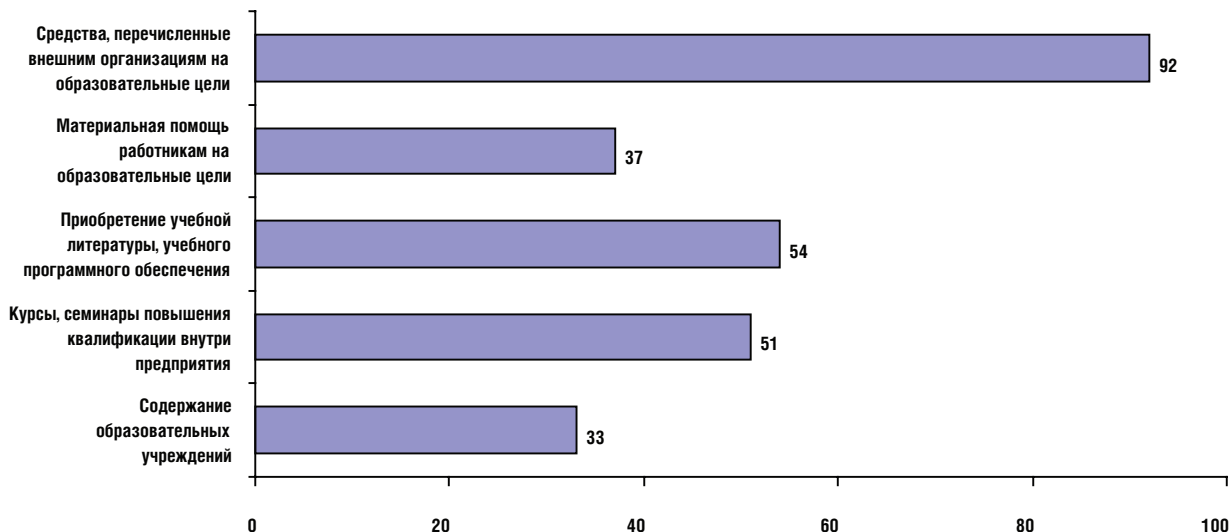

Рисунок 6
ДОЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ, ИМЕВШИХ ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ЗАТРАТ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ В 2009 Г. (в % от числа предприятий, имеющих затраты на профессиональную подготовку, повышение квалификации работников)

¹ На предыдущих этапах были разработаны относительные индексы для проведения сравнительного анализа размеров затрат на профподготовку, повышение квалификации персонала по группам предприятий, в частности по отраслям. Сопоставление уровней финансовых затрат по группам предприятий проводилось на основе расчета соотношения душевого уровня затрат по данной группе предприятий к среднему по всем опрошенным предприятиям. См.: Спрос на рабочую силу – мнения работодателей. Информационный бюллетень. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 33.

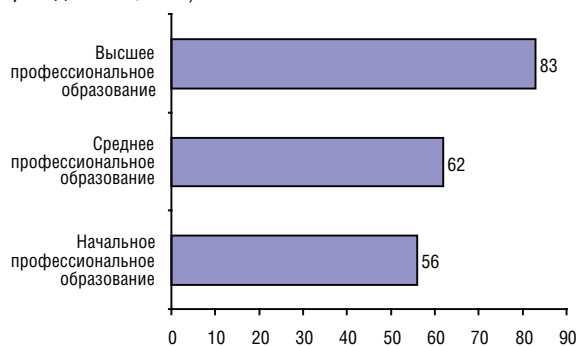
Если исследовать структуру расходов предприятий по распространенности основных видов образовательных инвестиций, то львиная доля – это непосредственно оплата образовательных услуг сторонним организациям (см. рис. 6). По-прежнему работодатели чаще

направляют средства за обучение, повышение квалификации, переподготовку сотрудников напрямую во «внешние» организации и гораздо реже – в виде материальной помощи работникам (в частности, в 2009 г. 37% работодателей, занимавшихся профподготовкой персонала, предоставляли такую помощь работникам). А вот расходы на организацию учебных семинаров, тренингов, курсов повышения квалификации *внутри предприятия* (без привлечения и оплаты сторонних лиц) были примерно у половины работодателей, занимавшихся профподготовкой своего персонала в 2009 г.

Более редки – затраты на содержание образовательных учреждений (как собственных, так и внешних)¹.

Характер сотрудничества работодателей с системой профессионального образования. Если рассматривать отдельно расходы предприятий, связанные с профессиональной подготовкой и повышением квалификации, перечисленные во «внешние» *традиционные* образовательные институты, то чаще всего работодатели перечисляли средства в вузы, гораздо реже – в профессиональные училища, лицеи (см. рис. 7).

Рисунок 7
ДОЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ, ПЕРЕЧИСЛЯВШИХ СРЕДСТВА В УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ В 2009 Г. (от числа предприятий, перечисляющих средства «внешним» образовательным учреждениям, в %)

В целом же в 2009 г. показатели, характеризующие активность сотрудничества работодателей с образовательной системой (по финансированию подготовки работников, по участию в проведении стажировок и практик студентов, в организации дней открытых дверей и др.), после значительного снижения в течение 2005–

2008 г. существенно не менялись. (Напомним, что в кризисный период работодатели продолжали сворачивать программы сотрудничества с учреждениями профессионального образования разных уровней по всем основным формам сотрудничества.)

В 2009 г. только треть от числа *всех опрошенных* предприятий финансировала профессиональное обучение своих работников в той или иной форме. Чаще всего предприятия расходовали средства на подготовку работников на учебных курсах, курсах профподготовки, повышения квалификации/переподготовки (26% предприятий). Вторым по распространенности оставалось финансирование получения работниками основного профессионального образования в вузах (10% предприятий). Все реже работодатели финансировали профессиональное обучение своих работников в техникумах, профессиональных училищах. Вместе с тем есть отдельные сектора, где за 2009 г. стали активнее финансировать подготовку персонала по разным программам. Некоторая положительная динамика отмечается для крупного бизнеса, а также в промышленности. Но для других секторов характерна обратная тенденция. Таким образом, кризисное снижение 2008 г. в целом пока преодолеть не удалось.

Практически не изменился характер активности работодателей в организации стажировок, практик для студентов на предприятиях – другой основной формы сотрудничества. По итогам 2009 г. только одно из пяти опрошенных предприятий (22%) участвовало в организации стажировок, практик для студентов вузов. Аналогичны масштабы организации стажировок и для учащихся техникумов, профессиональных училищ.

На предшествующих этапах исследования были выделены три группы отраслей по характеру сотрудничества с системой профобразования: традиционные отрасли, инновационные отрасли и торговля как отдельная группа. Что происходило в этих группах за последнее время? (См. рис. 8.1–8.3.)

В первой группе традиционных отраслей, включающей промышленность, транспорт и строительство, до кризиса были распространены разнообразные формы сотрудничества с учреждениями различных уровней – вузами, техникумами, профучилищами. После серьезных сокращений в 2008 г., в 2009-м промышленные предприятия и предприятия транспорта несколько расширили свое сотрудничество с системой профобразования. У промышлен-

¹ По опросу 2010 г. не более четверти предприятий имеют свои «собственные» структуры профессиональной подготовки, в том числе у 9% предприятий – учебный центр профессиональной подготовки и у 10% предприятий – учебные курсы, курсы профподготовки, повышения квалификации или переподготовки.

ных предприятий также наметилось некоторое оживление и в планах сотрудничества на 2010–2011 г., но только в том, что касается работы с вузами (см. рис. 8.1). А вот в строительстве в 2009 г. продолжали сокращать сотрудничество с учреждениями системы профессионального образования – впрочем, планы на сотрудничество с образовательной системой на 2010–2011 г. у предприятий этой отрасли весьма скромны (что в немалой степени объясняется затянувшимся выходом этой отрасли из кризиса).

Во второй группе, группе инновационных отраслей, находились связь и сектор деловых услуг. В докризисный период эти отрасли демонстрировали наиболее эффективные механизмы сотрудничества, устанавливая тесные связи со студентами еще на этапах обучения

– с помощью активного участия в ярмарках вакансий, днях открытых дверей, в организации стажировок и практик. Обычно активно сотрудничавшая с вузами и техникумами отрасль связи в 2008 г. сократила масштабы подобного сотрудничества. Но в 2009 г. в результате некоторого оживления спроса на новых работников частично восстанавливалось сотрудничество с вузами (в форме более активного участия в ярмарках вакансий, днях открытых дверей). Относительное оживление отмечалось и в планах сотрудничества предприятий связи с вузами на следующий год (см. рис.8.1).

Напротив, в сфере деловых услуг, после значительного сокращения масштабов сотрудничества с вузами в 2008 г., за 2009 г. практически не произошло изменений. Более того, в этом

Рисунок 8.1

ПЛАНЫ ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВУЗАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ, ПО ОПРОСАМ 2008–2010 ГГ. (доля предприятий, в %)

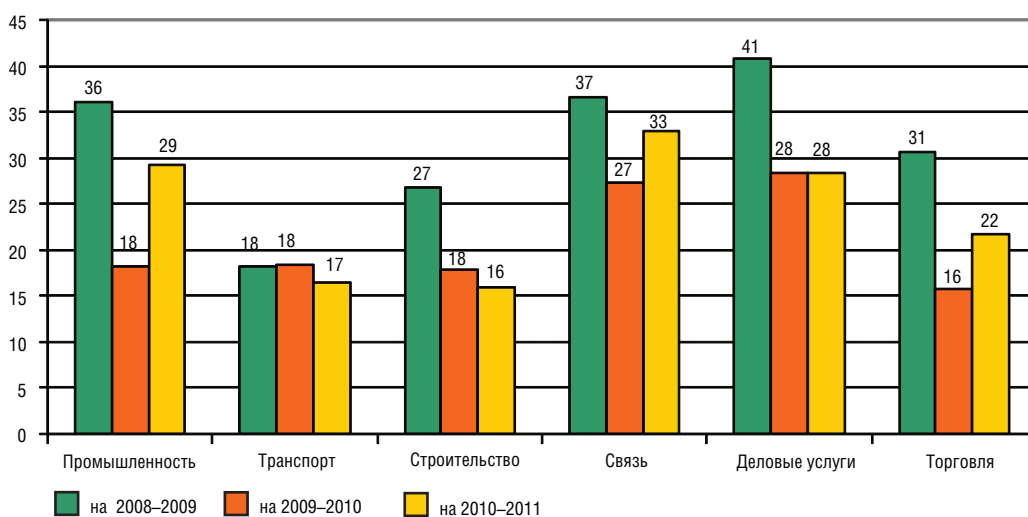

Рисунок 8.2

ПЛАНЫ ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ С КОЛЛЕДЖАМИ, ТЕХНИКУМАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ, ПО ОПРОСАМ 2008–2010 ГГ. (доля предприятий, в %)

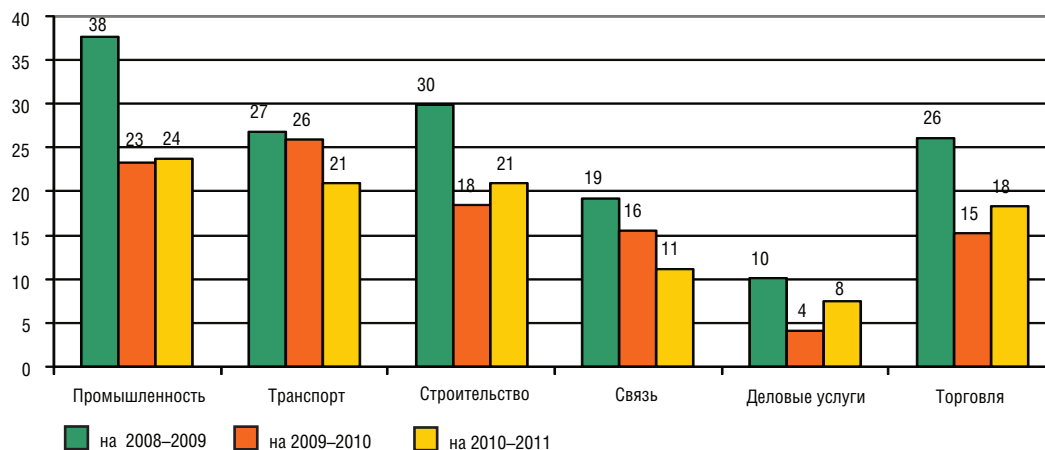
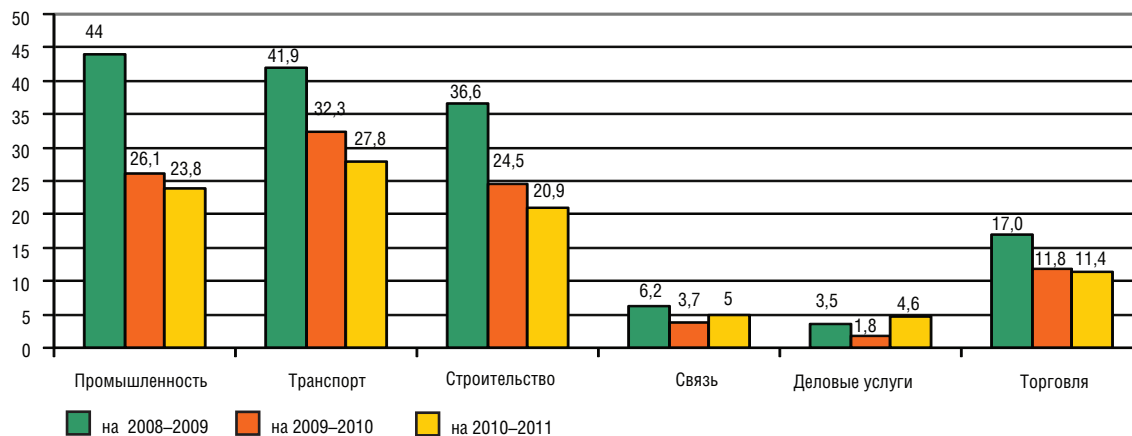

Рисунок 8.3

ПЛАНЫ ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ УЧИЛИЩАМИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ЛИЦАМИ ПО ГРУППАМ ОТРАСЛЕЙ, ПО ОПРОСАМ 2008–2010 ГГ. (доля предприятий, в %)

секторе планы на расширение сотрудничества после их существенного свертывания остаются весьма ограниченными.

В целом же группировка отраслей по характеру (запросам) и активности сотрудничества с образовательной системой сохраняется. Так, наименьшая активность и низкая заинтересованность в сотрудничестве с учреждениями профобразования наблюдается со стороны торговых организаций. Группа традиционных отраслей, напротив, имеет запросы и интерес к сотрудничеству с учреждениями профобразования разного уровня – вузами, техникумами, профессиональными училищами. Здесь частично восстанавливают как прямые (заключение договоров на подготовку специалистов), так и другие основные формы сотрудничества. (Среди традиционных отраслей лишь в строительстве пока значительно ограничены программы сотрудничества.) Группа инновационных отраслей в основном фокусирует на вузах свои программы сотрудничества и при определенных условиях намерена их развивать.

По результатам опроса несколько оживляется интерес работодателей к сотрудничеству с вузами, хотя происходит это лишь в нескольких секторах экономики. Но пока это весьма слабые сигналы. Что касается системы среднего и начального профессионального образования, то после резкого «кризисного» снижения интерес к сотрудничеству со стороны работодателей остается на низком уровне практически во всех секторах, в том числе традиционно активно сотрудничавших – промышленность, строительство. В целом кризисное снижение 2008 г. по масштабам сотрудничества работодателей с образовательной системой преодолеть не удалось.

Подобное «замораживание» планов сотрудничества работодателей с образовательной системой не в последнюю очередь связано с еще ограниченными финансовыми ресурсами для инвестирования в совместные образовательные программы, но не только. Меняются и установки работодателей относительно форм сотрудничества с вузами, колледжами и профессиональными училищами не в пользу «прямых» форм. В частности, все меньше оказывается доля руководителей, которые предпочли бы при наличии финансовых ресурсов заключать договоры с вузами на подготовку нужного руководителя или специалиста («узкого», специализированного работника). Возможно, для предприятий становится менее эффективным такое инвестирование средств в подготовку специалистов, а более приемлемым представляется поиск работников на рынке труда (в том числе и молодых специалистов). Или работодатели пока не могут наладить взаимовыгодный диалог с вузами? Каков может быть «желаемый» характер сотрудничества работодателей с вузами, можно попробовать определить по ответам руководителей предприятий на вопрос о том, по каким критериям выбирался бы вуз для подготовки нужных специалистов.

В ходе предыдущих этапов исследования¹ было выявлено несколько основных факторов, которые могут определять выбор вуза предприятиями (в частности, «высокий рейтинг вуза», «хорошо налаженные связи с вузом», «фундаментальность профподготовки / принадлежность к определенной академической школе», «возможность влиять на содержание программ подготовки»). Нынешний опрос выявил

¹ Спрос на рабочую силу – мнения работодателей. Информационный бюллетень. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 58.

некоторые изменения в предпочтениях работодателей (см. табл. 14). Так, выделяется группа работодателей, которые при выборе вуза прежде всего руководствовались бы внешними формальными его оценками, т. е. рейтингом. Но сторонников такого принципа выбора стало меньше.

Таблица 14

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВУЗОВ, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ВЫБОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА О ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА «ПОД ЗАКАЗ» (доля руководителей, которые бы выбирали вуз на основании указанных критериев, в %)

	2006	2008	2010
Положительные рекомендации и отзывы знакомых, коллег	33	30	36
Высокий рейтинг вуза	30	42	25
Высокая плата за обучение	0	1	2
Возможность работодателя влиять на содержание программ, выбор перечня дисциплин	50	42	42
Территориальная близость	28	23	21
Возможность выбора удобного графика обучения (по времени)	29	26	26
Хорошо налаженные связи с вузом	29	28	39
Трудоустройство выпускников прошлых лет в успешных и престижных компаниях	12	16	16
Приемлемый/низкий уровень платы за обучение	12	13	15
Фундаментальность подготовки, наличие академической школы	43	53	51

Наиболее массовым критерием выбора остается «фундаментальность подготовки в вузе / принадлежность к академической школе». Эти оценки руководство предприятия часто формирует по собственному опыту сотрудничества или по рекомендациям коллег о вузах. Доля работодателей, которые связывали бы свой выбор вуза с опытом предыдущего сотрудничества с вузами, т. е. на основе собственной оценки (и выбирали бы вуз, с которым «хорошо налажены связи»), выросла.

Таким образом, работодатели скорее всего будут делать выбор на основе своих внутренних критериев и опыта сотрудничества с вузами, учитывая возможность вести с ними диалог, «переговоры» по конкретным запросам на подготовку нужных специалистов, влиять на программы профподготовки, тогда как доверять внешним оценкам и рейтингам они станут реже. За последнее время, судя по характеру ответов, такие условия становятся для руководителей предприятий все более важными. Вопрос в том, готовы ли сами вузы к подобному формату сотрудничества.

По прогнозам 2011 г. обещает быть не легче, чем 2010-й, в связи с целым набором условий, вступающих в силу именно в 2011 г. Так, рост социальных налогов, ожидания роста цен производителей, отсутствие факторов опережающего роста спроса на продукцию/услуги могут привести к очередным «урезаниям» бюджетов, направляемых на решение кадровых вопросов (и что касается найма персонала, и что касается вопросов подготовки имеющихся работников). По опросам работодателей вопросы развития персонала все же не являлись первоочередными и в докризисный период, сейчас тем более. Одни предприятия заняты вопросами выживания при отсутствии ресурсов для развития, другие же, даже при наличии ресурсов для развития предприятия, находятся в режиме ожидания из-за неустойчивости тенденций. При этом сами работодатели декларативно стремятся на рынке труда запрашивать от работника все больше.

К чему может приводить продолжительная «заморозка» программ по развитию персонала? К торможению процесса накопления профессиональных компетенций. А следовательно, качество предложения рабочей силы (к которому у работодателей уже сейчас есть вопросы) не поменяется в лучшую сторону. В массовых масштабах установка самих работников на повышение квалификации, на дополнительное профобразование маловероятна (об этом свидетельствуют данные опросов работающего населения).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛАРУСИ В ЗЕРКАЛЕ МАССОВЫХ ОПРОСОВ

Сергей НИКОЛЮК

«Веселые» президентские выборы в Беларуси

Либерализация, начатая белорусской властью осенью 2007 г., не выдержала испытания Площадью. В ходе пресс-конференции, состоявшейся 20 декабря (на следующий день после «кровавого воскресенья»), Лукашенко отметил, что для защиты страны и ее будущего силовым министрам «понадобилось семь с половиной минут». Этого же временного промежутка, судя по последовавшим за силовой акцией на площади Независимости событиям, хватило и для смены политического курса.

Причины, заставившие авторитарный белорусский режим приступить к либерализации, были подробно рассмотрены в статье «Белорусское зеркало»¹. Обратимся к табл. 1, составленной с помощью поисковика сайта самой многотиражной государственной газеты республики «Советская Белоруссия» и позволяющей зафиксировать две волны либерализационной риторики. Первая волна накрыла Беларусь в 2001 г. накануне президентских выборов. Ее появление было связано с недостатком ресурсов, которыми располагала власть. Отсюда соответствующий раздел в предвыборной программе Лукашенко: «Либерализация экономики, стимулирование предпринимательской активности человека. Будет упрощен процесс регистрации предпринимательских структур, прежде всего производственных и оказывающих услуги

населению. Контроль производственных предприятий и фирм будет осуществляться 1 раз в год, других предприятий – 2 раза в год. Число лицензируемых видов деятельности будет сокращено до 10–12».

Но трехкратное «будет» так и не трансформировалось за пятилетку в реальность, данную предпринимателям непосредственно в ощущениях. Причину невыполнения предвыборных обязательств бессменного главы государства следует искать в изменении внешнего экономического контекста, связанного с ростом мировых цен на нефть. Главной характеристикой «сильного государства» в условиях перераспределительной экономики является его способность концентрировать ресурсы. Табл. 2 позволяет нам оценить динамику силы белорусского государства начиная с 1995 г. Следует обратить внимание на скачкообразный рост доходной части бюджета в 2003 г. (+10,7 п.п.). Он был вызван запуском на полную мощность белорусского «нефтяного офшора», работающего за счет продажи нефтепродуктов, изготовленных из бесплошной российской нефти. Этот скачок и свел на нет первую волну либерализации. В 2008 г. государству удалось сконцентрировать под своей бюджетной «крышей» более половины ВВП.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО СТАТЕЙ СО СЛОВОМ «ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ», ОПУБЛИКОВАННЫХ В ГАЗЕТЕ «СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ»

2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
29	14	8	2	3	5	3	40	72	62

¹ См.: Вестник общественного мнения. 2009. № 2 (100). С. 96–102.

Таблица 2

ДОХОДЫ КОНСОЛИДИРОВАННОГО БЮДЖЕТА (% ВВП)

1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010*
29,2	33,5	33,0	33,4	44,1	47,4	47,4	48,4	49,6	51,2	45,9	45,0

* За 11 месяцев

В 2009 г. под воздействием мирового кризиса¹ и снижения желания Кремля субсидировать белорусскую экономику пошел обратный процесс. Он и принудил власть погнать вторую волну. Внешним показателем ее успешности служит зафиксированное Всемирным банком и Международной финансовой корпорацией перемещение Беларуси по шкале легкости ведения бизнеса за три года с 115-го на 68-е место (Россия по итогам 2010 г. оказалась на 120-м месте).

Больше кандидатов хороших и разных. Понятно, что либерализацию, одной из целей которой является привлечение внешних инвестиций, невозможно ограничить чисто экономической рамкой. Тут требуется расширение и рамки политической или хотя бы достаточно убедительная ее имитация. С этой целью в конце 2009 г. в Беларуси была проведена либерализация избирательного законодательства «с учетом рекомендаций ОБСЕ», что не помешало на местных выборах в апреле отфильтровать 98,8% кандидатов в депутаты от оппозиционных политических партий.

О том, что при новой законодательной форме власть сумела в апреле полностью сохранить старое содержание, свидетельствует и оглашенный ЦИК показатель явки. Он оказался традиционно высоким – 79,5% (по опросу НИСЭПИ – 65%)². Казалось бы, после отмены на местных выборах 50-процентного порога явки у власти не должна была возникнуть потребность искусственно завышать явку. Тем более что наблюдателям осуществлять контроль количества проголосовавших проще, чем контроль результатов голосования. С этим было согласно большинство независимых аналитиков накануне выборов. Но они не учли, что целью авторитарной власти являлась не просто победа собственных назначенцев, но и демонстрация единства нации, сплоченной вокруг своего лидера.

¹ В президентском послании 2010 г. содержится прямое указание на связь либерализации с мировым кризисом: «Мы оперативно приняли меры по минимизации негативных последствий кризиса, укреплению банковской системы, недопущению разгула спекулятивного капитала, стимулированию экспортеров, товаропроизводителей, либерализации условий хозяйственной деятельности» // <http://www.president.gov.by/press86215.html>

² Все социологические данные по Беларуси взяты на сайте НИСЭПИ <http://www.iisepts.org>

Местные и парламентские выборы традиционно проходят в Беларуси в «скучном» (Лукашенко) режиме. Мобилизацией электората власть не занимается. Государственные СМИ практически безмолвствуют, ограничиваясь лишь информированием населения по поводу плановых телодвижений ЦИК. Однако пенсии и зарплаты при этом ускоряют рост. Мобилизация электората – дело небезопасное. Мобилизуя сторонников, власть автоматически мобилизует противников (поляризация общества – один из обязательных атрибутов электоральной мобилизации).

Что касается президентских выборов, то маховик мобилизации начинает раскручиваться в Беларуси задолго до официального старта избирательной кампании. Одновременно с ним раскручивается и маховик политических репрессий, направленных против партийных и гражданских активистов, а также негосударственных СМИ. Ограничусь одним лишь примером: в 2006 г. накануне основного дня голосования превентивному аресту было подвергнуто около 1000 человек, практически все – за мелкое хулиганство.

Число превентивных задержаний в 2010 г. было на два порядка ниже. Не оправдались и страхи в партийных штабах по поводу возможной нерегистрации оппозиционных кандидатов в президенты. Новую (либеральную) стратегию власти накануне старта избирательной кампании огласила бессменный председатель ЦИК Лидия Ермошина: «Мы будем регистрировать всех, поверьте. За уши будем тянуть! Поскольку заинтересованы в том, чтобы выборы были веселые, активные»³. Свою заинтересованность в максимальном количестве конкурентов выразил публично и Лукашенко: «Нам нужно обратиться к людям и попросить: пусть они отдадут подписи и за альтернативных кандидатов. Они хотят идти на выборы. Пусть идут. Нужно объяснить людям, чтобы они поддержали и их»⁴.

Подтверждая взятый курс на «веселые выборы», в сентябре ЦИК зарегистрировал 17 из 19 инициативных групп по сбору подписей, в том числе все восемь инициативных групп

³ http://www.gazetaby.com/index.php?sn_nid=31145

⁴ <http://www.ctv.by/news/-news=45470>

представителей оппозиции. В 2001 г. было зарегистрировано 22 инициативные группы из 26, но только четырем удалось собрать более 100 тыс. требуемых по закону подписей. Показатель 2006 г. — восемь инициативных групп из 14. Кандидатами в президенты стали четыре человека. Отметим, что численность инициативных групп у всех четырех была больше 3 тыс. человек. В 2010 г. только у двух кандидатов численность инициативных групп превышала «критическую»: у лидера Либерально-демократической партии Сергея Гайдукевича (позже снял свою кандидатуру) — 10 483 человека, у Александра Лукашенко — 8403 человека. Третью по численности инициативную группу собрал лидер гражданской кампании «Говори правду!» поэт Владимир Некляев — 2575 человек.

За месяц, отведенный на сбор подписей, необходимое количество автографов сдало 11 инициативных групп, среди них оказалась и группа предпринимателя из Витебска Владимира Провальского, численность которой составляла всего 187 человек. В отличие от прошлых выборов не было отмечено случаев, чтобы милиция мешала собирать подписи, хотя сборщики подписей располагали свои пикеты в самых людных местах. Отдельные попытки местных властей действовать в привычном ключе были пресечены ЦИК. Не остались в стороне и государственные СМИ. Вот лишь одна цитата из «Советской Белоруссии»: «Например, в Минске хотели включить в неразрешенные места подземные переходы, но по настоянию ЦИК это ограничение отменяется. Осень, рассуждала Лидия Ермошина, вдруг ненастье... Также пикеты разрешат в зданиях рынков, вокзалов, торговых центров»¹.

Контроль подписей прошел в щадящем режиме. Единственным исключением оказался витебский предприниматель. Глава ЦИК прокомментировала его снятие тем, что из 108 тыс. подписей подлинными были признаны лишь 118! Из 6798 подписных листов, переданных в районную комиссию (инициативная группа предпринимателя собирала подписи только в одном районе г. Витебска), большинство оказалось ксерокопиями. В итоге удостоверения кандидатов в президенты 18 ноября получили 10 человек. Наряду с действующим президентом — семь оппозиционных кандидатов (инициативная группа первого заместителя председателя Белорусской партии «Зеленые» Юрия

Глушакова не смогла собрать 100 тыс. подписей) и две «темные лошадки»: экономист Виктор Терещенко и предприниматель Дмитрий Усс.

С момента получения удостоверений и по 18 декабря включительно кандидаты в президенты получили право на агитацию. Условия для агитации по белорусским меркам оказались сверхлиберальными. В отличие от прошлых президентских избирательных кампаний кандидаты по желанию могли выступить по телевидению даже в прямом эфире (закон предусматривает два выступления по 30 минут). 5 декабря впервые в истории избирательных кампаний в Беларуси состоялись теледебаты кандидатов — разумеется, без участия Лукашенко.

Результаты голосования. Официальные результаты голосования предсказать было несложно. С точностью до 1% они совпадают с результатами опросов, публикуемых Информационно-аналитическим центром (ИАЦ) при Администрации президента. В течение второй половины года социологи ИАЦ последовательно увеличивали рейтинг доверия Лукашенко, доведя его в октябре до 80,5% и выделив на долю его противников 14,5% при 5% затруднившихся с ответом. Таким образом, власть решила незначительно снизить уровень всенародной поддержки главы государства по сравнению с 2006 г., когда, по данным ЦИК, Лукашенко поддержали 83% избирателей².

Основанный на данных ИАЦ прогноз полностью подтвердился: А. Лукашенко поддержало 79,67% избирателей, явка при этом составила 90,66%. Что касается девяти соперников главы государства, то ни одному из них не удалось набрать более 3% голосов: А. Санников получил 2,56%, Я. Романчук — 1,97%, Г. Костусев — 1,97%, В. Некляев — 1,77%, А. Михалевич — 1,2%, В. Рымашевский — 1,1%, В. Терещенко — 1,08%, Н. Статкевич — 1,04%, Д. Усс — 0,48% (суммарно 14,02%).

НИСЭПИ, естественно, зафиксировал иной результат голосования (табл. 3). Он также был легко предсказуем, так как электоральный рейтинг Лукашенко весь 2010 г. находился в коридоре значений 2001 и 2006 гг. За пределы этого коридора не выходили и значения социальных индексов. Тройку лидеров оппозиционных кандидатов, в полном соответствии с результатами предвыборных опросов НИСЭПИ, возглавил

¹ <http://pda.sb.by/post/105983/>

² Интересная деталь: ИАЦ приводит свои результаты от числа опрошенных, а ЦИК от числа проголосовавших, тем не менее результаты всегда совпадают.

В. Некляев — 8,3%. За А. Санникова проголосовали 6,1%, за В. Рымашевского — 3,7%.

Таблица 3

ЗА КОГО ВЫ ГОЛОСОВАЛИ НА ПРОШЕДШИХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1994	2001	2006	2010
А. Лукашенко	35*	48	58	51
Демократы	26	21	24	28
За других кандидатов	19	3	2	1
Нет ответа / Не хочу отвечать	2	9	5	4
Против всех	4	7	3	5
Не голосовали	14	12	8	12

* Данные первого тура

За семнадцатилетнюю историю президентских выборов в Беларуси структура электората принципиально не изменилась. Результаты 1994 г. общей закономерности не нарушают. В тот год под флагом возрождения СССР вместе с Лукашенко вели избирательные кампании еще три кандидата (см. строку «За других кандидатов»). На четверых они получили 54% голосов.

Первые президентские выборы пришлось на период постперестроечного хаоса, когда власть «буквально валялась в грязи» (Лукашенко). Вторые проходили на излете восстановительного роста, поэтому для покупки электоральной поддержки власть вынуждена была пойти на сокращение инвестиций в экономику и жилищное строительство. Недостатка ресурсов во время третьей президентской кампании власть не испытывала. Этим и объясняется максимальный электоральный результат Лукашенко. Главное отличие четвертой президентской избирательной кампании от третьей — потеря белорусами чувства уверенности в завтрашнем дне. Эта потеря поддается инструментальному измерению при помощи чистой покупки населением иностранной валюты. В ноябре был зафиксирован очередной годовой максимум — 571 млн долларов, что в 1,8 раза больше по сравнению с октябрём. Отметим, что до июня белорусы традиционно продавали больше валюты, чем покупали.

Результаты голосования, представленные НИСЭПИ, не оправдали ожиданий белорусской оппозиции. В очередной раз зазвучали обвинения в неспособности социологов учитывать «фактор страха». Ничего нового в этом нет. Как отмечал еще Юрий Левада в лекции «Человек советский» на polit.ru, потребность в «хорошей картинке» свойственна «статисти-

ческому большинству»¹. У партийных же активистов, чьи интересы к результатам выборов не ограничены рамками избирательной кампании, потребность в «хорошей картинке» существенно выше. Под их влиянием белорусская оппозиция и формирует победные стратегии, неизменно приводящие к поражениям.

Между тем результаты голосования фиксируются не только при ответе респондентов на прямой вопрос (табл. 3). В стандартную анкету, содержащую около 80 вопросов, включаются, как правило, пять-шесть косвенных вопросов, позволяющих определить результат голосования. В табл. 4 приведен один из таких вопросов. Уровень электоральной поддержки Лукашенко и его оппонентов при этом незначительно увеличился за счет респондентов, не пожелавших отвечать на прямой вопрос. Эту незначительную разницу при желании можно объяснить «фактором страха». Дополнительно отметим, что акцию протеста на площади Независимости осудили 52%, признали президентские выборы свободными и справедливыми 54%, а несвободными и несправедливыми — 32% (в 2006 г. 61 и 27% соответственно), что также не противоречит ответам на вопрос табл. 3.

Таблица 4

СТАЛ ЛИ ПРЕЗИДЕНТОМ ТОТ КАНДИДАТ, ЗА КОТОРОГО ВЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Окт. 2001	Апр. 2006	Дек. 2010
Да	50	61	50
Нет	36	31	33
Нет ответа	14	8	17

В табл. 5–7 приведена динамика индекса материального положения (ИМП), индекса ожиданий (ИО) и индекса правильности курса (ИПК). В первой и последней колонках таблиц помещены результаты опросов, полученные после третьих и четвертых президентских выборов. Во второй колонке — результаты, полученные на пике экономического кризиса (март 2009 г.).

Как и следовало ожидать, значения всех трех социальных индексов в декабре 2010 г. оказались ниже значений «тучного» 2006 г. В марте 2009 г. были зафиксированы абсолютные минимумы «нулевых» годов. Что касается 2010 г., то от опроса к опросу в полном соответствии с предвыборным повышением доходов населения социальные индексы постепенно возрастали.

¹ <http://polit.ru/lectures/2004/04/15/levada.html#>

Таблица 5

КАК ИЗМЕНИЛОСЬ ВАШЕ ЛИЧНОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Апр. 2006	Март 2009	Март 2010	Июнь 2010	Сент. 2010	Окт. 2010	Дек. 2010
Улучшилось	25	2	9	14	19	24	25
Не изменилось	62	31	60	65	57	55	58
Ухудшилось	12	64	30	20	24	19	16
ИМП*	13	-62	-21	-6	-5	5	9

* Индекс материального положения (разность положительных и отрицательных ответов)

Таблица 6

КАК ИЗМЕНИТСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Апр. 2006	Март 2009	Март 2010	Июнь 2010	Сент. 2010	Окт. 2010	Дек. 2010
Улучшится	44	14	29	25	26	30	31
Не изменится	34	31	46	53	44	43	41
Ухудшится	15	46	19	14	20	17	17
ИО**	29	-32	10	11	6	13	14

** Индекс ожиданий

Таблица 7

НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ЦЕЛОМ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ В БЕЛАРУСИ РАЗВИВАЕТСЯ В ПРАВИЛЬНОМ ИЛИ НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Апр. 2006	Март 2009	Март 2010	Июнь 2010	Сент. 2010	Окт. 2010	Дек. 2010
В правильном	58	40	50	50	51	52	54
В неправильном	26	35	36	34	32	33	33
Затруднились ответить / Нет ответа	16	25	14	16	17	15	13
ИПК***	32	5	14	16	19	19	22

*** Индекс правильности курса

«Святая цифра». Стабильная электоральная поддержка Лукашенко нуждается в пояснении. Безусловно, своим политическим долголетием четырежды всенародноизбранный во многом обязан административному ресурсу, монополии на эфирные СМИ и многочисленным силовым структурам. Этим он мало отличается от большинства своих коллег-президентов, объединившихся под аббревиатурой СНГ. Однако главной национальной особенностью белорусского авторитаризма является «сильная социальная политика».

Как было отмечено в статье «Белорусское зеркало», Лукашенко удалось преобразовать Беларусь в УП (унитарное предприятие). В отличие от ЗАО «Россия», акционерами которого являются олигархи ельцинского и путинского призыва, в УП «Беларусь» уровень социального неравенства не превышает среднеевропейского. Сам владелец УП в своих выступлениях об этом постоянно напоминает. Приведем лишь одну цитату: «Все в мире сегодня отмечают, что

разбежка доходов бедных, грубо говоря, и богатых у нас в 3–4 раза. Как в Швеции, где самый лучший показатель в мире (в России – в 25–30 раз. Это катастрофа, предреволюционная ситуация)¹».

Четвертая президентская кампания стартовала 30 декабря 2009 г. На встрече главы государства с представителями белорусских центральных и региональных средств массовой информации зарплате был официально придан сакральный статус: «Что касается заработной платы, вы знаете, что у нас есть обязательство: средняя заработная плата должна в течение года достичь 500 долларов. Эта цифра святая! Она принята на Всебелорусском народном собрании 5 лет назад. Мы должны это выполнять!»²

Под «святую цифру» в бюджет 2010 г. был заложен рост ассигнований на социальную политику на 114% (это не опечатка). За кри-

¹ Стенограмма выступления Лукашенко на VI съезде Федерации профсоюзов Беларуси <http://www.president.gov.by/press97887.html>

² <http://pda.sb.by/post/95352/>

зисный 2009 г. реальная зарплата увеличилась на 0,1% (пенсии на 0,2%), что поставило под угрозу выполнение графика повышения благосостояний белорусов, утвержденного Всебелорусским народным собранием. В условиях дефицита ресурсов подъем от 381 к 500 долларам в последний год пятилетки был осуществлен за счет финишного рывка, для чего потребовалось в ноябре увеличить ставку первого разряда на 31%, а минимальную зарплату на 55%.

Но не все взятые на себя социальные обязательства власть смогла выполнить. В 2006 г. параллельно с удвоением реальной зарплаты и пенсий планировалось повысить с 41 до 60% долю населения в возмещении затрат на оказание жилищно-коммунальных услуг. Но уже в 2007 г., после удвоения Россией цены на газ, данный показатель опустился до 32%, а к концу 2010 г. — до 25%. Экономическая целесообразность, таким образом, в очередной раз пала жертвой целесообразности политической.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса, когда правительства большинства европейских стран вынуждены были пойти на сокращение социальных программ, в Беларуси поступили с точностью до наоборот. И в четвертой пятилетке, отсчет которой начался с 1 января 2011 г., решено в очередной раз удвоить среднюю заработную плату в долларовом эквиваленте, не повышая при этом пенсионный возраст. Залогом такой социальной щедрости должен стать рост ВВП темпами, которым позавидуют и китайские товарищи.

Расколотое общество. В новогоднюю ночь Лукашенко впервые обратился не к «сплоченной белорусской семье», а к «большинству», благодаря которому он получил «уникальную возможность в эти волнительные мгновения истории войти в дома белорусов, в ваши семьи с поздравлениями и пожеланиями мира и добра», и к «меньшинству»¹. Под звон бокалов с шампанским глава государства проинформировал «меньшинство» о том, что воспринимает его «как неотъемлемую часть нашего общества, со своими целями, взглядами и устремлениями». Он также выдал «меньшинству» гарантию на право иметь «свою точку зрения, особое понимание мироустройства и развития нашей страны».

Что касается численного соотношения составных частей белорусского общества, то оно было оглашено на пресс-конференции 20 декабря: «Но давайте будем честны: 20% или высказались против, или проголосовали за аль-

тернативных кандидатов. Согласитесь, что есть над чем подумать. И я буду думать прежде всего об этом, не забывая о своих сторонниках, о тех людях, которые меня поддержали»². Напомним, что в своих комментариях к итогам избирательной кампании 2006 г. Лукашенко не оставлял места для «меньшинства». Ставя в неловкое положение председателя ЦИК, он неоднократно признавался в фальсификации результатов выборов. В частности, в августе 2008 г. в интервью первому заместителю генерального директора ИТАР-ТАСС М. Гусману Лукашенко сказал буквально следующее: «За меня на последних выборах проголосовало, для сведения, 93%. И я признался потом, когда меня просто начали давить, что мы фальсифицировали выборы. И я грубо сказал: “Да, фальсифицировали”. Я отдал команду, чтобы не 93% было, а где-то там 80, я не помню, сколько. Потому что за 90 — это уже психологически не воспринимается. Но это была правда»³.

Для официального признания властью раскола в обществе потребовался выход десятков тысяч людей на Площадь. Для самих же белорусов наличие раскола давно не является тайной. В республике функционируют два союза писателей (лояльный по отношению к власти и оппозиционный), две федерации профсоюзов и, как результат разделения СМИ на государственные и независимые, два союза журналистов. Соответственно, параллельно существуют и два общества — общество телезрителей и общество Интернета (с различной степенью регулярности в декабре 2010 г. Интернетом пользовался 51% взрослого населения).

Электоральное проявление общенационального раскола иллюстрируют табл. 3–4. Раскол воспроизводится в течение вот уже 17 лет. Удивляться этому не приходится. Доля государственной собственности в Беларуси застыла на отметке 80%, что блокирует трансформацию перераспределительной экономики в экономику рыночную. Такой экономический базис в свою очередь воспроизводит надстройку патерналистских отношений. Вот почему доля белорусов, чье материальное благополучие зависит от способности власти выполнять социальные обязательства, остается стабильной. Основной вклад в формирование этой доли вносят периферийные социальные группы (пенсионеры, жители села, люди с низким уровнем образования).

² <http://www.president.gov.by/press104953.html>

³ <http://www.izvestia.ru/Политика/article3132313>

У каждой части белорусского общества свое восприятие Беларуси, свои представления о ее будущем, свои оценки направления ее развития (табл. 8). Децильный коэффициент, не превышающий среднеевропейский уровень, поддерживается в республике не за счет равенства возможностей, а путем силового перераспределения ресурсов. Вот почему в ответах на вопрос: «На Ваш взгляд, на кого прежде всего опирается Лукашенко?» – в тройке лидеров с большим отрывом неизменно оказываются пенсионеры, силовики и чиновники. Замыкают же список бизнесмены. При этом на протяжении «нулевых» годов они ни разу не смогли выйти из 3-процентной зоны статистической погрешности.

Таблица 8
ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОТНОШЕНИЯ К ЛУКАШЕНКО

	ИМП	ИО	ИПК
Все опрошенные	9	13	22
Доверяют Лукашенко (55%)	30	45	72
Не доверяют Лукашенко (34%)	-28	-26	-52

Признание за меньшинством права иметь «свою точку зрения» еще не означает признания за оппозиционными партиями права представлять его интересы. С большой долей вероятности можно утверждать, что для Лукашенко его политические оппоненты так и останутся в статусе «врагов народа» и «отморозков», которых терпят ради имитации политического процесса. Скорее всего, для представления интересов легализованного в новогоднюю ночь «меньшинства» власть попытается создать квазиоппозиционные структуры. При выделении необходимого количества финансовых ресурсов недостатка в желающих организовать и возглавить подобные муляжи не возникнет. Вот только в расколотом белорусском обществе с его отлаженной системой распознавания «свой – чужой» у квазиоппозиционных структур

нет шансов оттянуть на себя часть голосов протестного электората.

За семнадцатилетнюю историю президентских выборов количество оппозиционных кандидатов колебалось от одного до семи. Среди кандидатов был и харизматичный профессиональный революционер, и экс-ректор университета, и профсоюзный функционер, и поэт. Однако на электоральном урожае оппозиции это никак не отражалось – в первую очередь потому, что голосовавшие за оппозиционных кандидатов голосовали не сколько «за», сколько «против». И не составляет труда догадаться, против кого.

Переизбыток оппозиционных кандидатов в 2010 г. вызвал лишь временное затруднение у потенциальных противников Лукашенко. Если в 2001 г. решение участвовать в выборах задолго до голосования приняло 67% опрошенных, в 2006 г. 68%, то в 2010 г. – только 48%. Но на явку, что интересно, такая нерешительность почти не повлияла (2001 г. – 87%, 2006 г. – 92%, 2010 г. – 88%). Аналогичное временное замешательство было зафиксировано и при ответе на вопрос: «Когда Вы приняли окончательное решение, за кого из кандидатов Вы будете голосовать?». Задолго до голосования определились в 2001 г. – 54%, в 2006 г. – 60%, а в 2010 г. – 40%!

Маховик репрессий, запущенный 19 декабря, продолжает набирать обороты. На вопрос: «Кому была выгодна смена курса?» – убедительного ответа пока не найдено. Наиболее популярная версия среди белорусских аналитиков – «заговор силовиков». Многие убеждены в том, что инициаторов кровавого финала «веселых» выборов следует искать в Кремле. Но кто бы ни был бенефициаром смены курса, события на площади Независимости подтвердили азбучную политологическую истину: для разрушения стабильности, основанной не на институтах, а на личности национального лидера, порой может хватить и семи минут.

Анна МОРГУНОВА

Занятость в Беларуси: политика и повседневность

Обеспечение занятости в любом государстве — один из важнейших компонентов социально-экономической политики. Занятость — сложный феномен, который затрагивает различные уровни и области жизни общества — от экономической сферы до социально-культурных отношений. Согласно ст. 41 Конституции РБ, «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, т. е. право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда». Государство, со своей стороны, «создает условия для полной занятости населения. В случае незанятости лица по не зависящим от него причинам ему гарантируется обучение новым специальностям и повышение квалификации с учетом общественных потребностей, а также пособие по безработице в соответствии с законом», — записано в Конституции РБ.

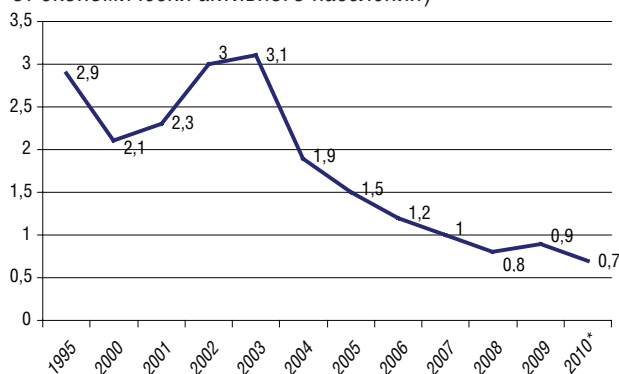
На протяжении последнего десятилетия очень низкий уровень безработицы в Беларуси (см. диаграмму 1) стал для руководства страны одним из показателей эффективности проводимой политики, выполнения государством своих обязательств перед обществом и синонимом благополучия на фоне трудностей в других странах: «Беларусь постоянно упрекают в том, что у нас не соблюдаются права человека. Казалось бы, уже должен выработаться иммунитет против этих голословных обвинений. Но каждый раз думаешь, насколько абсурдно это звучит в отношении страны, где безработица на уровне статистической погрешности. К примеру, до 30% даже сейчас в Испании, ну за 20 — точно. 10% — в США. И процент в Беларуси»¹.

Важно отметить, что в Беларуси безработица считается не по методологии Международной организации труда (МОТ) — т. е. не по резуль-

¹ Стенограмма выступления президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на VI съезде ФПБ 17.09.2010 // <http://www.president.gov.by/press97884.html#doc>

татам регулярных обследований домохозяйств, а по количеству граждан, официально зарегистрированных в центрах занятости. Обследование домашних хозяйств в контексте занятости планируется проводить в Беларуси ежеквартально с 2012 г. (пробное выборочное исследование домашних хозяйств пройдет в 2011 г.)².

Диаграмма 1
УРОВЕНЬ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ (в % от экономически активного населения)

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь // <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/labor.php>

* Данные за январь-октябрь 2010 г.

Белорусский закон определяет занятость следующим образом: «деятельность граждан..., связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая им заработную плату, доход, вознаграждение за выполненную работу...»³.

В ситуации, когда на протяжении почти 10 лет фиксируется постоянное уменьшение безработицы, можно предположить, что вопросы поиска работы не должны сильно волновать жи-

² См.: Домашние хозяйства будут проверять // Белорусская нива. 2010. 4 ноября. — URL: http://www.belniva.by/news_full.php?id_news=9868 (дата просмотра 24.12.2010).

³ См.: Закон «О занятости населения Республики Беларусь» от 15 июля 2006 г. // [http://www.pravo.by/pdf/2006-94/2006-94\(006-020\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2006-94/2006-94(006-020).pdf)

телей страны. Однако это не так. Безработица на протяжении более 10 лет постоянно входит в число проблем, которые белорусы считают наиболее остро стоящими перед страной и гражданами. Проанализировав комплекс проблем, которые наиболее сильно волнуют белорусское общество, можно заметить следующее: самыми значимыми являются социально-экономические, причем связанные между собой (см. табл. 1), – спад производства, ведущий к безработице и, как следствие, к обнищанию; рост цен, связанный со спадом производства и также ведущий к безработице и обнищанию, и т. п. Для нашего исследования важно заметить, что, кроме социально-экономических проблем, определенную значимость для белорусов представляют также проблемы коррупции и нарушения прав человека: не подкрепленные соответствующим функционированием институтов декларативные права и повседневная реальность, расходящаяся с картинками на ТВ, оказывают на массовое сознание более сильное влияние, чем все пропагандистские инструменты.

Таблица 1

Наиболее острые проблемы, которые стоят перед страной и населением, % (возможно более одного ответа)¹

	09'98	06'99	11'99	08'00	10'00	11'00	09'02	06'04	06'06	12'07	12'08	12'09
Рост цен	75	83	80	77	83	81	72	73	60	84	83	80
Обнищание населения	50	73	78	68	76	71	61	58	20	35	38	43
Безработица	29	36	43	37	37	39	49	50	37	38	36	40
Спад производства	24	32	36	31	31	29	38	22	18	21	32	34
Коррупция, взяточничество	22	30	38	31	33	33	28	36	28	33	26	26
Нарушение прав человека	10	23	28	28	27	28	25	30	22	26	20	23
Преступность	27	45	42	44	43	42	35	37	23	27	21	23
Отсутствие порядка, законности	20	25	28	28	30	28	27	33	22	21	21	19
Упадок национальной культуры	–	13	14	12	15	14	10	14	11	13	8	12
Угроза Запада	3	9	9	5	6	5	4	8	18	12	13	9
Преодоление последствий Чернобыльской катастрофы	20	30	29	23	22	22	20	21	26	22	11	8
Международная изоляция	9	9	10	9	10	8	15	15	14	15	10	8
Раскол общества	–	5	10	7	9	7	5	9	7	8	4	7
Угроза потери независимости Беларуси	–	–	–	–	–	7	10	7	8	7	5	4
Другая проблема	–	2	2	2	1	2	1	20	22	21	15	13

¹ Результаты национальных опросов, проведенных с 1998-го по 2009 год, любезно предоставлены по просьбе автора Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭ-ПИ), см.: <http://www.iiseps.org>

Однако для конструирования любой реальности Госаппарат может использовать механизмы, сильно отличающиеся по предлагаемым способам решения проблем, возникающих в ходе реализации государственных программ, по применяемым методам, а также по используемым социально-экономическим и политическим инструментам.

В данной статье мы попытаемся проанализировать, каким образом белорусское государство решало вопросы обеспечения занятости населения, какие механизмы использовало, а также, в какой мере можно говорить о том, что их использование позволяет поддерживать существующее состояние в социально-экономической сфере.

В качестве определения занятости мы будем пользоваться формулировкой, предложенной Г. Соколовой: «занятость – отражение состояния функционирования рынка труда рабочей силы в условиях конкретной экономической инфраструктуры»².

² Соколова Г. Занятость // Социология: Энциклопедия Сост. А.А. Грицанов и др. Минск: Книжный дом, 2003 (<http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия%20социологии/>).

Государственная политика в сфере занятости.

В 1990-х гг. государственная политика занятости была еще в стадии формирования: распад Союза и последующие кардинальные преобразования в экономике оставляли небольшую возможность для планирования и были скорее реакцией государства на определенные вызовы, например невыплату зарплаты или резкое сокращение рабочих мест (следствие — массовые протесты и забастовки). С конца 1990-х существует негласный запрет на сокращение работников. Он связан с требованиями президента и правительства обеспечить всеобщую занятость вне зависимости от экономических последствий такой политики и ее негативного влияния как на мотивацию труда самих работников, так и на хозяйственную деятельность предприятий.

К началу 2000-х гг. стала оформляться *система*, которую можно охарактеризовать следующими чертами. Во-первых, более высокий уровень вовлеченности трудовых ресурсов в экономику крупных, больших и средних городов по сравнению с малыми, где причиной безработицы являлось (и остается до сих пор) несоответствие квалификации ищущих работу требованиям нанимателя¹. Во-вторых, различия между городом и селом, где из-за недостатка квалифицированных специалистов существует значительная разница в качестве образования и здравоохранения. К тому же при «анклавизации» сельского рынка труда из-за неразвитости транспортных коммуникаций и удаленности многих населенных пунктов от центров занятости возникали трудности с регистрацией в качестве безработных (в результате сельские жители частично компенсировали отсутствие работы увеличением занятости в личном подсобном хозяйстве)².

Основными механизмами адаптации, которые использовали граждане, являлись, как отмечают эксперты, самозанятость, дополнительная занятость и миграция, что сказывалось на показателях как занятости, так и безработицы³.

Рынок труда 2000–2009 г., согласно статистическим данным, характеризовался невысокой стоимостью рабочей силы, отсутствием

свободного перемещения работников по территории страны из-за сохранения института прописки и неразвитости рынка жилья, увеличением масштабов вынужденной неполной занятости, снижением доли заработной платы в структуре денежных доходов⁴. Важно заметить, что рынок труда обусловлен сильным государственным участием (поддержание высокой занятости, сглаживание дифференциации труда, субсидирование и льготное кредитование предприятий и т.д.). Определенный институциональный баланс поддерживается с минимальными элементами саморегулирования⁵.

Кроме того, рынок труда на протяжении 2001–2008 гг. эволюционировал в сторону вторичного рынка труда (т. е. рынка с малооплачиваемыми и низкоквалифицированными работниками в конкурирующих между собой отраслях)⁶. Существенной проблемой для государственного регулирования первичного рынка труда (т. е. рынка труда с гарантированной работой, высоким классом и статусом и хорошими условиями труда) является то, что он обслуживается с помощью неформальных механизмов трудоустройства (т. е. с помощью социальных связей — рекомендаций знакомых, друзей, родственников)⁷. Распространение и укорененность в массовом сознании неформальных форм трудоустройства обеспечивает в среднем 1/3 случаев трудоустройства, делая такие механизмы взаимодействия одними из важнейших на рынке труда⁸.

Что касается распределения неформальных механизмов взаимодействия в зависимости от формы собственности предприятий, для нас представляется важным отметить следующее явление, значимое для понимания функционирования первичного рынка труда: «На негосударственных предприятиях в первичном сегменте внутреннего рынка труда используются неформальные механизмы, дополняющие рыночные отношения работников и работодателей и порождающие **резонансный** тип взаимодействия. Использование неформальных механизмов найма работников в первичном сегменте внутреннего рынка труда государственных предприятий ведет к замещению рыночных

¹ Региональное неравенство // Экономика и общество Беларуси. Диспропорции и перспективы развития. Национальный отчет о человеческом развитии 2004–2005. Минск: Альтиора–Живые краски. С. 33. — URL: http://un.by/pdf/1321_rus_.pdf

² Там же. С. 34–37.

³ Гайдук К., Чубрик А., Парчевская С., Валевский М. Рынок труда в Беларуси: общий обзор // Центр социально-экономических исследований. Исследования и анализ, № 313. Варшава, 2005. С. 58 (http://www.case-research.eu/upload/publikacja_plik/9438818_sa313r.pdf)

⁴ Соколова Г. Н. Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. Минск: Беларус. навука, 2010. С. 424–425.

⁵ Гайдук К., Чубрик А., Парчевская С., Валевский М. Указ. соч. С. 58.

⁶ Соколова Г. Н. Экономическая реальность в социальном измерении. С. 79.

⁷ Соколова Г. Н. Цит. соч. С. 383.

⁸ Соколова Г. Н. Цит. соч. С. 392.

взаимоотношений социальными и порождает **диссонансный** тип взаимодействия работников и работодателей»¹.

Говоря о государственной политике в сфере занятости, необходимо упомянуть также и о регулировании *неформальной занятости*.

В 1990-х, когда значительная часть населения была вынуждена заниматься преимущественно торговлей, государство некоторое время закрывало глаза на неформальную занятость. Это было связано с социально-экономическими потрясениями в обществе, а также с отсутствием нормативной базы, регулирующей многие виды деятельности: социально-экономическая политика была скорее реакцией на новые вызовы, чем деятельностью, учитывающей долгосрочное или хотя бы среднесрочное влияние задействованных правовых и экономических механизмов.

Одной из основных видов неформальной занятости (в том числе и в качестве дополнительной) была торговля, особенно «челночный» бизнес, являвшийся одной из стратегий выживания для жителей многих городов (прежде всего приграничных)². В конце 1990-х, после выхода декрета президента № 15 от 4 сентября 1998 г. «О неотложных мерах по защите потребительского рынка» с последующими изменениями и дополнениями, был запрещен — без разрешения государственных органов — вывоз товаров, которые частично дотировались и, следовательно, были дешевле, чем в соседних странах. За нарушение данного декрета взимались очень крупные штрафы (приблизительно от 250 до 2500 USD), а сами товары и транспортные средства, используемые для их вывоза, подлежали конфискации.

С этого времени государство постепенно стало жестко пресекать нелегальную торговлю (в частности, потому, что «челноки» не платили налоги, их было трудно проконтролировать и они часто занимались контрабандой). К числу принятых мер относились ограничения на отпуск товаров «в одни руки» (например, не более 200 г сливочного масла, сыра и т. п.) с облавами на покупателей около магазинов, введение новых форм правового регулирования неформального предпринимательства, а также увеличение количества наименований подакцизных товаров для снижения объема контрабанды и доли «серого» рынка.

¹ Соколова Г. Н. Там же

² Поскольку у Беларуси есть границы с Польшей, Литвой, Россией и Украиной, эти страны продолжительное время были важными каналами сбыта белорусской продукции, которые использовались «челноками».

Резкое изменение правил игры привело к тому, что в этот же период резко изменилась роль таможи: из контролирующего и регулирующего органа она трансформировалась в карательно-поборный. Это, в свою очередь, повлекло за собой резкое увеличение на рынке труда спроса на квалифицированных таможенных брокеров, специалистов по ВЭД со связями на таможне, а также повысило престиж профессий «таможенник» и т. п. (с этого момента наблюдался рост получающих второе высшее образование по специальности «юриспруденция»: люди хотели оперативно разбираться в тонкостях и нюансах законодательства и таможенной системы, культивирующей *презумпцию виновности*). Таможня стала одним из главных «доноров» государственного бюджета, обеспечив около трети всей доходной части (например, в 1999 г. — 25,4%³, в 2004 г. — 36%⁴, за первую половину 2005 г. — 32%⁵). Безусловно, учитывая географическое положение Беларуси, речь идет о пополнении бюджета не только за счет конфискации имущества на границе, так как законодательство предусматривает изъятие имущества за многие правонарушения, а лишь о том, насколько значительными могут быть поступления от этого в бюджет и каким образом это прямо или косвенно отражается как на формальной, так и на неформальной занятости.

Однако после кризиса 2008 г., когда склады оказались затарены как продовольственными, так и непродовольственными товарами, о «челноках» как наиболее быстро приспособляющемся и реагирующем на изменения условий «слое» предпринимателей, быстро вспомнили. В отсутствие эффективных экономических механизмов, позволяющих снизить постоянно увеличивающееся отрицательное сальдо внешней торговли⁶, разрешение на беспрепятственный вывоз товаров за пределы Беларуси (в том числе и с помощью ослабления контроля за неформальными видами занятости) в ситуации растущей неполной занятости уже могло быть использовано в государственных интересах.

³ Более четверти доходной части республиканского бюджета формируется из таможенных платежей — председатель ГТК В. Макаревич // <http://afn.by/news/i/869> от 26.01.2000.

⁴ Таможня дает 36% бюджета страны // <http://news.tut.by/economics/49068.html> от 27.01.2005.

⁵ Президент договаривается с таможней — о хорошей и честной работе // <http://svich.com/articles.php?articleId=307> 21.10.2005 (дата просмотра 02.12.2010).

⁶ См.: Основные показатели внешней торговли. Национальный статистический комитет Республики Беларусь // <http://belstat.gov.by/homepage/ru/indicators/fttrade1.php>.

Как отметил заместитель председателя Государственного таможенного комитета С. Борисюк: «Теперь люди могут беспрепятственно вывозить за пределы страны товары, не являющиеся запрещенными и ограниченными к вывозу. Вне зависимости от количества и стоимости таких товаров. ...Пусть люди продают продукцию за пределами страны, если они нашли такую возможность. Это нужно для того, чтобы люди могли зарабатывать. И государства знакомились более активно с белорусской продукцией. Раньше, например, физические лица не могли вывозить за границу грузовик со стройматериалами – нужно было оформлять документы о вывозе товара на экспорт. Теперь достаточно чека. Никакой оценки стоимости и количества на границе не будет»¹.

Кроме челночного бизнеса, который к концу первого десятилетия двухтысячных годов практически сошел на нет, государство стало стремиться вывести из тени и другие неформальные виды занятости, часто используемые в качестве дополнительных, например, репетиторство (то есть дополнительные уроки в сфере образования), ремонтно-строительные работы, а также другие услуги. Сначала было введено обязательное лицензирование данных видов услуг и требовалось оформление предпринимательства, чуть позже последовали некоторые упрощения: было разрешено оказывать услуги без лицензии, но с уплатой единого ежемесячного налога (приблизительно 35–45 евро² на усмотрение местных властей). Дополнительно неформальная сфера услуг стала сильно ограничиваться после выхода Закона «О рекламе» в 2007 г.: публикация объявлений о предоставлении каких-либо услуг стала невозможна без указания номера лицензии или номера налогоплательщика (для услуг, не требующих получения лицензии).

Как видно из приведенных примеров, стремление к усилению государственного контроля в различных сферах экономики, с одной стороны, способствовало легализации неформальной занятости (с возможностью контроля со стороны государства и уплаты налогов), а с другой – затрудняло получение дополнительных доходов для тех, кто уже работал, но хотел бы иметь дополнительный заработок.

¹ Козлик И. Таможня пытается возродить челночный бизнес // Комсомольская правда в Беларуси. 2009. 7 августа.

² Тариф устанавливается именно в евро, с оплатой по курсу Национального банка.

Контракты. Специфической чертой белорусской системы найма, как одной из составляющих государственной политики занятости, является контрактная (т. е. срочная) форма трудового договора.

Точкой отсчета, изменившей отношения работника, работодателя и государства в системе обеспечения занятости в Беларуси, стал декрет президента от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины». Данный документ предоставил «нанимателям право заключать контракты... на срок не менее одного года». Кроме того, в случае отказа работника от заключения контракта «трудовой договор прекращается по причине отказа работника от продолжения работы в связи с изменением существенных условий труда»³.

Выход данного документа послужил поводом для организации профсоюзами в 1999 г. общереспубликанской акции протеста, поскольку данный декрет, по словам тогдашнего зампреда Федерации профсоюзов Беларуси Н. Белановского, делал страну «республикой временной занятости»⁴. Несколько лет данный декрет действовал, но большинство работодателей не спешили переходить на контрактную систему: нормативные документы *не обязывали* их это делать, а дополнительные вопросы, связанные с оформлением по новым правилам, требовали времени и пересмотра системы начисления заработной платы, отпусков и т. п.

Массовый перевод работников на контрактную систему происходил в 2004 г., после того как президент на семинаре «Кадры управления в современных условиях» в ноябре 2003 г. «поручил Администрации президента и правительству в ближайшие полгода завершить переход на контрактную систему во всех сферах»⁵. Таким образом, контрактная система в Беларуси распространилась на все категории

³ Декрет президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» см. на сайте Национального правового интернет-портала Республики Беларусь // <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=PD9900029>

⁴ Яровенко М. Рабочие подводят итоги полугодия // Белорусская деловая газета. 1999. № 49 (94). 30 августа.

⁵ В Беларуси сформирована отвечающая статусу независимого государства система работы с кадрами 21.11.2003 // <http://www.president.gov.by/press17939.html#doc>, сообщение пресс-службы президента (Итоги двухдневного занятия постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. Его тема – совершенствование кадровой политики в республике).

работников, вне зависимости от места работы и занимаемой должности. Важно отметить, что переход к контрактной системе осуществлялся не постепенно, с разъяснениями как для работодателей, так и для работников — был задействован административно-командный механизм с присущим ему еще с советских времен старанием «выполнить пятилетку за три года». Поэтому главным стало как можно быстрее отчитаться по восходящей вертикали¹ о том, что поручение президента выполнено в кратчайшие сроки и по максимуму (т. е. о том, что 100% или почти 100% работников предприятия—района—области переведены на контрактную систему). «Работники ставятся в положение, при котором их отказ от заключения контракта ведет к неминуемой потере работы. С другой стороны, что делать нанимателю, когда в последнее время это самое “право на заключении контракта” как-то странно трансформировалось в обязанность под общим лозунгом “даешь контракт”». Причем наниматели уже по определенным формам отчетов рапортуют: сколько на контракте, сколько еще осталось (в процентах)².

К 2009 г., по данным доклада, подготовленного для Еврокомиссии Институтом приватизации и менеджмента в Минске, около 90% занятых работают по срочным трудовым контрактам. Между тем, как отмечают авторы доклада, официальных данных о количестве работающих по контракту нет, а эти цифры были обнародованы представителем Министерства труда и социальной защиты на семинаре в Минске в 2008 г.³ В 2010 г. министром труда и социальной защиты М. Щеткиной была названа цифра 800 тыс. контрактников, занятых в *государственном* секторе⁴. Однако эксперты считают эту цифру сомнительной, так как у значительной части крупных предприятий,

формально не являющихся государственными (например, у акционерных обществ), учредители — облисполкомы и другие органы исполнительной власти со всеми вытекающими последствиями в плане выполнения поручений президента.

Попытаемся кратко описать ключевые характеристики контрактной системы. Данная система предусматривает заключение контракта между нанимателем и работником на срок от 1 года до 5 лет. Важным элементом является возможность для работника уволиться двумя способами: по окончании срока контракта или по согласованию сторон (т. е. если наниматель *согласится* уволить работника до окончания срока контракта). Уволить(ся) после истечения срока контракта можно следующим образом: не позднее чем за 2 недели до окончания срока действия контракта одна из сторон (работник или наниматель) обязана письменно предупредить о своем намерении продолжать/не продолжать трудовые отношения. При непродлении контракта работодатель не обязан информировать о причинах своего решения. До окончания контракта работник должен трудиться по обычному графику, т. е. возможность искать новую работу есть только у тех, кто работает посменно или неполный рабочий день. В случае отказа работодателя работник не получает никаких компенсаций.

В белорусском общественном мнении нет единства по поводу контрактной системы (см. диаграмму 2). Преобладающими являются негативные оценки: 42% респондентов отрицательно относятся к контрактной системе найма. Положительное отношение высказывает пятая часть населения. Трети белорусов — 31% — безразлично, каким образом они будут оформлены при приеме на работу. Что касается последней группы — «безразличных», то здесь можно предположить следующее: в ситуации, когда возможностей влиять на уже заданную систему координат очень мало, значимость данного вопроса в повседневной жизни по сравнению со многими другими проблемами является низкой для респондентов. Кроме того, часть респондентов обладает достаточно высоким уровнем квалификации, и они уверены в том, что при любом раскладе могут не обращать внимания на срочность трудового договора.

Контрактная система, целью которой было придать большую гибкость рынку труда, при отсутствии серьезных экономических преобразований является, несомненно, эффективным механизмом контроля над работающими в рам-

¹ После внесения в Конституцию Республики Беларусь изменений, принятых на референдуме в 1996 г., президент стал назначать руководителей республиканских органов власти (ст. 84), а также назначать и освобождать от должности руководителей местных исполнительных и распорядительных органов власти (ст. 119).

² Смольская С. Контракт с работником — право, похожее на обязанность ... // Национальная экономическая газета. 2004. № 69. 10 сентября.

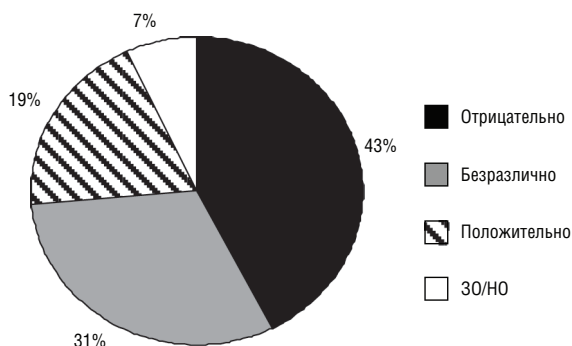
³ Chubrik A., Haiduk K., Pelipas I., Shymanovich G. *Tochtiskaya I. Social Protection and Social Inclusion in Belarus* (report financed by and prepared for the use of the European Commission, Directorate General for Employment, Social Affairs and Equal Opportunities). European Commission, 2009. P. 17–18. <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=89&langId=en&newsId=662&furtherNews=yes> (дата просмотра 20.12.2010).

⁴ Спасюк Е. От короткого поводка для трудящихся власть отказываться не будет // http://naviny.by/rubrics/society/2010/12/15/ic_articles_116_171675

ках существующей системы. Кроме того, она делает издержки по выходу из предлагаемых условий для работника слишком высокими, чтобы он мог легко решиться на изменения или выразить протест.

Диаграмма 2

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ПЕРЕВОДУ РАБОТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА КРАТКОСРОЧНЫЕ ТРУДОВЫЕ КОНТРАКТЫ, КОТОРЫЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ? (Национальный опрос, проведенный НИСЭПИ 20–30 января 2007 г.; N=1474 чел., ошибка репрезентивности не превышает 3%)

Учитывая вышесказанное, становится понятно, почему, несмотря на то, что Беларусь из-за проблем с МОТ исключена из системы преференций ЕС, пересматривать существующую систему не планируется. Здесь допустимы лишь определенные послабления (как, например, возможность для добросовестных работников с 2010 г. после 5 лет работы у одного нанимателя по контракту перейти на бессрочный договор). «В настоящее время отсутствуют объективные предпосылки для кардинального изменения законодательства, регулирующего контрактную форму найма. Внесение предложений об изменении законодательства в ближайшее время не планируется»¹, – считает М. Щеткина.

Контракты стали одной из форм системы всеобщего заложничества², что позволяет государству осуществлять регулирование формального рынка труда, контролируя все основные сферы социально-экономической деятельности. Использование репрессивных механизмов контроля бюрократией, отчитывающейся перед президентом, не учитывает интересы занятых в других сферах. При этом далеко на задний план

¹ Прямая телефонная линия с Министром труда и социальной защиты «Труд и социальная защита» 15.12.2010 // <http://mintrud.gov.by/ru/conference?id=69&page=4>

² Данная формулировка была предложена автору Л.Д. Гудковым в процессе работы над статьей.

отодвигается возможность нанимателя и работника самостоятельно договориться между собой, а на первый план выходит выполнение требований и поручений президента: «Сегодня надо перенести каждому человеку центр тяжести и все внимание на себя. И посмотреть: а что я сделал для того, чтобы было в стране хорошо и богаче была страна?.. Поэтому еще раз говорю, что контрактной системе быть! Но людей надо защищать и поддерживать при этом. Да, и не думаю, что у нас уже все руководители такие варвары, что всех там режут, душат и ненормально заключают контракты»³.

Ограничение внутренней трудовой миграции.

Для нашего исследования важно отметить, что столица Беларуси – Минск, где проживает почти пятая часть населения страны, на протяжении продолжительного времени был городом, в котором *иностранцы* специалисты могли работать только на определенных условиях. В соответствии с решением Минского городского исполнительного комитета № 240 от 11 апреля 1996 г. (с последующими изменениями и дополнениями) минские предприятия, приглашающие на работу иностранных граждан Беларуси, должны были выплачивать в городской бюджет сумму, равную 500 минимальных заработных плат на каждого работника (с 2002 г. – 500 базовых величин)⁴. Объяснение того, почему работники-граждане Беларуси стали делиться на минчан и иностранных, было следующее: прибывшие иностранные пользуются местным транспортом, медицинскими услугами, жильем наравне с минчанами и, следовательно, город несет затраты, а значит, работодатели, которые приглашают таких работников, обязаны городу эти затраты возместить⁵. Если же разрешить всем жителям страны свободно выбирать в качестве возможного города трудоустройства Минск, то это может мешать минским специалистам в поиске работы. «Минские специалисты могут не найти работу в родном городе из-за того, что на их место взяли иностранного»⁶.

³ Стенограмма выступления президента А.Г. Лукашенко на VI съезде ФПБ 17.09.2010 // <http://www.president.gov.by/press97884.html#doc>

⁴ 500 базовых величин в 2002 г. равнялись приблизительно 2700 долларов США по курсу, установленному Национальным банком Республики Беларусь.

⁵ Если работодателю удавалось письменно обосновать значимость иностранного специалиста для минского предприятия, то Мингорисполком освобождал его от уплаты компенсации в бюджет.

⁶ Высказывание Михаила Савановича (в тот период – управляющего делами Мингорисполкома, в настоящее время он – председатель Мингорсовета), цит. по: Комсомольская правда в Беларуси. 02.07.2003 // <http://www.charter97.org/rus/news/2003/07/02/minsk>

Данное основание представляется спорным. То, что в Минске не произошло бы наплыва внутренних мигрантов, легко аргументируется эластичностью цен на рынке аренды жилья в зависимости от спроса: каждый год стоимость аренды падает в мае-июне (последний месяц сессии у студентов) и растет в августе-сентябре (начало учебного года в большинстве вузов). Т. е. рост стоимости аренды быстро скорректировал бы потоки рабочей силы.

Итак, до 2008 г., когда данное постановление утратило силу, вход на рынок труда в Минске был долгое время ограничен: во-первых, сложным оформлением иногородних (необходимость принятия на работу неминчанина сначала нужно было обосновать и согласовать с Мингорисполкомом), а во-вторых, дополнительными затратами для работодателя — в случае, если Мингорисполком не посчитает сотрудника необходимым предприятию, организация должна выплатить городу значительную сумму.

Занятость жителей Минска, таким образом, обеспечивалась с помощью ограничительных мер, без учета трудовых и профессиональных качеств имеющейся рабочей силы, а лишь на основе ее территориальной принадлежности. Безусловно, любые ограничения можно было обойти: например, прописаться у родственников/знакомых в Минске или выйти на теневой рынок оформления прописки и за отдельную плату стать на время минчанином. Эти же ограничения формировали теневые или полуофициальные рынки соответствующих услуг и, следовательно, занятость для тех, кто продавал прописку в Минске — ресурс, обладание которым давало возможность выхода на рынок труда в столице.

Обеспечение занятости в *столице* позволяло поддерживать относительно высокие, по сравнению с другими городами страны, зарплаты, снижало протестный потенциал на минских предприятиях и позволяло в рамках города почти полностью контролировать сферу занятости и, следовательно, возможную безработицу.

Для жителей других городов вход на рынок труда в Минске становился достаточно затратным мероприятием (не только с точки зрения финансовых затрат): он требовал от работника как наличия квалификации и определенной мотивации, так и обладания дополнительной информацией, чтобы обойти административные ограничения миграции внутри страны.

Распределение выпускников. В ст. 49 Конституции Республики Беларусь сказано: «Каждый

имеет право на образование. Гарантируются доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования. Среднее специальное и высшее образование доступно для всех в соответствии со способностями каждого. Каждый может на конкурсной основе бесплатно получить соответствующее образование в государственных учебных заведениях».

Бесплатность белорусского высшего и профессионально-технического образования относительна. В соответствии с Законом «Об образовании» выпускники государственных образовательных учреждений, которые получили образование за счет бюджета, подлежат распределению (т. е. обязаны отработать определенное время на тех рабочих местах, где их специальность наиболее нужна государству). Вначале данная норма предполагала просто обязанность выпускника отработать по распределению. При этом нанимателям было запрещено принимать на работу выпускников без направления на работу или без справки о свободном трудоустройстве. Если наниматель нарушал данное условие, то *он* был обязан выплатить в соответствующий бюджет сумму, затраченную на обучение специалиста. Потом была введена норма, которая обязывала уже *выпускника*, не явившегося по месту распределения, вернуть в бюджет деньги, затраченные на его обучение (с соответствующими санкциями в случае их невозврата): «Молодой рабочий (служащий), молодой специалист, не отработавшие срок работы по распределению, ... обязаны возместить средства, затраченные на их подготовку из республиканского и (или) местных бюджетов, в соответствующий бюджет»¹. Закон «Об образовании» предусматривает перечень оснований для освобождения от возмещения средств в бюджет, включающие, например, поступление в магистратуру (аспирантуру), а также схему, оптимизирующую (при наличии возможности) предоставление места работы супругам в одном населенном пункте². Интересно заметить, что

¹ См.: Закон Республики Беларусь «Об образовании» от 29 октября 1991 г. № 1202–XII (с изменениями и дополнениями), опубликован на сайте Национального правового интернет-портала Республики Беларусь // <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=v19101202>

² Подробнее см.: постановление Совета министров Республики Беларусь от 10 декабря 2007 г. № 102 «Об утверждении Положения о распределении выпускников учреждений образования, получивших профессионально-техническое, среднее специальное или высшее образование (с изменениями и дополнениями)», опубликовано на сайте Национального правового интернет-портала Республики Беларусь // <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?start=1&RN=C20701702>.

в 2004 г. в палату представителей Национального собрания Беларуси в процессе подготовки законопроекта «О высшем образовании» поступало предложение увеличить срок отработки по месту направления до 5 лет (как вариант — 2 года по месту обязательного распределения, 3 года — в любом месте в Беларуси)¹.

Возврат к распределению выпускников (так же как это было в Советском Союзе) мотивировался со стороны государства следующим: молодым специалистам трудно найти работу — после получения диплома они часто регистрируются как безработные в центрах занятости (т. е. обращаются за помощью в государственное учреждение и таким образом выходят на официально регистрируемый рынок труда, где, как мы уже говорили, преобладает вторичный сегмент, а выход в первичный отмечен высокой значимостью социальных связей). Поэтому государство предоставляет гарантию получения первого рабочего места, освобождая выпускника от необходимости искать работу (или пресекая такие попытки). Еще одним объяснением для обязательного распределения молодых специалистов стало соображение «социального равенства». В связи со сложностями обеспечения сельских жителей медицинскими и другими работниками и, следовательно, для обеспечения равенства всех жителей страны в получении социальных гарантий, молодые специалисты, как получающие образование за государственный счет, должны государству: каждый год оно выпускает столько-то нужных ему специалистов, а они неизвестно куда «исчезают» (т. е. идут работать не туда, где есть нехватка специалистов, а туда, где лучшие, с их точки зрения, условия труда и выше зарплата). Приведем высказывание В. Здановича, председателя парламентской комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу, сделанное в 2005 г.: «Считаю безобразием, когда тысячи подготовленных за счет бюджетных средств специалистов, рабочих, служащих исчезают в неизвестном направлении, не являясь туда, где государство испытывает в них нужду»².

Таким образом, возникающие проблемы с укомплектованием кадрами в сельских регионах решались и продолжают решаться за счет принудительного планового распределения выпускников. Это же касается и молодежной без-

работицы, которая частично маскируется обязательным распределением. Причем возможность «выкупить» себя за счет оплаты обучения постфактум предоставляется таким образом, что сумма, которую выпускник должен возместить в бюджет, окончательно становится известна только после завершения им обучения.

То, что хорошо изложенная в постановлении Совета министров система распределения выпускников работает де-факто не так, как задумывалось, а также то, что она превратилась в подобие советской системы распределения дефицитных благ «по благу», попытался описать в своей статье «В срок до 31 ноября» теперь уже бывший ректор³ Белорусского государственного медицинского университета Павел Беспальчук⁴. В своей статье он описал ситуацию, когда при распределении выпускников медуниверситета чиновники Минздрава (включая министра здравоохранения), в нарушение постановления Совета министров, издают приказы и пересматривают очередность трудоустройства выпускников-врачей по своему усмотрению (в частности, делают «прилюдные» звонки). Таким образом, права выпускников нарушаются, а их родителям приходится вести переписку с Минздравом(!), получать отписки и т. п., чтобы хотя бы частично восстановить эти права (часто выступая в качестве просителей перед чиновниками, чтобы обеспечить выполнение принятых этими же чиновниками нормативных актов).

Тем самым предлагается следующая схема взаимоотношений государства и выпускников: *Мы* — вас учим на наши (???) деньги, а *вы* потом их обязаны отработать там, где *нам* нужно. Конечно, в условиях, когда в стране существует проблема молодежной безработицы (особенно среди выпускников), этот аргумент мог бы быть весомым, если не считать того, что молодежь распределяют на места, на которые не хотят идти работники с опытом: малооплачиваемые, непрестижные, в селах и малых городах (в том числе в районах, зараженных радиацией) куда жители крупных городов сами не уехали бы. Иными словами, *издержки* проводимой государственной политики в отношении села, малых городов, а также в отношении предприятий и предпринимателей частично перекладывают-

¹ См.: <http://www.pravo.by/showtext.asp?1102000460497>

² Цит. по: Радюк А. Путевка к диплому // http://neg.by/publication/2005_05_17_5559.html

³ Контракт с ректором не был продлен Минздравом предположительно после публикации статьи в газете «Вестник БДМУ» (2009, № 21).

⁴ Беспальчук П. В срок до 31 ноября // <http://news.21.by/politics/2009/11/13/402934.html> (дата просмотра 12.12.2010).

ся на плечи молодых специалистов. Затрудненная возможность для них самостоятельно выбрать себе место распределения (разрешается выбрать только из тех, которые предложены) свидетельствует о том, что вопросы занятости решаются административно-командными методами со всеми издержками системы, где существует дефицит (например, престижных мест, куда хотели бы поехать многие), а, кроме того, отсутствует выбор для работодателя и снижается мотивация труда молодого специалиста (наниматель не может в течение двух лет уволить плохо работающего молодого специалиста и взять на его место нового работника).

Субботники. Еще одной особенностью Беларуси является добровольно-принудительная организация так называемых субботников. Субботник – наследие советских времен – получил в стране более широкое распространение, чем в СССР, и стал одним из видов косвенного использования принудительного труда с целью обеспечения нужд различных исполнительных органов власти (что стало одним из положений дела № 2090, рассматриваемого в МОТ). Для работников государственных предприятий и учреждений (в том числе социальной сферы, образования, здравоохранения и т. д.) субботник превратился в один из видов обязательных *поборов*. В Беларуси существует один республиканский субботник, а также городской и районный субботники. Причем количество мероприятий определяют местные исполнительные власти. Таким образом, ограничений по количеству субботников в год и по суммам, которые организации «добровольно» перечисляют для различных нужд (например, на благоустройство территорий, на строительство Национальной библиотеки или метро и т. п.), нет¹. О том, что аппетиты местных органов власти, пытающихся таким образом пополнить местные бюджеты, бывают очень большими, свидетельствуют, например, решения некоторых исполкомов. Они «рекомендуют» проводить субботники ежемесячно, а полученные средства перечислять на целевой счет (с которого в дальнейшем исполком будет их тратить на финансирование опре-

¹ Иногда особенно «нуждающиеся» местные органы власти издают распоряжения, в которых требуют от нижестоящих организаций и учреждений еще и сдать определенную сумму денег (чаще всего на благоустройство территории). Т. е. если одни организации могут просто перечислить однодневную зарплату, то работники других должны и поработать в выходной день и дополнительно сдать деньги.

деленных им же мероприятий)².

Формально субботник – сугубо добровольное мероприятие, однако участие в республиканском субботнике утверждается в планах на учебный год образовательных учреждений (например, вузов, школ и т. п.). Это позволяет республиканским и местным органам власти осуществлять планирование расходов с учетом поступления дополнительных средств от проведения субботников, а для работников превращается в обязательный принудительный труд или принудительный отъем заработанных средств.

Кроме того, во время проведения республиканского и городских субботников всячески демонстрируется равенство высших чиновников (в том числе президента) и обычных граждан: например, президент заливает бетон на строительстве объекта, судьи высших судов облагораживают территорию, начальники облисполкомов и других местных органов власти убирают дворы. Это, с одной стороны, демонстрация единства с теми, кто занимается малооплачиваемыми, социально непрестижными и физически тяжелыми видами работ, а с другой – игра на понижение для высококвалифицированных работников, занимающихся интеллектуальным трудом (например, судей): деление труда на настоящий (физический) и ненастоящий (интеллектуальный).

Таким образом, даже там, где возможны инициативы «снизу» в виде самоорганизации граждан или повышения социальной ответственности бизнеса, государство, в лице госчиновников, стремится не только использовать возможности добровольчества для достижения собственных интересов и поддержания существующей системы, но и сильно ограничивает возможности артикуляции гражданами *своих* интересов и выражения несогласия с проводимой политикой. При этом «изобретаются» такие формы контроля и принуждения, которые отрицательно сказываются как на хозяйственной деятельности предприятий, так и на возможности для граждан проявить инициативу самостоятельно и отказаться от принудительного труда.

Не ставя под сомнение идею добровольчества и социальной ответственности, лежащую в основе проведения субботников, автор попытался показать, насколько сильно может извращаться любая идея, когда речь идет о поддержке

² Ермак Д. Сплошной субботник // Национальная экономическая газета. 2007. №38 (1057). 25 мая. – URL: http://www.neg.by/publication/2007_05_25_8178.html

существующей системы с учетом важности выполнения «показателей» чиновниками разных уровней¹.

Профсоюзы. Прежде чем попытаться проанализировать, каким образом профсоюзы могут влиять на проводимую политику в сфере занятости, нужно отметить, что, по информации Федерации профсоюзов Беларуси, в настоящее время членами профсоюза являются около 94% работающих².

До конца 1990-х гг. наличие нескольких профсоюзных организаций в стране создавало некоторые трудности для власти: при определении возможных путей развития государства и проведении той или иной политики нужно было учитывать мнение членов профсоюза, а также принимать в расчет возможность массовых акций протеста, которые в 1990-е гг. были еще не редкостью.

С начала 2000-х гг. профсоюзы под давлением власти стали постепенно трансформироваться в прогосударственную организацию. В 2002 г. после сомнительно-добровольного ухода в отставку Ф. Витко, председателя федерации, президиум федерации рекомендовал пленуму избрать на эту должность Л. Козика, тогдашнего заместителя главы Администрации президента Республики Беларусь. Описывая ситуацию незадолго до съезда Федерации, Ф. Витко сделал акцент на сильном давлении власти: «С изменениями в целом в системе общественно-политических отношений и социально-экономических в частности профсоюзы как субъекты социально-трудовых отношений испытывают на себе наибольшее влияние и давление. В этом противостоянии власть располагает большими ресурсами, нежели

¹ К этому можно добавить еще несколько способов «сравнительно честного» отъема денег у трудящихся: «рекомендации» местных органов власти подписаться на государственные газеты и отчитаться об этом – врачи обязательно подписываются на «Медицинскую газету», учителя на «Учительскую газету», работники сферы торговли на «Торговую газету» и т. д. Увеличение тиражей газет, а также обеспечение занятости в сфере государственных СМИ – задачи уже тех, кто работает в этой сфере. Выполнение таких задач зависит от их связей в исполнительных органах власти, а также от требований к ним этих самых исполнительных органов власти. Точно также «добровольно» банковские работники покупают облигации государственного займа, а работники социальной сферы выкупают лотерейные билеты различных государственных благотворительных лотерей, средства от которых направляются, например, на строительство больниц, Национальной библиотеки и т. п.

² Данные взяты с сайта Федерации профсоюзов Беларуси – крупнейшей профсоюзной организации страны // http://www.fpb.by/ru/menu_left/about

профсоюзы»³. О том, что шло беспрецедентное давление в регионах на профсоюзы, и о том, что данная фигура была предложена президентом, заявлял и А. Бухвостов (на тот момент руководитель профсоюза автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения): «В кулуарах было так сказано: президент хочет видеть на должности главы ФПБ доверенное лицо. Это подчинение профсоюзов, и никто не думает о защите трудящихся»⁴. В 2000 г. в МОТ была подана жалоба четырех независимых профсоюзов Беларуси о нарушении прав трудящихся в Беларуси, которая в 2001 г. была выделена в дело № 2090. Несмотря на долгие переговоры между белорусским правительством и МОТ, а также применение последней практически всех санкций, кроме исключения Беларуси из МОТ, ситуация практически не изменилась. В 2007 г. Беларусь была исключена из генеральной системы преференций ЕС в связи с систематическими нарушениями прав профсоюзов и невыполнением рекомендаций МОТ.

Профсоюз – формально общественная организация – постепенно стал превращаться в еще одно средство поддержки как сложившихся взаимоотношений государства и общества, так и лично действующего президента А. Лукашенко.

Еще в 2002 г. Л. Козик (уже став председателем Федерации профсоюзов) выдвигал идею всенародного референдума о наделении профсоюзов правом законодательной инициативы. Поскольку в 2006 г. заканчивались полномочия действующего президента и без изменения конституции выдвигаться на третий срок он не мог, данная инициатива многими экспертами рассматривалась как возможность в будущем с помощью профсоюзов провести референдум и изменить Основной закон. Чуть позже Л. Козик уже лично заявлял о том, что профсоюзы в случае получения права законодательной инициативы могут все-таки выступить с предложением об изменении конституции: «Я недавно был в Баку на съезде профсоюзов... Знаете, что этот передовой отряд [Конфедерация профсоюзов Азербайджана] сделал? Выдвинул Гейдара Алиева на избрание президентом на следующий срок. Так почему один профсоюз может выдвинуть президента на еще один срок, а <...> почему я не могу? Придет пора, и я тоже выдвину нашего президента. Или проиницирую решение по

³ Орехов Ю. Федерация вернула себе желтый цвет // Белорусский рынок. 2002. № 27.

⁴ Орехов Ю. Там же. .

третьему, пятому сроку. Какие вообще сроки? Надо вообще убрать все сроки, никаких сроков не должно быть. Что народ хочет, то народ и делает: он избирает — 80% голосуют за»¹.

Принудительное насаждение профсоюзов в организациях всех форм собственности, прикрываемое благими намерениями и заботой о простых людях, которые без помощи профсоюзов не смогут реализовать свои законные права, а также использование для этого сомнительных с точки зрения права методов (например, фискальных) стало свидетельством не только стремления любой ценой усилить влияние самой Федерации и имитировать социальной диалог и партнерство, но и стабильно получать значительные суммы профсоюзных взносов. (В 2002 г. Л. Козик добился от правительства принятия специального постановления, разрешающего возобновление безналичного перечисления профсоюзных взносов.)

В преддверии президентских выборов 2010 г. Федерация профсоюзов приняла постановление по поддержке действующего президента А. Лукашенко, а также рекомендовала членским организациям «довести позицию Федерации до сведения первичных профсоюзных организаций, трудовых коллективов, жителей регионов республики и возложила контроль действий по поддержке А. Лукашенко профсоюзными организациями на президентских выборах 2010 г. на заместителя председателя ФПБ»².

Добровольное объединение трудящихся — основа профсоюзных организаций — в условиях Беларуси трансформировалось в систему контроля нанимателем (чаще всего государством) профсоюзов, как с помощью создания подконтрольной и пролукашенковской Федерации профсоюзов, так и с помощью возможности тихо и «безболезненно» увольнять неугодных профсоюзных лидеров благодаря использованию контрактной системы и продвижению «нужных» людей.

Важно заметить, что в любом обществе коллективные действия возможны только при достаточном уровне солидарности и доверия. Белорусское общество характеризуется низким

уровнем доверия: по данным опроса, проведенного НИСЭПИ в сентябре 2010 г., лишь 24% респондентов ответили, что большинству людей можно доверять. При этом три четверти опрошенных (72%) считают, что «нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми» (см. диаграмму 3). Тот факт, что абсолютное большинство населения доверяет лишь ближайшим родственникам и друзьям, говорит о низкой вероятности коллективных действий: «Короткий радиус доверия — свидетельство неспособности граждан к сложным взаимодействиям в рамках современных институтов (экономических, политических и социальных). При коротком радиусе доверия мир делится на “своих” и “чужих”. Такой черно-белый мир несовместим с универсальными нормами права и морали. ... Если подобные принципы переносятся в публичную политику, то все несогласные с официальной линией превращаются во “врагов народа”»³.

Диаграмма 3
МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ БОЛЬШИНСТВУ ЛЮДЕЙ ИЛИ В ОТНОШЕНИЯХ С ЛЮДЬМИ НУЖНО БЫТЬ ОЧЕНЬ ОСТОРОЖНЫМ? (в % к числу опрошенных)

Миграция. Одним из наиболее затратных и сложных способов самоадаптации для работающих является трудовая миграция.

В 1990-х гг. миграция из Беларуси носила преимущественно этнополитический характер⁴. К концу 1990-х — началу 2000-х гг. причины выезда стали смещаться в сторону экономических и социальных: у людей появилось стремление достигнуть более высокого материального положения. В начале 2000-х гг. миграция из страны была связана в большинстве случаев с желанием выезжающих решить

¹ Цит. по: Быковский П., Орехов Ю. ФПБ готовит третий президентский срок. Леонид Козик как глас народа. // Белорусский рынок. 2003. № 6.

² См.: постановление президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси «Об участии Федерации профсоюзов Беларуси в избирательной кампании 2010 г.» от 25.11.2010 // Профсоюзы агитируют за Лукашенко по плану Козика // <http://www.belaruspartisan.org/bp-forfe/?page=100&backPage=21&news=72502&newsPage=0>.

³ Не верю! // <http://www.iiseps.org/09-10-03.html>

⁴ В связи с тем, что распался СССР, образовались новые государства (с новыми требованиями — языковыми, например, или требованиями к гражданству), а потому для части жителей страны было необходимо определиться, в каком государстве они хотели бы жить, так как возможности перемещения между странами бывшего Союза сильно затруднились.

свои материальные проблемы (стратегия выживания)¹.

Данные об общем количестве трудовых мигрантов из Беларуси достаточно спорные: от 300 тыс. до 1,8 млн человек. Представляется, однако, что количество трудовых мигрантов не превышает 300–600 тыс. человек² (т.е. до 10% экономически трудоспособного населения).

Преобладающими сферами деятельности мигрантов на протяжении долгого времени были сельскохозяйственные работы и строительство. Основной страной-реципиентом трудовых мигрантов была и остается Россия. Оттуда же идет основной поток денежных переводов в Беларусь: в 2008-м переводы из России составляли 71,4%, в 2009-м – 66,5%, в первом полугодии 2010-го – 68,1% от общего объема денежных переводов, получаемых физическими лицами-резидентами Республики Беларусь³ (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4
ДАННЫЕ ПО ДЕНЕЖНЫМ ПЕРЕВОДАМ В РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ ЗА ЯНВАРЬ-ИЮНЬ 2010 г.⁴ (% от общего объема переводов)

Данные о количестве работающих в России мигрантов из Беларуси могут очень различаться, что связано с отсутствием миграционного учета. Россия и Беларусь создали Союзное государство, и граждане Беларуси могут свободно передвигаться на территории двух стран.

¹ Региональное неравенство // Экономика и общество Беларуси. С. 49. – URL: http://un.by/pdf/1321_rus_.pdf

² Т.е. если из общего количества трудоспособных граждан вычесть тех, кто учитывается статистикой, а из оставшихся не учитываемых статистикой вычесть тех, кто ведет домохозяйство и прочих, то останется от 300 тыс. до 600 тыс. человек – см.: Соколова Г.Н. Экономическая реальность в социальном измерении. С.113.

³ См.: Платежный баланс Республики Беларусь за 2008, 2009 гг., по данным Национального банка на сайте: <http://mirpal.org/>

⁴ Платежный баланс Республики Беларусь за январь-июнь 2010 г. Предварительные данные // Национальный банк Республики Беларусь // http://mirpal.org/files/files/%D0%9F%D0%91%20%D0%A0%D0%91%202010_2.pdf

Выезжающие на работу в Россию ищут работу самостоятельно, не прибегая к услугам фирм-посредников, и, следовательно, не фиксируются в МВД как временно выехавшие трудовые мигранты.

Очевидно, что у государства есть ограниченный ресурс влияния на ситуацию с занятостью (особенно в сельских районах) при существующей системе оплаты труда и чрезвычайно низких темпах увеличения количества рабочих мест.

Таким образом, Россия, в той мере, в какой это позволяют подписанные в рамках Союзного государства соглашения, служит своего рода амортизатором, позволяющим обеспечить занятость части работников из Беларуси и смягчить негативные последствия от увеличивающегося вторичного рынка труда и скрытой безработицы. Если один или несколько членов семьи имеют возможность работать в России, то это приносит дополнительный доход и тем родственникам, кто остался в Беларуси (небольшие зарплаты некоторых категорий работников позволяют им только выживать).

Что такое быть безработным в Беларуси? После краткого анализа того, каким образом обеспечивается занятость в Беларуси и какие методы при этом используются, нам представляется важным описать также, каким образом государство гарантирует социальную защиту тем, кто не смог самостоятельно обеспечить себя работой.

«Безработица представляет собой отражение несовпадения предложения рабочей силы и спроса на нее, их количественное и качественное несовпадение. По своей природе это своеобразный синтез экономики, политики, идеологии, традиций и морали данного общества»⁵, – отмечает Г. Соколова. Государственные структуры, призванные решать проблемы занятости и социального обеспечения безработных, находятся в каждом городе (городские центры занятости) и районе (районные центры занятости). Их задача – оказывать содействие в поиске постоянной или временной работы (в том числе материальную помощь при переселении из города в сельскую местность), в обеспечении рабочими местами социально незащищенных граждан (инвалидов, лиц, вышедших из мест лишения свободы, и т. п.).

Для регистрации в центре занятости необходимо в течение двух недель после увольнения

⁵ Соколова Г.Н. Экономическая реальность в социальном измерении. С. 118–119.

собрать определенный пакет документов, чтобы там смогли принять решение о регистрации в качестве безработного и назначении пособия или отказе в нем. В случае положительного ответа максимальный размер пособия составит приблизительно \$15–25 в месяц. Кроме того, безработные обязаны несколько раз в месяц — от одного до 3–4 раз (это зависит от сезона, а также от наличия заявок от организаций) — участвовать в оплачиваемых общественных работах (их можно выбрать из списка, предлагаемого в центре занятости). Согласно Закону «О занятости», «оплачиваемые общественные работы — общедоступные виды работ, выполняемые по срочным трудовым договорам, имеющие социально полезную направленность и организуемые в качестве дополнительной социальной поддержки безработных и граждан, ищущих работу»¹.

В условиях города это выглядит следующим образом: позвонив по телефону в центр занятости или придя туда лично, можно записаться на выбранные общественные работы. В летне-осенний период это преимущественно работы в колхозах, связанные со сбором урожая, например картофеля, лука, яблок. В зимне-весенний — работы на овощехранилищах по перебирированию овощей и фруктов. Иногда предлагают заняться уборкой территорий, выполнить ремонтные работы, собрать в лесхозах мусор и т. п. Для примера: городской центр занятости Гомеля (второго, после Минска, областного центра страны) предлагал на начало января 2011 г. такие виды работ, как сбор макулатуры или стекла (кроме оконного), работы по ремонту школ (преимущественно малярные), работу в колхозе на переборке овощей (капусты). В случае получения заявок от организаций безработным могут быть предложены и другие виды работ. Однако центр занятости не может их гарантировать, как и не может дать точную информацию, от каких организаций и на какие работы будут получены заявки.

Описание различных видов общественных работ будет, на наш взгляд, недостаточным, если останавливаться только на их перечислении. Важнейшим элементом понимания того, как строятся взаимоотношения безработных и государства (в лице центра занятости и организаций, которые дают заявки), является сама система организации общественных оплачиваемых работ и тех видов работ, которые предлагаются.

¹ См.: Закон «О занятости населения Республики Беларусь» от 15 июля 2006 г. // [http://www.pravo.by/pdf/2006-94/2006-94\(006-020\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2006-94/2006-94(006-020).pdf)

Как мы уже сказали, пособие по безработице составляет примерно \$15–20. Но из-за того, что безработные могут регистрироваться в центре занятости только по месту прописки (регистрации), а не по месту фактического проживания, приблизительно половина этой суммы уходит на оплату проездного билета на месяц для проезда в общественном транспорте (для тех, кто живет в городе).

Опишем несколько типов оплачиваемых работ и то, как и в каком размере происходит оплата за их выполнение.

Сбор макулатуры. Для сбора макулатуры нужно сначала приехать в центр занятости и получить направление в пункт сдачи вторсырья (с тем, чтобы отработанный день был после сдачи макулатуры засчитан как отработанный). Сам термин «сбор макулатуры или стекла» подразумевает то, что безработные просто должны принести определенное количество стекла или бумаги в пункт приема, с которым у центра занятости заключен договор. Норма сдачи макулатуры — 10 кг на человека. Оплата — 120 белорусских рублей (\$0,04) за 1 кг, т. е. за 10 кг получается 1200 белорусских рублей (\$0,4 за 10 кг)². Очевидно, что даже при сильном старании безработный не сможет заработать на сдаче вторсырья (которое еще нужно где-то найти, и в достаточном количестве). А если у центра занятости заключен договор с пунктом приема вторсырья, расположенным далеко от его дома, то полученные деньги вообще не принесут никакого дохода. В самом деле, безработный должен по факту сдачи сырья получить отметку именно того пункта сдачи, куда его направил центр занятости, а это означает, что сначала ему придется приехать в центр занятости и получить там направление. Проезд в одну сторону стоит 600 белорусских рублей (\$0,2), а туда и обратно, соответственно, 1200 рублей (\$0,4). А если нужна дополнительная пересадка на общественном транспорте, то денег от сданных 10 кг макулатуры не хватит даже на проезд!

Что касается работ, связанных с *сельским хозяйством*, то в большинстве случаев предлагается уборка/фасовка/перебирание овощей и фруктов³. Первое, что должен сделать безработный (или любой желающий), — записаться на выбранные работы (для этого можно позвонить по телефону, причем летом-осенью, как прави-

² По курсу Национального банка на декабрь 2010 г. 1 доллар США стоил чуть больше 3000 белорусских рублей.

³ Не являясь безработной, автор неоднократно участвовала в общественных работах в колхозе, поэтому с удовольствием поделится собственным опытом с читателями.

ло, предлагается много вариантов сельхозработ). Затем, в назначенный день и конкретное время, он должен подойти к центру занятости и отметить у его сотрудников в списке. Потом безработные садятся в автобусы, которые отвозят их на место работ. Спецодежду и/или перчатки обычно не дают (во всяком случае, вопросы о спецодежде вызывали улыбку в центре занятости), хотя можно предположить, что на уборке территории дают метлы или, если это уборка снега, лопаты. Некоторые «орудия труда» (ведра, например), а также сумки-пакеты, куда можно будет класть «зарплату», безработные берут свои. Душ или хотя бы мытье рук и туалет не предусмотрены, так как автобусы останавливаются прямо в поле или возле овощехранилища. Специальных мест для переодевания тоже нет (хотя те, кто постоянно ездит и знает друг друга, не стесняясь, переодеваются прямо в автобусах), нет и места для хранения личных вещей (их лучше брать с собой, так как из автобуса их могут своровать).

Оплата данного вида работ происходит, как правило, в натуральной форме: например, за определенное количество упакованных мешков картофеля положен 1 кг этого самого картофеля. Выплата заработанного происходит сразу после окончания работы. Естественно, у участников таких работ есть стимул хорошо работать: больше сделаешь — больше получишь.

Для тех, кто зарегистрирован в центре занятости в качестве безработных нужно еще получить роспись бригадира, подтверждающего, что безработный участвовал в общественных работах. Таким образом, некоторая зависимость от выполненной работы гарантирует, что те, кто рассчитывали просто приехать, побыть и уехать (т. е. формально «отбыть»), тоже хоть что-то наработают (т. е. переберут-расфасуют и т. п.). Бригадир, будучи регулятором всего рабочего процесса в колхозе, следит за тем, чтобы все выполняли работу. Иногда, когда люди ищут пути адаптации и «выхода» из такой системы правил, происходят комичные ситуации. Например, если колхозное поле находится у леса, часть безработных еще успевает сходить туда за грибами или ягодами. Если это происходит в начале работы на поле/в овощехранилище и безработные еще ничего не перебрали/не расфасовали, то бригадир грозит им в случае невозвращения *«сейчас же!!!»* тем, что не поставит где надо роспись и день не засчитают в центре занятости как отработанный. Или, например, если выплата «заработанного» зависит от количества учтенных ведер, то «старожилы» стара-

ются привезти с собой ведра поменьше. Когда дело доходит до абсурдных детских пластмассовых ведерок, бригадир после подсчета общего числа собранных ведер картошки «хитрых» владельцев ведерок просто делит количество на два, чтобы уравнивать «добросовестных» и «недобросовестных» работников.

После выполнения запланированного объема работ автобусы отвозят безработных обратно к центру занятости, высаживая желающих выйти раньше на удобных им остановках общественного транспорта.

Однако после получения «зарплаты» (т. е. продуктов, ассортимент которых невелик: обычно это лук, картофель, морковь, яблоки, белокочанная капуста), ее нужно еще как-то реализовать. Часть сразу же продается на мелких стихийных рыночках («пяточках»), иногда прямо на остановках общественного транспорта. И хотя торговля в неустановленных местах запрещена и продавцам грозит крупный штраф, милиция на это смотрит, как правило, сквозь пальцы: безработные заметно отличаются от просто торгующих. У них, приехавших с поля пыльными и грязными, «товара» бывает мало — одно-два ведра (во-первых, потому, что больше 20 кг заработать физически сложно, а во-вторых, если и заработал, то довести домой тоже большая проблема, особенно для тех, кто живет далеко от остановок общественного транспорта).

Как мы попытались показать, оплачиваемые общественные работы — это не просто тяжелый, физический труд, чаще всего не требующий никакой квалификации. Работы не дифференцируются, и если у безработных имеются заболевания, которые не позволяют им заниматься тяжелым физическим трудом, то им остается выбирать из того, что есть, иначе (при неотработке) они будут автоматически сняты с учета в центре занятости. Кроме того, поскольку оплату, выданную в виде продуктов, нужно еще и «реализовать» (с соответствующими для безработных издержками), то полученная в итоге сумма является очень незначительной *«дополнительной социальной поддержкой»* и не может рассматриваться в качестве помощи даже в краткосрочный период для временно оказавшихся без работы.

Таким образом, общественные работы являются скорее средством хоть как-то замаскировать и приглушить возможные социальные конфликты ввиду сложностей с обеспечением занятости. Они дают возможность получения незначительного дохода тем, кто не зарегистри-

стрирован в качестве безработного или, будучи малооплачиваемым работником, в настоящее время испытывает материальные трудности и готов в свободное время поучаствовать в общественных работах (т. е. таким людям позволяется умереть с голоду)¹.

Безработные, зарегистрированные в центре занятости, имеют право еще на некоторые виды помощи. При обращении в социальный центр своего района они могут получить разовую гуманитарную помощь (как правило, одежду б/у), а в случае, если доход на каждого члена семьи будет меньше бюджета прожиточного минимума, то безработному может быть назначена адресная социальная помощь в течение 6 месяцев (т. е. *доплата* до уровня бюджета прожиточного минимума). Если безработный напишет заявление в районное управление социальной защиты, то ему может быть оказана *разовая* адресная помощь (она обычно редко превышает эквивалент \$100). Данные выплаты назначаются не автоматически, а по результатам обследования домохозяйства сотрудниками районного центра социального обслуживания населения и после составления акта материально-бытового положения. В случае адресной социальной помощи безработный должен представить еще пакет документов, подтверждающих его тяжелое материальное положение (например, документы о задолженности по квартплате). Т. е. проводится стандартная адресная политика, основанная на проверке нуждаемости.

В рамках данной статьи мы не ставили целью описать *все* возможные виды государственной помощи — например, помощь при переезде в сельскую местность, возможности переобучения и возможности исполнительных органов власти, *рекомендующих* предприятиям и различным учреждениям разрабатывать проекты общественных оплачиваемых работ с привлечением безработных.

Целью подробного описания являлось стремление показать, насколько взаимосвязаны социально-культурные, экономические и политические факторы, когда речь идет о занятости.

Выводы. Как мы попытались показать в данной статье, сложившаяся система организации и контроля занятости в Беларуси — попыт-

ка возрождения оставшейся с советских времен административно-командной системы планирования и распределения. При отсутствии экономических преобразований она позволяет на некоторое время сглаживать негативные социальные явления и поддерживать сложившиеся формы взаимодействия государства и общества. Эти отношения можно обозначить термином Ю. Левады «корруптивная сделка». «В нормальных, устойчивых экономических отношениях выступают на первый план долгосрочные интересы, которые могут реализоваться только с учетом интересов других субъектов действия и общезначимых норм. Регулярное экономическое поведение, в принципе, строится по универсально применимым образцам. Корруптивная сделка, в отличие от такого образца, всегда строится на краткосрочных, моментальных и сугубо партикулярных интересах участников (схватить, что удастся, не задумываясь о дальних последствиях). Она всегда нарушает или обходит общепринятые нормы и чужие интересы»², — отмечал он. Играя роль спускового механизма-включателя, который направляет или тормозит потоки социально востребованных благ, услуг и действий, коррупционная сделка использует как «подкрепляющие» санкции, так и «угрожающие». Так происходило в советском обществе, где не были найдены механизмы взаимодействия между государством и человеком, механизмы стимулирования труда и инициативы: все попытки добиться эффективных отношений между властью и гражданами можно было описать с помощью модели корруптивной сделки. При этом реальные результаты, производительность труда и т. п. оказывались мизерными, а общество — захваченным целыми сериями коррупционных сделок разных масштабов³.

Так почти и происходит в Беларуси: контракты выступают как «угрожающие» или «репрессивные» санкции, субботники — как проявление деланного энтузиазма на фоне принуждения к труду, стигматизация сфер деятельности и занятых в них (торговля, «челноки», предприниматели и т. п.) и их исключение из обсуждения на этапе разработки государственной политики — как постоянное создание героев и врагов.

Предприятия и работники в таких условиях вынуждены приспосабливаться к предложенным моделям взаимодействия с минимальной возможностью как-то повлиять на решения ис-

¹ Участвовать в общественных работах может любой желающий. По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, за три квартала 2010 г. в оплачиваемых общественных работах приняли участие 75,5 тыс. человек, в том числе 39 тыс. безработных. См.: <http://www.mintrud.gov.by/ru/activity/sostojanie> (дата просмотра 10.12.2010).

² Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 236.

³ Левада Ю.А. Там же. С. 240–241.

полнительных и законодательных органов власти, которые, в свою очередь, принимают плохо проработанные решения и, как следствие, сами же вынуждены с опозданием реагировать на проявляющиеся негативные социально-экономические последствия таких решений.

Вся система органов по труду и занятости, особенно центры занятости, в таких условиях выступают как заложники существующего положения дел — чрезмерной централизации и госрегулирувания. Само их наличие требует от руководства (а также от всех работников системы) постоянной положительной динамики тех параметров, которые могут быть измерены (например, рост количества трудоустроенных, уменьшение количества зарегистрированных безработных и т. п.). Чрезмерная централизация и обязательная отчетность по выполнению *прогнозных* социально-экономических показателей требует постоянной «бурной» деятельности вместо того, чтобы согласованность интересов различных ведомств способствовала разработке долговременной политики в данной сфере.

Значимость социальных сетей для трудоустройства в первичном (наиболее престижном и высокооплачиваемом) секторе труда имеет и обратную сторону — это небольшие по масштабам модели «коррупционных сделок». В ситуации относительной закрытости данного рынка труда для государственного регулирования, а также дефицита рабочих мест большее значение имеет не инициативность, мотивированность, рост производительности труда и т. п., а фактор личных отношений для входа и закрепления на рынке, определенная лояльность к окружению и последующее выполнение *показателей* как синонимов эффективности работы¹.

В ситуации, когда в риторике президента постоянно подчеркивается роль для страны лишь негуманитарной и прикладной науки, а общество не является объектом комплексного изучения, значимыми становятся «калькулируемые» факторы. Это то, о чем писал Манхейм, говоря о развитии социальных дисциплин: «Не подде-

¹ В Беларуси нет, например, открытого конкурса при поступлении на государственную службу. Кроме того, по Закону «О занятости» в случае возникновения свободных рабочих мест работодатель обязан информировать органы по труду, занятости и социальной защите о наличии вакансий, с указанием условий труда и размера оплаты, в течение двух недель со дня их появления. При нарушении этого требования на нанимателя накладывается значительный штраф (как на организацию, так и на должностное лицо, которое не подало сведения). В результате нанимателю часто выгодно быстро искать нового работника самому: после того как он подал информацию в службу занятости, ему придется работать уже с ней, так как ему будут предлагать работника из тех, кто зарегистрирован в качестве безработного.

жит сомнению, что заимствование социальными науками естественнонаучных методов ведет к такому положению, когда объектом изучения становится не то, что хотелось бы узнать и что имело бы решающее значение для дальнейшего развития общества, а лишь те комплексы факторов, которые допускают измерения с помощью определенного, уже разработанного метода. Вместо того чтобы пытаться с наиболее возможной в данных обстоятельствах точностью обнаружить, что является наиболее важным, обычно удовлетворяются тем, что приписывают значимость тому, что может быть измерено, только потому, что оно случайно оказывается этому измерению доступным»².

Количество рабочих мест, количество безработных, размер выплат — безусловно, значимые *экономические* показатели. Однако отсутствие обратной связи и повышенная важность, придаваемая только цифрам, свидетельствуют также и о том, что маскируются социальные последствия, к которым приводят используемые методы, особенно если принять во внимание направленность «коррупционных сделок» на краткосрочное получение односторонних выгод, без учета интересов *другого*.

Кроме того, важно заметить, что в ситуации, когда отношения господства и подчинения остаются доминирующими, хотя и скрываются под имитацией социального диалога, а также под популистскими лозунгами выступлений «от имени народа», люди пытаются сами защитить свои права, однако делают это либо на индивидуально-семейной основе, либо на неформальной. Таким образом, даже получая законные права, они вынуждены отстаивать их на основе унаследованной от административно-командной системы модели решения проблем, где они выступают перед государством в лице чиновников как *просители*, а не как равноправные субъекты³.

Это проявляется среди прочего в том, что государство всячески порицает действия граждан, обнаруживающих *недостатки* сложившейся системы (например, внутренних мигрантов, «челноков»). Сказанное в полной мере относится и к безработным: «Государство видит в безработных правонарушителей, а не людей, пострадавших от экономической политики

² Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 65–66.

³ См.: Шабанова М. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 256.

властей, как это есть на самом деле»¹. Отдельные злоупотребления со стороны незначительной части безработных подаются как возможность получения выгоды всеми безработными: «Кое-кому выгодно сидеть и получать пособие со всеми вытекающими последствиями при начислении пенсий, трудового стажа и где-то болтаться»². Как мы постарались показать, даже «добросовестные» безработные имеют минимальное поле для проявления самостоятельности, а государством приняты лишь незначительные меры по их поддержке (с учетом единственно *возможностей* государства, а не того, что необходимо для социальной защиты безработных): «Мы поддержим материально и граждан, временно оказавшихся без работы, но эту “контору” потихоньку будем сжимать — так называемое пособие по безработице. Почему? Потому что у нас сегодня “требуются, требуются, требуются”»³.

Таким образом, в Беларуси, в ситуации, когда неэффективность государственной политики приводит к негативным социально-экономическим последствиям, сразу же обнаруживаются «чужие», стигматизация и ис-

ключение которых из возможного диалога являются способом поддержать видимость социальной стабильности и экономического роста. Взаимодействие государственного аппарата и общества строится не с учетом долгосрочной стратегии развития, общих ценностей и других значимых для *будущего* факторов, а на основе противопоставления государства (в лице чиновников) и всех остальных. Это проявляется в стремлении государства имитировать и постоянно усиливать контроль любых инициатив «снизу» — от возможности переговоров между нанимателями и работниками, до диалога работников с государством (как нанимателем, контролером и социальным гарантом), постоянно изобретая и совершенствуя методы реагирования со стороны государства на возможности проявления самостоятельности граждан. Сфера занятости, в разных проявлениях затрагивающая всех жителей страны, будучи сложным по структуре механизмом взаимодействия между гражданами и государством, выступает в данном случае лишь как отражение всей проводимой государственной политики на протяжении почти двух десятилетий после обретения Беларусью независимости.

¹ Мнение бывшего министра труда республики, ныне независимого эксперта Александра Соснова. Цит. по: *Спасюк Е.* Государство поддержит только активных безработных // http://naviny.by/rubrics/economic/2010/05/19/ic_articles_113_167872/ (дата просмотра 07.12.2010).

² Стенограмма выступления президента А.Г. Лукашенко на VI съезде ФПБ 17.09.2010 // <http://www.president.gov.by/press97884.html#doc>

³ Там же.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бонгаренко Наталия Владимировна (Аналитический центр Юрия Левады)

Волков Денис Александрович (Аналитический центр Юрия Левады)

Гудков Лев Дмитриевич (Аналитический центр Юрия Левады)

Дубин Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

Зоркая Наталия Андреевна (Аналитический центр Юрия Левады)

Красильникова Марина Дмитриевна (Аналитический центр Юрия Левады)

Моргунова Анна Борисовна (Аналитический центр Юрия Левады)

Николюк Сергей Александрович (политолог, Минск)

Самсон Иван (Институт европейских исследований при Университете Пьера

Менгеса Франса, Гренобль, Франция; Institut de recherche Espace Europe. UPMF Grenoble — France.UPMF)

SUMMARY

Russian Judicial Reform in Society Opinions (by Lev Gudkov, Boris Dubin, Natalia Zorkaya). The article sets forth the findings of the Russian national survey carried out in 2010 with the support of Economic Analysis Bureau and World Bank. The citizens are not much interested in juridical help: in solving their private or business problems 70% of adult Russians can do without it. The vast majority of others turned to courts first of all for solving their family problems. The respondents, especially those who have had an experience of court procedures show a high level of distrust to the court, critical estimations of judicial system mainly connected with judges' dependency on the authorities. It's worth noting that the Russians trust in the least degree those courts which they know most of all about: the courts of general jurisdiction of various levels. More than half of the Russian population (and most often top managers and businessmen) don't feel themselves protected by law. The respondents mention corruption in government bodies as one of the most acute issues facing the country and its leadership. All these factors undermine law consciousness of the citizens, their faith in the force of law. At the same time, people have a very slight idea of how the present Russian judicial system is organized, think the information about courts and prosecutor's office to be extremely scarce, they admitting their almost complete absence of interest to these issues. The respondents believe the following measures to be indispensable for raising the authority of the Russian courts: granting actual independence of judges; providing the public with better information of the courts work, overcoming the closedness of judicial system; election of judges by population and securing the right of their recall; raising the level of judges' competence, improving their education quality.

Internet and Political Engagement (according to Surveys Data) (by Denis Volkov). The paper analyzes the findings of Levada Center surveys during the 2000-s. According to these data, about 7–8 mln. of the Russians regularly use Internet for more than

two hours a day, having access to all the variety of net resources. They are first of all young, successful, educated inhabitants of large cities of the country. Monopoly of government TV channels in shaping the view of the events in the country still persists. A number of political themes critical towards the present regime don't have access to the Federal TV, therefore these themes remain unknown to 80–90% of population. Politicized Russian blogs sphere which involves about one fifth of the Internet users is capable of generating new themes, however these are the sites which can give rather complete and well analyzed picture of what's going on that are the least popular. Among Moscow youth for whom Internet publications are the most preferable and trustful source of information about current events people without definite political preferences prevail. Thus «the most well-informed» turn out to be the least «interested», demobilized. Non-system oppositional parties and movements in Russia fail to secure either the trust or the more so participation of somewhat broad Internet audience in their actions.

Middle Class in Russia: Emerging Reality or an Old Myth? (by Ivan Samson and Marina Krasilnikova). The authors systematically examine the data of various Russian surveys of the society social structure during the 2000-s and give a negative answer to the question about the existence of the Russian middle class. The authors indicate theoretical weakness and lack of methodological grounds in overwhelming majority of middle class research in Russia, consider the estimations of its «size» to be extremely exaggerated. They emphasize that the number of the most important attributes of middle class (stable financial situation, considerable savings, incomes from enterprising activity and not from redistribution of raw materials rent, possession of power and influence on political decisions in the country; interest in society modernization and willingness to participate in it; shaped collective identity, etc.) are lacking in the Russian society. Intermediate layers of the Russian society without

class, status and the party can't exist as an independent, authoritative and influential social group. In the «myth» about middle class in Russia spread in the circles close to the Russian authorities the authors see the relic of the myth about convergence – Epigonic at present ideas that sooner or later the whole world will approach the Western, more exactly American, pattern of economic and social development.

Specific Features of Personnel Policy of the «Crisis Period» in 2008-2010 (by Natalia Bondarenko). N. Bondarenko analyses the data of employers' survey conducted by Levada-Center within the project «Monitoring of education economy» which is brought about for State University – Higher School of Economics in cooperation with the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The author focuses on the demands of enterprises to the today's system of occupational education in the country. Employers still tend to search in labour markets mainly for employees of «wide scope» with skills of later training in a company (from 60% to 90% of enterprises would look for just this kind of workers). In their attempts to minimize economic costs for such training employers pay attention to formal availability of a diploma (certificate) of occupational education, experience of work in a profession, an applicant's successful result at a job interview or test. The latter, intra-company indicator taking employees' personal qualities into account is of particular importance. More complex characteristics showing the quality of professional education (including Master Degree, diploma of a prestigious University) are not perceived as important by the vast majority of employers. Employers show very limited interest to investing in the programs of occupational training, do not tend to expand collaboration with educational system. The forms of training that require considerable investments (education at business schools and abroad, etc.) remain the least spread at the enterprises; it concerns especially the enterprises of average and small business. Just as it was before the crisis the issues of personnel development are not of primary importance for employers and in future such attitude may decrease the quality of manpower supply.

«Merry» Presidential Elections in Belarus (by Sergei Nikolyuk). Using the data of Independent Institute of Socio-Economic and Political Studies the author analyzes the situation which made Alexander Lukashenko replace liberal rhetoric of the three recent years largely connected with world economical crisis by direct armed measures

against opposition during 2010 Presidential elections. S. Nikolyuk emphasizes increasing feeling of uncertainty in future among Byelorussian population but thinks that it is this uncertainty together with massive financial infusions into social programs of employees support that make up the resource of Lukashenko's broad support by paternalistically oriented population. The author indicates the disunity of Byelorussian society (32% of them believed the recent election to be not free and fair, other 14% didn't give a certain answer to this question) and at the same time the weakness of opposition candidates, uncoordinated actions of those forces that attempt to withstand authoritarian power of «the national leader».

Employment in Belarus: Policy and Everyday Life (by Anna Morgunova). The author scrutinizes a great amount of statistical and sociological data, publications in mass media, participant observations and other sources on the country government policy in the sphere of employment, labor market (including public work), on the role and situation of trade unions, the dynamics of unemployment and migration, population dispositions in connection with prices increase, fears of losing a job place, families' impoverishment (unemployment in the country being registered not by the findings of regular households surveys but by the number of citizens officially registered in Centers of Employment). A. Morgunova describes the established system of employment organization and control in Belarus as a «corruptive deal» (a term introduced by Yu. Levada) and views it as an attempt to preserve by paternalistic methods the administrative commanding system of planning and redistribution left over from the Soviet times. The present system allows in a short time perspective to smooth over negative social phenomena, keep up the established forms of the state and society interaction. At the same time, in public rhetoric it imitates the dialogue of responsible figures, the support of «initiatives from below» while actually increasingly taking these initiatives (shaping social networks, etc.) under bureaucratic control. Under such conditions enterprises and employees are forced to adapt themselves to the suggested patterns of behavior actually being devoid of possibility to influence the officials' decisions. The system of governmental bodies on labor and employment, especially Centers of Employment, appear to be the hostages of the existing situation, that is, over-centralization of control and regulation «from above».

Two more articles of the issue deal with social problems engendered by *world economic crisis*.

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2010 ГОДУ

	№	Стр.
<i>Бондаренко Н.</i> Особенности кадровой политики «кризисного периода» 2008–2010 гг.	4	73–90
<i>Борусяк Л.</i> «Старое доброе кино» и постсоветский телеопыт	1	90–101
<i>Борусяк Л.</i> Чтение как ценность в среде молодых российских интеллектуалов	3	53–65
<i>Валиахметов Р., Мухамадиева Р., Хилажева Г.</i> Опыт социологического исследования проблемы суицида	1	65–89
<i>Волков Д.</i> Интернет и политическая ангажированность в России (по данным массовых опросов)	4	44–60
<i>Гудков Л.</i> Время и история в сознании россиян (часть II)	2	13–61
<i>Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.</i> Российская судебная система в мнениях общества	4	7–43
<i>Долуцкий И.</i> Письмо в редакцию «Об одной статье»	1	109–114
<i>Дубин Б.</i> «Особый путь» и социальный порядок в современной России	1	8–18
<i>Дубин Б.</i> Координата будущего в общественном мнении	2	7–12
<i>Дубин Б.</i> О чтении и нечтении сегодня (в порядке комментария к статье Л.Борусяк)	3	66–74
<i>Дюк Е.</i> Общественное мнение и технологии опроса: адресная и маршрутная выборки	2	113–117
<i>Забавев И.</i> «Своя жизнь», образование, деторождение. Мотивация репродуктивного поведения в современной России	3	7–97
<i>Колочарова Е.</i> Политическая идентичность в социологическом измерении	1	48–56
<i>Кулык В.</i> Родной язык и язык общения: на что должна ориентироваться языковая политика?	3	75–86
К 80–летию Теодора Шанина	3	114
К юбилею А.Г.Вишневского	1	118
<i>Левинтова Е., Баттерфилд Д.</i> Ответ на письмо И.И. Долуцкого	1	115–116
<i>Лидерман Ю.</i> Почему концепция перформативного искусства не популярна в сегодняшней России?	3	37–45
<i>Мицек С.</i> Россия на переломе: проблемы и перспективы	1	57–64
<i>Моргунова А.</i> Идеологии и стратегии доминирования в дискурсе российского и белорусского президентов	1	19–47
<i>Моргунова А.</i> Миграция. Проблема?	2	89–100
<i>Моргунова А.</i> Занятость в Беларуси: политика и повседневность	4	98–115
<i>Николюк С.</i> «Веселые» президентские выборы в Беларуси	4	91–97
<i>Новикова Л.</i> Механизмы психологической защиты личности в условиях тоталитарного режима	3	28–36
<i>Окольская Л.</i> Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр	3	13–27
О Леваде. Интервью с Алексисом Береловичем	3	98–113
<i>Примако Л.</i> Пожилые люди в России: проблема социальной напряженности	2	101–112
Реплики с поля. Публикация Е.Дюк	3	115
<i>Римский В.</i> Социальные аспекты взаимодействий граждан и предпринимателей с российской судебной властью	2	62–79
<i>Самсон И., Красильникова М.</i> Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф?	4	61–72
<i>Сидоренко А.</i> Настоящее и будущее российского Интернета: существующее положение, региональная проекция, перспективы	3	46–52
<i>Ткаченко В.</i> Суверенная бюрократия Украины: в зоне двойной периферии	2	80–88
<i>Федотова Л.</i> Разговор ученика с учителем	1	102–108

LIST OF PUBLICATIONS. 2010

	№	P.
A.G. Vishnevsky Jubilee	1	118
<i>Berelowitch A.</i> About Levada	3	98–113
<i>Bondarenko N.</i> Specific Features of Personnel Policy of the «Crisis Period» in 2008–2010	4	73–90
<i>Borusyak L.</i> Good Old Movie» and Post–Soviet Television Experience	1	90–101
<i>Borusyak L.</i> Reading as a Value among Young Russian Intellectuals	3	53–65
<i>Dolutskiy I.</i> A Letter to the Editorial Board «On One Article»	1	109–114
<i>Dubin B.</i> »The Special Way» and Social Order in Modern Russia	1	8–18
<i>Dubin B.</i> The Dimension of the Future in Public Opinion	2	7–12
<i>Dubin B.</i> On Reading and Non–reading Today	3	66–74
<i>Dyuk Ye.</i> Public Opinion and Survey Technologies: Addresses and Route Samples	2	113–117
<i>Fedotova L.</i> Conversation of an Apprentice with a Teacher	1	102–108
<i>Gudkov L.</i> Time and History in the Russians' Consciousness	2	13–61
<i>Guvkov L., Dubin B., Zorkaya N.</i> Russian Judicial Reform in Society Opinions	4	7–43
<i>Kolocharova E.</i> Political Identity in Sociological Dimension	1	48–56
<i>Kulyk V.</i> The Native Language and Language of Everyday Usage: Which should Language Policy be Guided by?	3	75–86
<i>Levintova E., Butterfield J.</i> A Reply to I. Dolutskiy's Letter	1	115–116
<i>Liderman L.</i> Why is Conception of Performance Art not Popular in Modern Russia?	3	37–45
<i>Mitzek S.</i> Russia at the Turning–Point: Issues and Prospects	1	57–64
<i>Morgunova A.</i> Ideologies and Strategies of Domination in the Discourse of Russian and Byelorussian Presidents	1	19–47
<i>Morgunova A.</i> Migration as a Problem	2	89–100
<i>Morgunova A.</i> Employment in Belarus: Policy and Everyday Life	4	98–115
<i>Nikoliuk S.</i> «Merry» Presidential Elections in Belarus	4	91–97
<i>Novikova L.</i> Personality Psychological Defense Mechanisms under Totalitarian Regimes ³		28–36
<i>Okolskaya L.</i> Values and Norms of Sociological Profession on the Sites of Departments and Chairs	3	13–27
<i>Primako L.</i> The Elder Age Group of the Russians: the Issue of Social Tension	2	101–112
Remarks from the Field	3	115
<i>Rimskiy V.</i> Social Aspects of the Citizens and Businessmen Interaction with Russian Judicial Power	2	62–79
<i>Samson I., Krasil'nikova M.</i> Middle Class in Russia: Emerging Reality or an Old Myth?	4	61–72
<i>Sidorenko A.</i> The Present and the Future of the Russian Internet	3	46–52
Theodore Shanin Jubilee	3	114
<i>Tkachenko V.</i> The Sovereign Bureaucracy of Ukraine in the Zone of Double Periphery	2	80–88
<i>Valiahmetov R., Muhamadieva R., G. Hilazheva G.</i> An attempt of Sociological Research of Suicide	1	65–89
<i>Volkov D.</i> Internet and Political Engagement (according to Surveys Data)	4	44–60
<i>Zabayev I.</i> «Own life», Education, Chilbirth. Motivation of Reproductive Behavior in Contemporary Russia	3	87–97

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2011 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 240 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

Редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

ORDER FORM

for 2011

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10